

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования

Научный журнал

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс
в ООО Агентство «Книга-Сервис»:
80114

Том 12 № 2
2025 г.

ISSN 2409-1073
eISSN 3033-5442

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research

Scientific Journal

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription number of LLC Agency "Book-Service":
80114

Vol. 12 No. 2
2025

ISSN 2409-1073
eISSN 3033-5442

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

Редакционная коллегия

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент, профессор РГСУ (Москва)

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор, профессор НИУ МИЭТ (Москва)

Председатель редколлегии

Анискин Ю. П., доктор экономических наук, профессор, профессор НИУ МИЭТ (Москва)

Сопредседатель редколлегии

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Члены редколлегии

Агапов В. С., доктор психологических наук, профессор, профессор Московского университета МВД РФ им. В. Я. Кикотя (Москва)

Алексеев С. В., доктор педагогических наук, профессор, профессор СПБАППО (С.-Петербург)

Алексеева И. Ю., доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИФ РАН (Москва)

Большаков С. Н., доктор экономических наук, доктор политических наук, профессор, профессор РГСУ (Москва)

Бондарева Я. В., доктор философских наук, профессор, завкафедрой ГУП (Москва)

Брижак О. В., доктор экономических наук, доцент, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Гладилина И. П., доктор педагогических наук, профессор, профессор МГУУ Правительства Москвы (Москва)

Гладков И. С., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Российской академии наук (Москва)

Гуськова Н. Д., доктор экономических наук, профессор, профессор МГУ им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Данильченко А. В., доктор экономических наук, профессор, декан БНТУ (г. Минск, Беларусь)

Евдокимова М. Г., доктор педагогических наук, доцент, директор Института ЛПО НИУ МИЭТ (Москва)

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, директор научной школы РЭУ им. Г. В. Плеханова (Москва)

Захлебный А. Н., доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Ин-т содержания и методов обучения РАО (Москва)

Иванова Г. П., доктор педагогических наук, профессор, профессор ГУП (Москва)

Ильин В. В., доктор философских наук, профессор, профессор КФ МГТУ им. Н. Э. Баумана (г. Калуга)

Инфанте Давиде, Dr. Sci. (Polit. Econ.), адъюнкт-профессор Университета Калабрии (г. Ренде, Италия)

Кальней В. А., доктор педагогических наук, профессор, завкафедрой РМАТ (г. Химки)

Левин С. Н., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Лобастов Г. В., доктор философских наук, профессор, председатель Российского философского общества «Диалектика и культура» (Москва)

Лойко А. И., доктор философских наук, профессор, завкафедрой БНТУ (г. Минск, Беларусь)

Мамедов Н. М., доктор философских наук, профессор, профессор РАНХиГС (Москва)

Михалкин Н. В., доктор философских наук, профессор, завкафедрой МГППУ (Москва)

Муза Д. Е., доктор философских наук, профессор, действительный член Крымской Академии наук, завкафедрой ДонГУ (г. Донецк, ДНР, Россия)

Равочкин Н. Н., доктор философских наук, доцент, профессор КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева; профессор КузГАУ им. В. Н. Полецовка (г. Кемерово)

Румба О. Г., доктор педагогических наук, профессор, профессор СВФУ им. М. К. Аммосова (г. Якутск)

Салимова Т. А., доктор экономических наук, профессор, профессор МГУ им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Степанов С. А., доктор педагогических наук, профессор, научный руководитель МНЭПУ (Москва)

Таранова И. В., доктор экономических наук, профессор, профессор ГУЗ (Москва)

Труфанова Е. О., доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИФ РАН (Москва)

Фахрутдинова А. В., доктор педагогических наук, профессор, завкафедрой ИМО КФУ (г. Казань)

Якушенко К. В., доктор экономических наук, доцент, проректор БНТУ (г. Минск, Беларусь)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**
Научный редактор — **Т. В. Растимешина**
Выпускающий редактор — **Ю. В. Лункина**
Компьютерная верстка — **Д. А. Носачев**

Ведущий редактор — **Т. В. Растимешина**
Редакторы — **Е. В. Малинкина, А. В. Лобанова**
Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Сайт: <http://esgi-journal.ru>

Подписано в печать 20.06.2025. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 21.85 усл. печ. л., 12.82 уч.-изд. л. Заказ № 12.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editorial Board

Editor-in-Chief

T. V. Rastimeshina, Dr. Sci. (Polit.), Professor at the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University (Moscow)

Deputy Editor-in-Chief

A. I. Pirogov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor, MIET (Moscow)

Chair of Editorial Board

Yu. P. Aniskin, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Professor, MIET (Moscow)

Co-Chair of Editorial Board

A. N. Chumakov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor at the Chair of Geopolitics of Faculty of Global Studies, MSU (Moscow)

Editorial Board Members

V. S. Agapov, Dr. Sci. (Psy.), Prof., Professor, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow)

S. V. Alekseev, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Professor, SPbAPPE (Saint Petersburg)

I. Yu. Alekseeva, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy (Moscow)

S. N. Bolshakov, Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Polit.), Prof., Professor, RSSU (Moscow)

Ya. V. Bondareva, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Chair, SUE (Moscow)

O. V. Brizhak, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Professor, Financial University (Moscow)

I. P. Gladilina, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Professor, MCUM under Moscow Government (Moscow)

I. S. Gladkov, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Scientific Officer, RAS (Moscow)

N. D. Guskova, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Professor, MRSU (Saransk)

A. V. Danilchenko, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Dean of the Faculty, BNTU (Minsk, Belarus)

M. G. Evdokimova, Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Director of the Institute of LPE, MIET (Moscow)

V. G. Egorov, Dr. Sci. (Hist.), Dr. Sci. (Econ.), Prof., Director of Scientific School, PRUE (Moscow)

A. N. Zakhlebnyi, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Academician of Russian Academy of Education, Head of the Laboratory, RAE (Moscow)

G. P. Ivanova, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Professor, SUE (Moscow)

V. V. Ilyin, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor, Kaluga Branch of BMSTU (Kaluga)

Davide Infante, Dr. Sci. (Polit. Econ.), Adjunct Professor, Univ. of Calabria (Rende, Italy)

V. A. Kalney, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Head of the Chair, RIAT (Khimki)

S. N. Levin, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Scientific Officer, Financial University (Moscow)

G. V. Lobastov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chairman of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture" (Moscow)

A. I. Loiko, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department, BNTU (Minsk, Belarus)

N. M. Mamedov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor, RANEPa (Moscow)

N. V. Mikhalkin, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department, MSUPE (Moscow)

D. E. Muza, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Full Member of the Crimean Academy of Sciences, Head of the Chair, DonNU (Donetsk)

N. N. Ravochkin, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor, KuzSTU n. a. T. F. Gorbachev; Professor, Kuzbass SAU n. a. V. N. Poletskov (Kemerovo)

O. G. Rumba, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal Univ. (Yakutsk)

T. A. Salimova, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Professor, MRSU (Saransk)

S. A. Stepanov, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Head of Scientific School, IIUEPS (Moscow)

I. V. Taranova, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Professor, SULUP (Moscow)

E. O. Trufanova, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy (Moscow)

A. V. Fahrutdinova, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Head of the Department, Kazan Federal Univ. (Kazan)

K. V. Yakushenko, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Vice-Principal for Research, BNTU (Minsk, Belarus)

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Executive editor — **Yu. V. Lunkina**

Digital typesetting — **D. A. Nosachev**

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editors — **E. V. Malinkina, A. V. Lobanova**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Тел.: +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-journal.ru>

Signed to print 20.06.2025. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 21.85. Published sheets: 12.82. Order No. 12.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

Евсюкова Т. Г., Медведева Я. В. Изменения налогового администрирования упрощенной системы налогообложения.....	6
Жуков М. А. Отнесение территорий к арктической зоне Российской Федерации по принципу равноправия	17
Мрочко Л. В., Спиридонова Г. В., Мрочко В. Л. Экомаркетинг в современных компаниях: тренды цифровизации	28
Ху Минцзюнь, Устинович И. В. Формирование экосистемы развития кадрового потенциала на основе повышения конкурентоспособности реального сектора экономики.....	40

Философия: мир в человеке и человек в мире

Андриенко Е. В., Горбачева И. М. Трансформация восприятия красоты в эпоху цифровизации	55
Лебедев В. Ю., Удалова Л. В. Приватность в цифровом обществе: вызовы и риски современности. Часть 2. Цифровое общество: вызовы и риски приватности.....	65
Морозов М. Ю. Проблема идеального и социальный солипсизм: к диалогу Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица (часть 2)	78
Пирогов А. И., Растимешина Т. В. Философия гибридных войн: онтологические аспекты	94
Равочкин Н. Н. Неомарксизм и постмарксизм как идейная основа современного института государства	108

Итоги круглого стола Института ВП СГН «Когнитивные технологии: философский аспект» (ч. 2)

Гершунин С. А. Эпистемология образования как философская основа развития социальных технологий обучения.....	121
Мапельман В. М. Создание «искусственной личности»: возможность постановки задачи и ее реализации в образовании.....	128
Прись И. Е. Искусственный интеллект: о «новой этике» М. Габриэля.....	137
Ставровский И. К. Прагматизм как методологическая рамка: обоснование онтологического статуса искусственного интеллекта	146

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

Аракелян М. А., Попова Е. А., Малинка А. Н. Понятийно-категориальный аппарат науки и его значение в педагогической деятельности	155
---	-----

Молодой ученый

Юдицкая С. Е., Огурешина А. О., Алкаев И. А. Новые управленческие практики социального сопровождения студентов в сложной жизненной ситуации: оценка эффективности (на примере НИУ МИЭТ).....	165
--	-----

Информация

Памятные и знаменательные даты	178
Книжные новинки.....	181
К сведению авторов.....	183

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

Evsyukova T. G., Medvedeva Ya. V. Changes in the fiscal management of the simplified taxation system.....	6
Zhukov M. A. Assignment of territories to the arctic zone of the Russian Federation on the principle of equal rights.....	17
Mrochko L. V., Spiridonova G. V., Mrochko V. L. Ecomarketing in modern companies: Digitalization trends....	28
Hu Mingjun, Ustinovich I. V. Formation of an ecosystem for the human resources development based on increasing the competitiveness of the real sector of the economy	40

Philosophy: Universe in Human and Human in Universe

Andriyenko E. V., Gorbacheva I. M. Transformation of the perception of beauty in the era of digitalization	55
Lebedev V. Yu., Udalova L. V. Privacy in the digital society: Challenges and risks of our time. Part 2. Digital society: Challenges and risks of privacy	65
Morozov M. Yu. The problem of the ideal and social solipsism: Towards a dialogue between E. V. Ilyenkov and M. A. Lifshitz (part 2).....	78
Pirogov A. I., Rastimeshina T. V. The philosophy of hybrid warfare: Ontological aspects	94
Ravochkin N. N. Neo-Marxism and post-Marxism as the ideological foundation of modern institution of the state	108

Results of the Round Table of the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities “Cognitive Technologies: Philosophical Aspect” (part 2)

Gershunin S. A. Epistemology of education as a philosophical basis for the development of social technologies for learning.....	121
Mapelman V. M. Creating an “artificial personality”: The possibility of setting a task and its realization in education	128
Pris I. E. Artificial Intelligence: On M. Gabriel’s “New Ethics”	137
Stavrovsky I. K. Pragmatism as a methodological framework: Justifying the ontological status of artificial intelligence.....	146

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

Arakelyan M. A., Popova E. A., Malinka A. N. Conceptual and categorical apparatus of science and its significance in pedagogical activity.....	155
---	-----

Young Scientist

Yudickaya S. E., Ogureshina A. O., Alkaev I. A. New management practices of social support for students in difficult life situations: Effectiveness assessment (evidence from MIET).....	165
---	-----

Information

Memorable and remarkable dates	178
New books	181
For the Authors	183

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH: THEORY AND PRACTICE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 6–16.

Economic and Social Research. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 6–16.

Научная статья

УДК 336.221.4

DOI: 10.24151/2409-1073-2025-12-2-6-16

EDN: DPQGHT

Изменения налогового администрирования упрощенной системы налогообложения

Т. Г. Евсюкова¹✉, Я. В. Медведева²

^{1, 2} Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

✉ tgevsyukova@fa.ru

Аннотация. Изменение процессов налогового администрирования под влиянием цифровизации экономики не только трансформирует ведение бухгалтерского учета организаций, но и влияет на выбор контрагентов, проверку их благонадежности и организацию документооборота в процессе реализации хозяйственной деятельности. *Цель исследования* — определение влияния фискальной политики государства на налоговую нагрузку организаций. Применены *методы*: монографический, сбор и анализ статистических данных, сравнение и группировка. Использовались данные отчетов ФНС России. *Результаты*: представлены изменения налогового законодательства для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения (УСН). Продемонстрирован анализ динамики налоговой базы по УСН, обосновано влияние на нее законодательных изменений. *Выводы*: составленный рейтинг регионов по налоговым поступлениям на одного налогоплательщика показал положительное влияние налоговых льгот на предпринимательскую активность в Республике Алтай.

Ключевые слова: фискальная политика, налоговый контроль, льготные регионы, экономическая деятельность, налогообложение, упрощенная система налогообложения, УСН, налог на добавленную стоимость, НДС, субъекты предпринимательства

Для цитирования: Евсюкова Т. Г., Медведева Я. В. «Изменения налогового администрирования упрощенной системы налогообложения». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 6–16.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-6-16> EDN: DPQGHT.

Original article

Changes in the fiscal management of the simplified taxation system

T. G. Evsyukova¹✉, Ya. V. Medvedeva²

^{1, 2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

✉ tgevsyukova@fa.ru

Abstract. Changes in the tax management processes in response to digitalization of the economy not only transform the accounting record-keeping in organizations but also affect the choice of counterparties, their reliability checking, and document flow organizing in the course of business activities. *The purpose of this study* is to determine the impact of the state fiscal policy on the tax burden of organizations. *Methods:* monographical, statistical data collection and analysis, comparison and grouping. Data from reports of the Federal Tax Service of Russia were used. *Results:* changes in the tax legislation for taxpayers applying the simplified taxation system are presented. The dynamics of the tax base under the simplified taxation system was analyzed, and the impact of legislative changes on it has been justified. *Conclusions:* the formed rating of regions by tax revenues per taxpayer has shown the positive impact of tax incentives on business activity in the Republic of Altai.

Keywords: fiscal policy, tax control, preferential regions, economic activity, taxation, simplified taxation system, STS, value added tax, VAT, business entities

For citation: Evsyukova T. G., Medvedeva Ya. V. “Changes in the Fiscal Management of the Simplified Taxation System”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.2 (2025): 6–16. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-6-16>

Введение

Фискальная политика государства, в частности налогообложение, — основной инструмент регулирования экономической деятельности организаций (Джумаева, Джораев, 2023). Введение новых правил налогообложения, таких как обязательное применение НДС для упрощенной системы налогообложения (УСН) с 2025 г., непосредственно влияет на бизнес-среду в России. Изменения в фискальной процедуре обсуждались на экономических форумах, включая дискуссионные площадки Торгово-

промышленной палаты (ТПП) России¹, где эксперты рассуждали о возможных положительных и отрицательных последствиях для бизнеса, к которым могут привести подобные изменения. На Петербургском международном экономическом форуме в 2023—2025 гг. также активно обсуждалось возможное воздействие фискальных нововведений на малый и средний бизнес.

В научной экономической литературе (Рогачев, Логинов, Усова, 2024; Ходякова, Воликов, 2024; Гончаренко, Мельникова, 2022; Гурнак, Назарова, 2023)² принято

© Евсюкова Т. Г., Медведева Я. В.

¹ «Новости, мнения, анонсы». Торгово-промышленная палата Российской Федерации: сайт. 02.6.2025. <<https://news.tpprf.ru/ru/main/?RESOURCES=2111257>>.

² См. также: Минина В. «Налоговая реформа-2025: изменения по УСН и НДС». 01.07.2024. *Главбух Ассистент*. 23.06.2025. <<https://gba.business.ru/blog/nalogovaya-reforma-2025-izmeneniya-po-usn>>; Карасова Н. «Изменения в законах, которые бизнесу нужно учесть во втором полугодии 2025 года». 23.06.2025. *Главбух Ассистент*. 24.06.2025. <<https://gba.business.ru/blog/izmeneniya-v-zakonah-kotorye-biznesu-nujno-uchest-vo-vtorom-polugodii-2025-goda/>>.

выделять следующие аспекты фискального фактора УСН:

- 1) сокращение теневого сектора;
- 2) рост малого бизнеса;
- 3) формирование источника доходов региональных бюджетов.

Цель работы — определение влияния фискальной политики государства на налоговую нагрузку организаций.

Материалы и методы. В ходе данного исследования были применены следующие методы: монографический, сбор и анализ статистических данных, сравнение и группировки. В исследовании использовались данные отчетов ФНС России. Составлен рейтинг субъектов РФ по сумме налога по УСН к уплате, приходящейся на одного налогоплательщика.

Изменения налогового законодательства в части НДС

Фискальная политика представляет собой совокупность финансовых мероприятий государства, направленных на регулирование бюджетных расходов, налогообложения и состояния государственного бюджета для достижения поставленных задач. В краткосрочной перспективе фискальная политика государства ориентирована на поддержание стабильного уровня общего выпуска (ВВП), полной занятости ресурсов и стабильных цен. В долгосрочной перспективе она способствует устойчивому экономическому росту. Один из основных инструментов фискальной политики — налоги, главные источники доходов бюджета.

Налоги позволяют государству регулировать экономические процессы. Они помогают распределять ресурсы, поддерживать социальные программы, а также стимулировать или, наоборот, сдерживать развитие определенных секторов экономики. Фискальный фактор, т. е. влияние налогов на экономическую деятельность, заключается в том, что увеличение или снижение налого-

вой нагрузки может привести к изменению поведения компаний: изменению структуры расходов, стратегии закупок и даже политики ценообразования.

Повышению эффективности налогового администрирования способствуют автоматизированные системы, повышающие прозрачность сделок и расчет налога. Свою эффективность показала автоматизированная система АСК НДС-2, которая может служить примером для цифровизации процессов администрирования других налогов.

Эксперты отмечают необходимость перехода к новой форме налога на прибыль, «которая хорошо поддается цифровой алгоритмизации <...>, не обременяет инвестиции, т. е. ресурсы, вводимые в бизнес, а облагает только ресурсы, выводимые из бизнеса» (Гурнак, Назарова, 2023: 1: 10). С 2025 г. в России вводят НДС для организаций и индивидуальных предпринимателей, работающих по УСН.

Данная реформа соответствует одному из основных принципов, провозглашенных А. Смитом, — удобству: «Каждый налог должен взиматься в то время и тем способом, когда и как плательщику должно быть удобнее всего платить его» (Смит, 1935: 2: 342). Действительно, налогоплательщик может выбрать, по какой схеме применять НДС: с применением вычетов или же, так скажем, по упрощенному порядку.

Основная цель введения НДС для бизнеса на УСН — это гармонизация налоговой системы и борьба с «серым» рынком. Правительство стремится:

- Сделать условия более прозрачными и равными для всех участников рынка, что должно повысить собираемость налогов и уменьшить применение налоговых схем для ухода от налогообложения.
- Повысить фискальную дисциплину и вывести бизнес из тени. С введением НДС больше предпринимателей будет работать

в белой зоне, так как у них появится обязанность вести учет НДС, и тем самым сократятся возможности для недобросовестной деятельности.

- Простимулировать малый бизнес расти и становиться средним и крупным вместо дробления для сохранения права на УСН³.

Государству это поможет повысить налоговые поступления и укрепить контроль за финансовыми потоками бизнеса.

Для бизнеса, использующего УСН, введение НДС станет серьезным изменением, которое потребует адаптации как бухгалтерского учета, так и финансовых обязательств. Вот основные последствия:

- *Повышение сложности учета.* Компании и ИП на УСН, которые ранее были не обязаны вести учет НДС, теперь будут вынуждены это делать. Это приведет к необходимости пересматривать бухгалтерские процессы, переобучать сотрудников и внедрять новые программные решения.
- *Увеличение стоимости товаров и услуг.* Для многих предпринимателей это может стать причиной для повышения цен на свою продукцию или услуги, так как НДС добавляется к конечной цене товара или услуги. Это может сделать продукцию менее конкурентоспособной, особенно в тех сферах, где конкуренция сильна. Многие малые предприятия, особенно в низкомаржинальных отраслях, могут не выдерживать дополнительной налоговой нагрузки, что приведет к их закрытию или переходу в теневой сектор.
- *Возможность налоговых вычетов по НДС.* Некоторым предпринимателям это может принести выгоду, так как они смогут ис-

пользовать налоговые вычеты по НДС на приобретенные товары и услуги. Например, если компания покупает товары с НДС, она может компенсировать его при уплате государству своего НДС. Однако государству придется усилить контроль за уплатой НДС, что может потребовать дополнительных ресурсов и повысить нагрузку на налоговые органы.

С другой стороны, введение НДС может существенно увеличить доходы бюджета, так как НДС — один из основных источников налоговых поступлений. Это может помочь при финансировании социальных программ и инфраструктурных проектов.

Нововведение будет направлено на организации, чьи доходы находятся в пределах установленного лимита для УСН, но при этом они сами активно участвуют в экономической деятельности, где НДС имеет значение: например, работают с поставщиками или клиентами, применяющими общую систему налогообложения. По данным Федеральной налоговой службы (ФНС) России, в 2023 г. на УСН находилось около 4,5 млн предприятий и индивидуальных предпринимателей, что на 5 % больше, чем годом ранее⁴.

Для сравнения, в Республике Казахстан также действует упрощенная система налогообложения, однако пороговое значение дохода для ее применения привязано к значению минимального размера оплаты труда и составляет около 2 млн руб.⁵ (Кажобеков, Абилдаханова, 2025).

С точки зрения фискальной политики, введение НДС должно способствовать увеличению налоговых поступлений и выравниванию условий конкуренции на

³ Минина В. Указ. соч.; Карасова В. Указ. соч.

⁴ Хватова Я. «Упрощенная система налогообложения. Что такое УСН, налоги и лимит 2024 года. Объясняют юристы». 09—10.09.2024. *РБК Life*: [интернет-медиа]. 26.06.2025. <<https://www.rbc.ru/life/news/66d772809a794725a1ad227f>>.

⁵ «Какой налоговый режим выбрать для ИП». 18.05.2021. *Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан*: [сайт]. 26.06.2025. <<https://www.gov.kz/memleket/entities/kgd/press/news/details/203018?lang=ru>>.

рынке. К этой категории налогоплательщиков относится значительная часть малого и среднего бизнеса, что делает данный вопрос особенно актуальным.

Рейтинг субъектов РФ по сумме налога по УСН, приходящейся на одного налогоплательщика

Для проведения анализа данных о налогоплательщиках на УСН необходимы статистические данные портала ФНС России. Для исследования применялись отчеты о налоговой базе и структуре начислений по налогам и сборам по УСН (рис. 1).

ФНС России регулярно публикует статистические данные о суммах начисленных и собранных налогов, а также о количестве налогоплательщиков. Форма предоставления данных ежегодно меняется: в ней увеличивается количество показателей, в нее включают, кроме налогов, данные о платежах по страховым взносам в фонды пенсионного, медицинского и социального страхования, а после реформы — в Социальный фонд России. При этом для специальных налоговых режимов публикуют отдельные формы. Для целей нашего исследования применена форма 5-УСН.

Согласно официальным данным статистики ФНС, в 2018—2023 гг. наблюдалась устойчивая тенденция: росло число налогоплательщиков, применяющих УСН⁶ (рис. 2).

Так, в 2018 г. УСН применяли 3,24 млн организаций и индивидуальных предпринимателей. К 2023 г. это число увеличилось до 4,48 млн, что составляет рост на 38 %. Это свидетельствует о популярности среди субъектов малого и среднего бизнеса УСН как инструмента, эффективного для снижения административной и налоговой нагрузки. Рост количества налогоплательщиков, использующих данный специальный режим, также связан с отменой Единого налога на вменен-

ный доход (ЕНВД) в 2020 г. Предприниматели, применяющие ЕНВД, могли выбрать другие режимы: УСН или патентную систему налогообложения (ПСН). Здесь с ЕНВД наиболее схожа именно ПСН, тем более что данный режим с 2020 г. был усовершенствован, чтобы адаптировать его для ЕНВД.

Налоговая база за этот период также существенно увеличилась. Абсолютное значение прироста для 2023 г. в сравнении с 2018 г. составило 47,5 % для организаций, использующих УСН «Доходы», и 75,8 % для организаций, использующих УСН «Доходы, уменьшенные на величину расходов» (рис. 3). Это отражает как общий рост экономики, так и увеличение числа организаций, выбравших данный налоговый режим.

Важно отметить, что темп прироста налоговой базы по УСН превышает темпы прироста количества налогоплательщиков. При этом налоговая база по УСН с объектом налогообложения «Доходы минус расходы» увеличивается с большей скоростью, чем по УСН с объектом налогообложения «Доходы». Это говорит о том, что финансовая и, в частности, налоговая грамотность предпринимателей увеличивается, что легализуются доходы и что теперь налогоплательщики тщательно ведут документооборот с контрагентами.

Так, прирост количества налогоплательщиков УСН с объектом налогообложения «Доходы» в 2023 г. по сравнению с 2022 г. составил 6,7 %, а с объектом «Доходы минус расходы» — всего 0,3 %. В то же время налогооблагаемая база выросла на 25,3 % и 19,9 %. Однако если проанализировать изменение указанных показателей за последние 5 лет, то можно отметить, что в 2021 г. бурно выросло как количество налогоплательщиков (23,3 и 9,4 %), так и налоговая база (154,9 и 154,5 %). Это связано с тем, что благодаря цифровым сервисам упростилась процедура регистрации налогоплательщиков, а также

⁶ «Данные по формам статистической налоговой отчетности». Федеральная налоговая служба: официальный сайт. 23.06.2025. <https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/>.

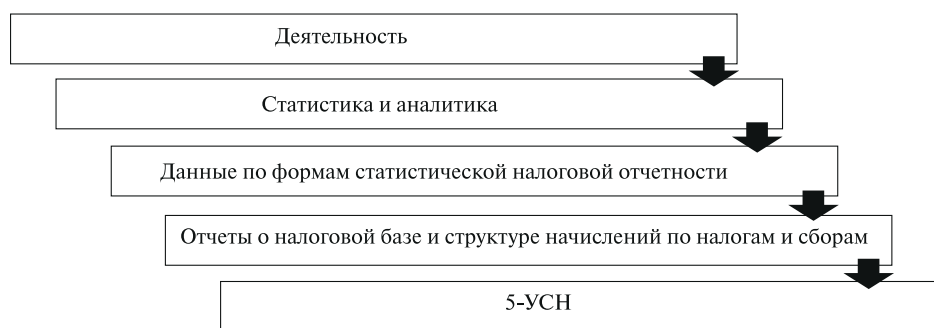

Рис. 1. Алгоритм поиска статистической информации на сайте Федеральной налоговой службы России

Fig. 1. The algorithm for searching statistical information on the website of the Federal Tax Service of Russia
Источник: составлено авторами.

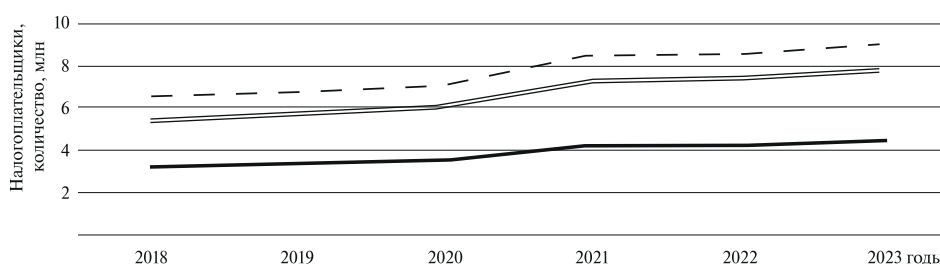

Рис. 2. Налогоплательщики, применяющие УСН, млн:

— — — применяют объект «Доходы, уменьшенные на величину расходов»; = применяют объект «Доходы»; — применяют УСН в целом

Fig. 2. Taxpayers using the simplified taxation system, million:

— — — applying object “Income less expenses”; = applying object “Incomes”; — applying STS in total

Источник: составлено авторами по данным ФНС России⁶.

с тем, что получила развитие электронная отчетность, а налоговый контроль был усилен посредством взаимодействия с финансовыми учреждениями.

То есть можно сделать вывод: увеличение налогооблагаемой базы обосновано не общим ростом налогоплательщиков, а увеличением их предпринимательской активности и развитием их экономической деятельности.

Если анализировать статистику налогоплательщиков на УСН, следующим шагом станет *ранжирование*. Чтобы присвоить каждому субъекту Российской Федерации значение для сравнения, было принято решение вычислить его, найдя отношение суммы налога, подлежащей к уплате за налоговый период, к количеству налогоплательщиков. Дисперсионный анализ показал, что разброс

значений достаточно велик, а это говорит о неравномерном распределении налогового бремени по регионам.

Таким образом было выявлено: с 2018 по 2023 г. наиболее эффективными налогоплательщиками стали г. Москва, Магаданская и Сахалинская области. В то же время аутсайдерами рейтинга остаются регионы с низким уровнем налоговых поступлений, такие как Республика Тыва, Мурманская обл. и Чеченская Республика. Их показатели зачастую обусловлены предоставлением льготных ставок по УСН и меньшей предпринимательской активностью (Гурнак, Назарова, 2023).

Динамика также показала улучшение позиций некоторых субъектов, таких как Республика Алтай, что связано с ростом числа налогоплательщиков и с увеличением налоговой базы. Эти изменения позволяют

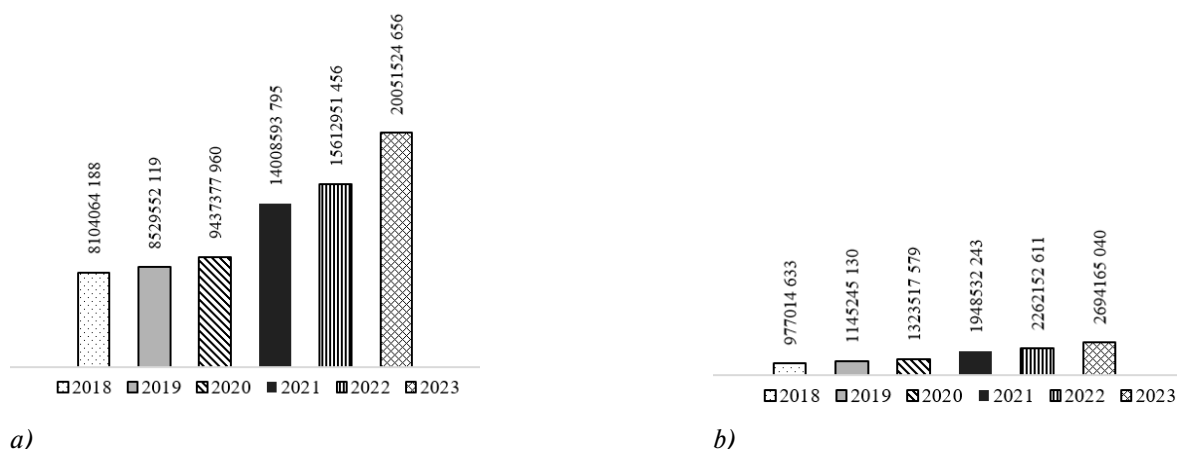

Рис. 3. Изменение налоговой базы в 2018—2023 гг., тыс. руб.:
 а — налоговая база «Доходы»; б — налоговая база «Доходы, уменьшенные на величину расходов»
 Fig. 3. Changes in the tax base in the years 2018 to 2023, thousand rubles:
 а — taxation base “Incomes”; б — taxation base “Incomes less expenses”
 Источник: составлено авторами по данным ФНС России⁶.

говорить о положительном влиянии фискальной политики на предпринимательскую активность в ряде регионов.

Такие результаты показывают, что субъекты с наибольшими показателями имеют более высокий уровень развития бизнеса с применением УСН, в отличие от субъектов с наименьшими показателями.

Рейтинг субъектов РФ по сумме налога по УСН к уплате, приходящейся на одного налогоплательщика, руб.

Rating of subjects of the Russian Federation by the amount of tax under the simplified tax system payable per taxpayer, rubles

Год	Субъекты с наибольшими значениями	Субъекты с наименьшими значениями
2023	г. Москва — 425,0 Магаданская обл. — 349,0 Сахалинская обл. — 322,2	Республика Коми — 96,8 Республика Ингушетия — 83,4 Республика Дагестан — 63,4
2022	г. Москва — 357,8 Магаданская обл. — 331,5 Сахалинская обл. — 273,9	Мурманская область — 85,7 Республика Тыва — 70,2 Республика Дагестан — 60,3
2021	г. Москва — 379,9 Магаданская обл. — 310,6 г. Санкт-Петербург — 227,0	Ненецкий АО — 72,1 Республика Тыва — 68,3 Мурманская обл. — 65,5
2020	г. Москва — 249,4 Магаданская обл. — 200,9 Сахалинская обл. — 195,9	Ненецкий АО — 39,0 Республика Тыва — 37,0 Мурманская обл. — 32,3
2019	г. Москва — 247,0 Сахалинская обл. — 210,1 Чукотский АО — 197,3	г. Севастополь — 59,3 Республика Крым — 55,7 Чеченская Республика — 50,0
2018	г. Москва — 224,6 Сахалинская обл. — 186,1 Краснодарский край — 151,4	г. Севастополь — 52,7 Республика Крым — 49,7 Чеченская Республика — 41,2

Источник: рассчитано авторами на основании данных ФНС России⁶.

При проведении регрессионного анализа было выявлено, что показатель «количество налогоплательщиков» зависит от показателя «сумма недопоступления налога в связи с уменьшением налоговой базы на сумму убытка или части убытка»: $R^2 = 0,89$.

При этом влияние фактора «сумма недопоступления налога в связи с установлением законами субъектов Российской Федерации пониженной ставки налога для отдельных категорий налогоплательщиков» довольно низкое: $R^2 = 0,03$.

С введением НДС для организаций на УСН налоговая база будет расти. Поскольку НДС добавится к стоимости товаров и услуг, это неизбежно отразится на конечной цене продукции, что также увеличит налоговые поступления. Таким образом, у организаций, участвующих в экономической деятельности и находящихся на УСН, увеличится сумма налога, подлежащая уплате. Это в свою очередь повлечет рост стоимости товаров и услуг на сумму НДС и транзакционных издержек, связанных с декларированием косвенных налогов.

Таким образом, увеличение предпринимательской активности, обуславливающее рост налогооблагаемой базы⁷, приведет к ускоренному достижению предельных пороговых значений, необходимых для освобождения от уплаты НДС. Увеличение налогового бремени, в том числе сопряженное с административными и управленческими издержками, может привести к дроблению бизнеса или, наоборот, к снижению предпринимательской активности и сокращению количества предпринимателей. Отсюда вывод: необходимо и дальше исследовать количество налогоплательщиков, применяющих УСН. При этом нужно тщательнее рассмотреть количество налогоплатель-

щиков с предельной суммой дохода, а также количество налогоплательщиков, прошедших перерегистрацию, т. е. ликвидированных и вновь зарегистрированных.

С 2025 г. все специальные режимы остаются действительно льготными только для бизнеса с доходом, не превышающим 60 млн руб. Снижение налогового бремени, обусловленного введением НДС, возможно за счет применения пониженной ставки по УСН. Это в свою очередь достижимо, во-первых, при релокации бизнеса в так называемые льготные регионы⁸, а во-вторых, при применении приоритетных для развития экономики региона видов деятельности.

В связи с этим для налогового администрирования формируется новый вызов — борьба со злоупотреблением льготными ставками налогообложения. Такая ситуация складывается, когда организации и ИП используют юридический адрес в «льготном» регионе, но не переводят хозяйственную деятельность по новому адресу, не создают рабочие места в регионе, не повышают валовую стоимость внутреннего регионального продукта. Количество налогоплательщиков в регионах с льготной ставкой стало особенно популярно среди индивидуальных предпринимателей, занимающихся розничной торговлей на маркетплейсах. Предприниматели стремятся оптимизировать налоговую нагрузку, применяя пониженную ставку налога. Данный вид деятельности не считается приоритетным для развития территорий. Однако ряд регионов предлагает льготные условия для малых субъектов предпринимательства — этой правовой возможностью и пользуются селлеры.

В контексте реализации предпринимателями данной бизнес-модели возникает необходимость усилить функции налогового

⁷ Хватова Я. Указ. соч.

⁸ «Справочная информация: „Пониженные налоговые ставки по УСН в субъектах Российской Федерации“». КонсультантПлюс: справочная правовая система [интернет-версия]. 23.06.2025. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419295/>.

администрирования, направленного на предотвращение злоупотреблений льготными налоговыми режимами. Предполагается, что одним из направлений усиления налогового контроля станет борьба с формальным нахождением в «льготных» регионах, когда фактически на территории такого региона не ведут хозяйственную деятельность.

Кроме того, существуют и другие риски. Введение НДС может привести к увеличению стоимости товаров и услуг, так как предприниматели будут вынуждены «перекладывать» часть налоговой нагрузки на конечного потребителя. Это может снизить покупательную способность населения и замедлить экономический рост. Увеличение налоговой нагрузки может отпугнуть инвесторов (Заворыкин, 2024), особенно в секторе малого и среднего бизнеса, что негативно скажется на экономическом развитии.

Для нивелирования данных рисков возможно применить некоторые меры. Так, например, введение налога можно разделить на несколько этапов, чтобы дать предпринимателям время адаптироваться. Или предоставить налоговый вычет на первый год в размере 10 млн руб. В то же время государство может предложить льготы или субсидии для малого бизнеса, чтобы компенсировать дополнительные расходы. Например, снизить ставку налога на прибыль или предоставить налоговые каникулы.

Другой вариант уменьшения негативных последствий — разработка упрощенных процедур сдачи отчетности и уплаты НДС для малого бизнеса, в том числе возможность использования электронных сервисов. Кроме

того, необходимо провести бесплатные образовательные программы для малого бизнеса, а также обучающие семинары и вебинары для предпринимателей и их бухгалтеров, чтобы помочь им разобраться в новых налоговых требованиях.

Таким образом, перед налоговым администрированием встает задача: разработать и внедрить эффективные механизмы контроля и мониторинга, направленных на то, чтобы обеспечить целевое использование льготных налоговых режимов и предотвратить их применение в целях налоговой оптимизации без реального вклада в экономическое развитие регионов.

Заключение

Введение НДС для УСН не только стимулирует рост налоговой базы, но и может изменить распределение налоговой нагрузки по регионам. В тех регионах, где малый бизнес активно поддерживают за счет льготных налоговых ставок и каникул для новых предпринимателей, это нововведение значительно отразится на налоговой базе.

Введение в регионах налоговых льгот, таких как налоговые каникулы или сниженные ставки для новых предприятий, может стать эффективным инструментом для поддержания темпов роста налоговой базы. Такие льготы помогут малым и средним предприятиям адаптироваться к новому налогообложению, поскольку смягчат влияние введения НДС на их финансовое положение. В результате государство сможет сохранить прежние показатели роста поступлений по УСН и стимулировать дальнейшее развитие бизнеса в регионах.

Список литературы и источников / References

- Гончаренко Л. И., Мельникова Н. П. «Налоговые инструменты стимулирования развития малого и среднего предпринимательства: исторический аспект и перспективы развития в России». *Экономика. Налоги. Право* 15.6 (2022): 122—133. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-6-122-133>. EDN: CFAHLK.
- Goncharenko L. I., Melnikova N. P. “Tax Instruments to Stimulate the Development of Small and Medium-Sized Businesses: Historical Aspect and Prospects of Development in Russia”. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law* 15.6 (2022): 122—133. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-6-122-133>
- Гурнак А. В., Назарова Н. А. «Налоговое стимулирование экономического роста в России: проблемы и перспективы». *Налоги и налогообложение* 1 (2023): 1—16. <https://doi.org/10.7256/2454-065X.2023.1.39483>. EDN: LJOGLI.
- Gurnak A. V., Nazarova N. A. “Tax Stimulation of Economic Growth in Russia: Problems and Prospects”. *Nalogi i nalogooblozheniye = Taxes and Taxation* 1 (2023): 1—16. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-065X.2023.1.39483>
- Джумаева Г., Джораев М. «Фискальная политика в экономике». *Ceteris Paribus* 3 (2023): 138—140. EDN: JFNCGE.
- Jumaeva G., Joraev M. “Fiscal Policy in the Economy”. *Ceteris Paribus* 3 (2023): 138—140. (In Russian).
- Заворыкин А. А. «Барьеры и риски развития отечественной системы налогового стимулирования экономического роста в контексте экологических фискальных инструментов». *РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция* 3 (2024): 120—126. <https://doi.org/10.56584/1560-8816-2024-3-120-126>. EDN: IRZJRW.
- Zavorykin A. A. “Barriers and Risks of Developing a Russian System of Tax Incentives of Economic Growth in the Context of Environmental Fiscal Instruments”. *RISK: Resursy, Informatsiya, Snabzheniye, Konkurentsia = RISK: Resources, Information, Supply, Competition* 3 (2024): 120—126. (In Russian). <https://doi.org/10.56584/1560-8816-2024-3-120-126>
- Кажибеков А. Ж., Абилдаханова С. Р. «Влияние упрощенной системы налогообложения на динамику развития малого предпринимательства в условиях региональной экономики (на примере Акмолинской области)». *Вестник науки* 3.5 (86) (2025): 106—111. EDN: SAFGJM.
- Kazhibekov A. Zh., Abildakhanova S. R. “Impact of the Simplified Taxation System on the Dynamics of Small Business Development in the Conditions of the Regional Economy (On the Example of Akmola Region)”. *Vestnik nauki = Science Bulletin* 3.5 (86) (2025): 106—111. (In Russian).
- Рогачев А. С., Логинов М. П., Усова Н. В. «Налогообложение малого бизнеса в теневой экономике». *Научные труды Вольного экономического общества России* 245.1 (2024): 235—258. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-245-1-235-258>. EDN: RRYZQQ.
- Rogachev A. S., Loginov M. P., Usova N. V. “Businesses in the Shadow Economy”. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia* 245.1 (2024): 235—258. (In Russian). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-245-1-235-258>
- Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Т. 2. М.; Л.: Гос. соц. эконом. изд-во, 1935. 473, [2] с.
- Smith A. *The Wealth of Nations*. Books IV — V. Ed. with an introd. and notes by A. Skinner. London: Penguin Books, 2000. 672 p. Penguin Classics.
- Ходякова А. К., Воликов О. А. «Налогообложение: специальные налоговые режимы». *Экономика и бизнес: теория и практика* 3-2 (109) (2024): 164—170. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-3-2-164-170>. EDN: NVNQKK.
- Khodyakova A. K., Volivok O. A. “Taxation: Special Tax Regimes”. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice* 3-2 (109) (2024): 164—170. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-3-2-164-170>

Информация об авторах

Евсюкова Тамара Геннадиевна — кандидат экономических наук, ассистент преподавателя кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, 125167, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2), tgevsyukova@fa.ru, SPIN-код: 8754-0631.

Медведева Яна Владимировна — студентка факультета «Высшая школа управления» Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, 127083, Москва, ул. Верхняя Масловка, д. 15), 249656@edu.fa.ru

Авторский вклад

Евсюкова Т. Г. — разработка концепции; научное руководство; разработка методики; администрирование проекта; критический анализ и доработка текста.

Медведева Я. В. — сбор данных и анализ результатов исследования; визуализация и представление данных в тексте.

Information about the authors

Tamara G. Evsyukova — Cand. Sci. (Econ.), Teaching Assistant at the Department of Taxes and Tax Administration, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia, 125167, Moscow, Leningradsky Ave., 49/2), tgevsyukova@fa.ru, SPIN code: 8754-0631.

Yana V. Medvedeva — Student at the Faculty “Higher School of Management”, Financial University under the Government of the Russian Federation, (Russia, 127083, Moscow, Verkhnyaya Maslovka 15), 249656@edu.fa.ru

Author Contributions

T. G. Evsyukova — conceptualization; scientific supervision; methodology development; project administration; writing — review & editing.

Ya. V. Medvedeva — data collection and research results analysis; visualization and data presenting in the text.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025, одобрена после рецензирования 10.06.2025.

The article was submitted 15.05.2025, approved after reviewing 10.06.2025.

Отнесение территорий к арктической зоне Российской Федерации по принципу равноправия

М. А. Жуков

*Научно-координационный центр по проблемам Севера, Арктики
и жизнедеятельности малочисленных народов Севера, Москва, Россия*

nkcsever@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены проблемы реализации конституционного принципа равноправия территорий, особенности принятия уполномоченными государственными органами решений о включении отдельных территорий в состав арктической зоны Российской Федерации. Дана оценка реализации государственной политики в данной сфере, а также ее динамики за последние десятилетия. Отмечен факт отсутствия единства научного и экспертного сообществ в решении вопроса состава и количества критериев, по которым территории относятся к арктической зоне Российской Федерации. Выделены основные этапы формирования методологических подходов к данной проблеме. Указано на необходимость следовать принципу повсеместной применимости критериев районирования и принципу смысловой однозначности критериев при принятии решений о вхождении новых территорий в состав арктической зоны Российской Федерации.

Ключевые слова: арктическая зона, Конституция Российской Федерации, равноправие территорий, федеральные органы, государственное управление, правовое регулирование, критерии районирования

Для цитирования: Жуков М. А. «Отнесение территорий к арктической зоне Российской Федерации по принципу равноправия». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 17–27. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-17-27>
EDN: JEQFLQ.

Original article

Assignment of territories to the arctic zone of the Russian Federation on the principle of equal rights

M. A. Zhukov

Scientific Coordination Center for Problems of the North, the Arctic and the Livelihoods of Indigenous Peoples of the North, Moscow, Russia

nkcsever@gmail.com

Abstract. In this work, the problems of implementation of the constitutional principle of equal rights of territories, peculiarities of adoption by authorized state bodies of decisions on the inclusion of certain territories as part of the arctic zone of the Russian Federation were considered. The implementation of the state policy in this sphere, as well as its dynamics over the last decades was assessed. The fact that there is no unity of scientific and expert communities in solving the issue of the composition and number of criteria by which territories belong to the arctic zone of the Russian Federation is noted. The main stages of formation of methodological approaches to this problem have been highlighted. It is stated out the need to follow the principle of universal applicability of zoning criteria and the principle of meaningful unambiguous criteria in decision-making on the incorporation of new territories as part of the arctic zone of the Russian Federation.

Keywords: arctic zone, Constitution of the Russian Federation, equal rights of territories, federal agencies, state administration, legal regulation, zoning criteria

For citation: Zhukov M. A. "Assignment of Territories to the Arctic Zone of the Russian Federation on the Principle of Equal Rights". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.2 (2025): 17–27. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-17-27>

Введение

Равноправие регионов — конституционный принцип федеративного устройства Российского государства (п. 4 ст. 5 Конституции РФ). Конституционный суд Российской Федерации (КС РФ), подчеркивая факт равноправия субъектов Федерации, пояснил в 1996 г., что данный принцип выражается в равноправии субъектов Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственного управления. В постановлении КС РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П4 принцип равноправия назван доминирующим в статусе субъектов Федерации. При этом

он должен распространяться на все сферы общественных отношений¹ (Нифанов, Новопавловская, 2016).

Выделение арктической зоны Российской Федерации (далее АЗРФ) в составе территории страны непосредственно связано с созданием Арктического совета, в ходе участия в нем у Российской Федерации возникли международные обязательства в двух основных сферах: 1) охраны окружающей среды и биологических ресурсов Арктики, в первую очередь как среды обитания человека; 2) обеспечения социального и экономического благополучия населения Арктики,

© Жуков М. А.

¹ «Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями от 01.07.2020)». *КонсультантПлюс*: онлайн-версия. 19.06.2025. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/>.

что предопределяет необходимость выравнивания неравенства конкурентных условий хозяйствования и жизнедеятельности, генерируемого внеэкономическим северным удорожанием в его экстремальной арктической форме (Амирханов и др., 2024). На Восьмой министерской сессии Арктического совета в мае 2013 г. стороны «признали, что экономическая деятельность в Арктике является неотъемлемой частью устойчивого развития народов и сообществ региона» (Пилясов, Котов, 2016). Работу по данному направлению в Арктическом совете ведут: рабочая группа по устойчивому развитию в Арктике и Арктический экономический совет — независимая организация деловых кругов арктических государств. От Российской Федерации в нем участвуют представители РСПП, ПАО «НК „Роснефть“» и ПАО «Совкомфлот» на уровне заместителей руководителей (Пилясов, 2021).

В соответствии с обязательствами по «развитию народов и сообществ» российской Арктики, принимая во внимание особенности содержания государственной деятельности в данном макрорегионе, Российское государство проводит на территории АЗРФ особую экономическую политику, направленную на выравнивание конкурентных условий хозяйствования — в сопоставлении с условиями менее дискомфортных и более освоенных регионов. Подчеркнем: включение территорий в состав АЗРФ означает получение ими права на государственную поддержку в рамках особой государственной экономической политики в Арктике. Соответственно, возникает закономерный вопрос о равных основаниях на получение такой государственной поддержки в соответствии с критериями районирования и о единообразии применения этих критериев.

Общие вопросы учета принципа равноправия регионов при включении территорий в состав арктической зоны Российской Федерации

Рассматривать вопрос *о равенстве критериев и единообразии их применения* при включении территорий в состав АЗРФ следует с учетом ряда значимых факторов.

1. Юридическое равноправие территориальных образований реализуемо относительно однородных норм и процедур управления. Однако российская Арктика чрезвычайно разнообразна с точки зрения основной части параметров природной среды, инфраструктурной обеспеченности и хозяйственной освоенности.
2. «Равенство» — констатация наличия определенного положения дел, а «равноправие» — основание для выстраивания определенных правоотношений. Текущее состояние конфигурации АЗРФ существенно более «выравненное» с точки зрения включенности территорий в АЗРФ относительно первоначального варианта — Указа Президента России от 02 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». Но состояние «равенства» регионов в вопросе включения в состав АЗРФ частей их территорий пока не достигнуто².

Важной проблемой установления равноправия субъектов Федерации является сложившаяся в современной России практика реализации бюджетно-финансовых отношений, на что указывает доцент Г. В. Кузовлева, заместитель начальника кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России. По ее замечанию, к числу основных особенностей данной практики относится недостаточное использование принципов единства при выстраивании приоритетов

² «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ: принят Государственной Думой 7 июля 2020 года». *КонсультантПлюс*: онлайн-версия. 19.06.2025. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/>.

распределения ресурсов, предоставления экономических льгот и иных предусмотренных законодательством преференций по отношению к разным территориям, несмотря на наличие в федеральном законодательстве специально предусмотренных и четко очерченных для этого форм и процедур. При переходе на отвечающую принципу равноправия субъектов Федерации политику требуется конкретизировать критерии и процедуры, так как отсутствие дифференциации порождает дискриминацию (Кузовлева, 2014).

Действительно, политика отнесения территорий к составу АЗРФ (включение в состав АЗРФ прямо связано с экономическими льготами, привилегиями и преимуществами) вплоть до настоящего времени остается недостаточно систематизированной, что на практике часто проявляется в виде партикулярного регулирования.

Учет принципа равноправия регионов при разработке проекта Указа Президента России от 02 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»

Методика определения соответствия территорий критериям их включения в состав АЗРФ существует с 2013 г. Это — Заключение ФГБУ ААНИИ Росгидромета о географических и природно-климатических особенностях АЗРФ, утвержденное должным образом — протоколом совещания от 18 июня 2013 г. с участием курирующего заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Козака³. Направляя на со-

гласование проект Указа Президента России В. В. Путина от 02 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»⁴, заместитель министра регионального развития С. М. Назаров указал, что проект подготовлен на основании положений протокола совещания Д. Н. Козака⁵. Однако при разработке проекта Указа между членами межведомственной рабочей группы — работниками Минрегиона России и экспертами — возникли разногласия по ряду позиций, утвержденных в Заключении ФГБУ ААНИИ Росгидромета.

Основная часть текста Заключения представляет собой обобщенное описание основных черт арктической природной зоны, которое невозможно непосредственно использовать в качестве однозначно интерпретируемых критериев. Однако, наряду с обобщенными характеристиками, в Заключении наличествуют однозначно интерпретируемые критерии: «По географическим и вещественно-структурным признакам на территории АЗРФ выделены две физико-географические области:

Арктическая природная территория — природный комплекс <...> включающий морские водные объекты, относящиеся к бассейну Северного Ледовитого океана (включая Белое море), островные территории, прибрежные низменности и равнины с арктическими ландшафтами (тундры), прибрежные склоны гор и нагорий, поверхностный сток с которых направлен в арктические моря;

³ Заключение ФГБУ ААНИИ Росгидромета об определении арктической зоны Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 140-03937/13и (приложение к письму Минэкономразвития России от 25 марта 2010 г. № 4500-СВ/Д07). [Не опубликовано.];

Заместитель Председателя Правительства России Д. Н. Козак. Протокол совещания № ДК-П16-135ПР от 18 июня 2013 г. [Не опубликовано.];

⁴ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 „О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации“»: Указ Президента РФ от 27.06.2017 № 287». *КонсультантПлюс*: онлайн-версия. 01.11.2024. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218737/>; «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 “О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации”»: Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 220». *КонсультантПлюс*: онлайн-версия. 19.06.2025. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324376/>.

⁵ Заместитель Министра регионального развития С. М. Назаров. Письмо № 12051 — СН/02 от 08.03.2013 [Не опубликовано.];

Субарктическая природная территория — территория, которая в пределах арктической зоны Российской Федерации охватывает зоны лесотундровых и северотаежных ландшафтов, а также часть водосборной площади бассейна Тихого океана (северо-западное побережье Берингова моря)» (Жуков, 2014).

Нельзя сказать, что приведенная формулировка обладает исчерпывающей точностью и полнотой. Но в обобщенном виде она вполне может быть использована в качестве критериев. Смысл данного контекста Заключения ФГБУ ААНИИ Росгидромета сводится к включению в состав АЗРФ ландшафтов с тундровой, лесотундровой и северотаежной растительностью, — это основной критерий. Выход включаемых в АЗРФ территорий на побережье морских водных объектов, относящихся к бассейнам Северного Ледовитого и Тихого океанов, — это дополнительный критерий.

В Указе Президента РФ от 02 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» такой критерий, как зональное распределение растительности, не учитывался в принципе, поэтому на практике существенная часть муниципальных образований с северотаежным растительным покровом в АЗРФ включена не была, но участки территорий со средне-таежной растительностью в АЗРФ включены были, это — южные части Онежского муниципального района Архангельской области и Туруханского муниципального района Красноярского края⁶. Если ситуацией с Онежским районом можно смело пренебречь (допустимое исключение, так как муниципальный район относительно небольшой, часть его покрыта северной, а часть средней тайгой), то к простирающемуся на 800 км с севера на юг Туруханскому рай-

ону (расстояние от Москвы до финской границы) следовало бы подойти дифференцированно — не включать в АЗРФ его южную часть, примерно 250 км по долготному простираанию (как предлагалось) (Жуков, Крайнов, Попов, 2018). Решение такого рода (о частичном включении) впоследствии было принято в отношении столь же протяженного Эвенкийского муниципального района Красноярского края, что продемонстрировало его принципиальную реализуемость. В результате был создан правовой прецедент включения в состав АЗРФ территорий, простирающихся на юг до 60° с.ш. (широта гор. Выборг), в составе которых — обширные пространства средней тайги. В итоге вопрос о юридическом принципе равноправия территориальных образований относительно однородных норм и процедур управления при рассмотрении муниципальных образований с северотаежным растительным покровом оказался обостренным.

Таким образом, различия во взглядах на проблему между государственными служащими и представителями экспертного сообщества привели к тому, что из всех возможных трактовок понятия «арктическая зона Российской Федерации» на практике была выбрана самая широкая, которая легла в основу сложившейся практики государственного управления и теперь должна применяться во всех случаях рассмотрения вопросов о включении в состав АЗРФ тех или иных территорий. Такое решение тем не менее следует рассматривать как положительный результат. Оно обеспечивает рентабельность всех технологических цепочек — от добычи ценных сырьевых ресурсов на отдаленных дискомфортных территориях нового освоения до выпуска широкого спектра конечной продукции предприятиями староосвоенных и комфортных для проживания регионов.

⁶ Жуков М. А. «Туруханский муниципальный район Красноярского края — Арктика!?!». 12.12.2014. *Арктика сегодня*: инф.-аналит. портал. 19.06.2025. <<https://www.arctic-today.ru/index.php/rajonirovanie-arktiki/63-turukhanskij-munitsipalnyj-rajon-krasnoyarskogo-kraya-arktika>>.

Другой очевидный критерий, обозначенный в ЗаклЮчении ФГБУ ААНИИ, — выход территорий АЗРФ на побережье морей бассейна Северного Ледовитого океана (включая Белое море) — также был учтен лишь частично при подготовке проекта Указа Президента России В. В. Путина от 02 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». В результате включение в состав АЗРФ территорий на восточном и южном берегу Белого моря было предусмотрено изначально, а территорий на западном и северном берегу Белого моря — изначально не предусмотрено. В состав АЗРФ Мурманская область включена целиком, это результат длительной работы руководства области с Минрегионом России. Вместе с тем Республика Карелия не добилась включения территорий в состав АЗРФ, имея все основания для положительного решения этого вопроса. Данный пример далеко не единственный из тех, что демонстрируют необходимость систематизации государственной политики в отношении включения территорий в состав АЗРФ, — политики, в основе которой должны лежать конституционный принцип равноправия регионов и однозначно понимаемые критерии.

Учет принципа равноправия в процессе оптимизации состава арктической зоны Российской Федерации

Первым критерием, обозначенным в ЗаклЮчении ФГБУ ААНИИ, который в дальнейшем приняли во внимание сотрудники

уполномоченного ведомства, стало отнесение трех приморских муниципальных районов Республики Карелия к территории побережья морей бассейна Северного Ледовитого океана, что реализовано Указом Президента России В. В. Путина от 27 июня 2017 г. № 287 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»⁷.

Далее специалисты ведомств признали следующий внешне очень наглядный критерий: через территории муниципальных районов проходит линия Северного полярного круга. Следует отметить, что в ЗаклЮчении ФГБУ ААНИИ этот факт не только не используется в качестве критерия, но даже не упоминается⁸. Это связано с тем, что при включении в состав АЗРФ территорий с северотаежной растительностью линия полярного круга оказывается внутри территории АЗРФ. Но предложения использовать линию полярного круга неоднократно имели место ранее, поскольку этот критерий нагляден и понятен. В итоге консенсус был достигнут, что нашло свою реализацию в Указе Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 220 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 „О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации“» и в Федеральном законе от 13 июня 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской

⁷ «О внесении изменений в статью 7.1 Федерального закона “Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области” и статью 2 Федерального закона “О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации”: федеральный закон от 23.03.2024 № 56-ФЗ: принят Государственной Думой 19 марта 2024 года». *КонсультантПлюс*: онлайн-версия. 19.06.2025. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472769/>.

⁸ ЗаклЮчение ФГБУ ААНИИ Росгидромета об определении арктической зоны Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 140-03937/13и (приложение к письму Минэкономразвития России от 25.03.2010 № 4500-СВ/Д07).

⁹ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 (ред. От 05.03.2020)». *КонсультантПлюс*: онлайн-версия. 01.11.2024. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/>; «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (последняя редакция)». *КонсультантПлюс*: онлайн-версия. 19.06.2025. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/>.

деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»⁹ (Тишков, Жуков, Телеснина, 2022).

В настоящее время прорабатывается вопрос о реализации положений Заключения ФГБУ ААНИИ, предусматривающих включение в состав АЗРФ как арктического, так и субарктического пояса растительности. Критерий зонального распределения растительности очень удобен для интегральной оценки природных условий. Растительность устойчива относительно краткосрочных флюктуаций климатических процессов и отражает климатические сдвиги среднесрочного характера. Вместе с тем границы растительных зон и подзон очень редко имеют линейный характер, как правило, представляя собой широкие переходные полосы (экотоны). Целесообразность отнесения к территории АЗРФ муниципальных образований, соответствующих критерию зональной растительности, обоснована в серии научных публикаций (Амирханов и др., 2024; Жуков, Телеснина, 2021; Жуков, Попов, Телеснина, 2022; Жуков и др., 2023; Тишков, Жуков, Телеснина, 2022). Обоснованных возражений не последовало, но и ясно выражаемого согласия — тоже.

Учет принципа равноправия регионов Российской академией наук на примере расширения сухопутной территории арктической зоны Республики Коми

В настоящее время процесс формирования состава АЗРФ активно продолжается. Поскольку точка в деле разработки единых и достаточно объективных критериев отнесения территорий к АЗРФ, а также методических положений по их применению в практике не поставлена, органы власти субъектов Российской Федерации, уже частично включенных в состав АЗРФ или относящихся

к территориям Крайнего Севера, регулярно предпринимают попытки обосновать свои предложения по поводу включения дополнительных муниципалитетов в АЗРФ. Однако при значительной схожести аргументов, используемых в этих обоснованиях, результаты для разных регионов часто оказываются противоположными.

Так, Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 56-ФЗ в состав арктической зоны Российской Федерации были включены Белоярский и Березовский муниципальные районы Ханты-Мансийского автономного округа¹⁰. Такой результат был достигнут во многом благодаря активному диалогу губернатора и правительства региона с федеральными органами исполнительной и законодательной власти, на успех которого оказала значительное влияние подчеркнута единая позиция по данному вопросу и региональной власти, и бизнес-сообщества, и потенциальных инвесторов, и населения. Существенным фактором, повлиявшим на принятие решения по данному вопросу, явилось также положительное заключение Института экономики Уральского отделения Российской академии наук¹¹. В результате в сентябре 2023 г. обращение правительства региона о возможности включения двух муниципальных районов автономного округа в состав АЗРФ получило одобрение Президента России В. В. Путина, что в итоге привело к принятию соответствующего федерального закона весной 2024 г.

Однако, как показывает практика, такой результат достижим не всегда. Так, в письме от 18 марта 2024 г. № 1390-03-1-07 Правительство Республики Коми обратилось в Правительство Российской Федерации с обоснованием расширения территории арктической зоны Республики Коми путем включения в нее муниципальных районов

¹⁰ «О внесении изменений в статью 7.1...».

¹¹ «В Арктическую зону РФ включили два района Ханты-Мансийского автономного округа». 23.03.2024. ТАСС. Инф. агентство ТАСС. 19.06.2025. <<https://tass.ru/ekonomika/20335899>>.

¹² Правительство Республики Коми. Письмо № 1390-03-1-07 от 18 марта 2024 г. [Не опубликовано].

«Ижемский» и «Печора»¹². По поручению Управления развития приоритетных территорий Правительства Российской Федерации Российская академия наук (РАН) рассмотрела обращение и выдвинула возражения в письме от 19 апреля 2024 г. № 1-13000-2110.3/213. Анализ содержания этого документа, к сожалению, заставляет усомниться в том, что конституционный принцип юридического равноправия территориальных образований относительно однородных норм и процедур управления по вопросам изменения состава АЗРФ применяется на практике в отношении каждого обращения¹³.

В письме РАН при перечислении большого количества разнообразных критериев не указывается, какие именно из них не позволяют отнести к составу АЗРФ муниципальные районы «Ижемский» и «Печора». Конкретно выделены только основания отказа при отнесении территорий названных районов к зоне средней тайги (в действительности — в подзоне северной тайги, согласно Национальному атласу России (Национальный, 2004), всем федеральным и региональным атласам) и бореальному климату этой территории. Термин «бореальный климат» обозначает климат простирающейся более чем на 1000 км с севера на юг бореальной зоны в целом. Бореальная зона — общегеографический термин, подразумевающий зону лесной растительности, которая находится между зонами тундры и лесостепи. Если необходимо в самом общем виде сопоставить климат бореальной зоны с климатом, например, зоны субтропиков, использование понятия бореального климата имеет смысл. Но применительно к обсуждаемой задаче, в контексте ее смыслового содержания данное понятие является избыточным, рассматривать его в качестве критерия представляется нецелесообразным.

¹³ Российская академия наук. Письмо от 19 апреля 2024 г. № 1-13000-2110.3/213 [Не опубликовано]; Заместитель Председателя Правительства России Д. Н. Козак. Протокол совещания № ДК-П16-135ПР от 18 июня 2013 г. [Не опубликовано].

В качестве препятствующего критерия в письме РАН указывается значение средней температуры июля — выше +10...+12 °С. В соответствии с данным критерием, в составе АЗРФ должна оставаться только узкая приморская полоса. Другой критерий — средняя температура самого холодного месяца (январь) в значении не выше –20 °С. Применяя его, следует исключить из состава АЗРФ все территории западнее Уральских гор.

Считается препятствующим также критерий условной связи территорий АЗРФ с Северным Ледовитым океаном и Северным морским путем (по р. Печера). У многих включенных в состав АЗРФ территорий такой связи нет, а у муниципальных районов «Ижемский» и «Печора» еще и кратчайшая железнодорожная линия в порт Лабитнанги.

Транспортный критерий — отсутствие круглогодичного наземного транспортного сообщения внутри региона и с «большой землей» — условный, поскольку железнодорожное сообщение есть также в Мурманской и Архангельской областях, в Республике Карелия и Ямало-Ненецком автономном округе. Так кого включать в состав АЗРФ в соответствии с этим критерием и кого исключать из него? Вероятно, это риторический вопрос. Тем не менее ответ на него в определенной мере содержится в Заключении Института экономики Уральского отделения РАН и воспринимается как ключевой аргумент в пользу включения Белоярского и Березовского муниципальных районов ХМАО в состав АЗРФ.

Результат анализа приведенных нами документов свидетельствует о том, что положительное решение в отношении одних территорий и отрицательное в отношении других на практике принимается при соответствии этих территорий одним и тем же критериям

отнесения к составу АЗРФ. Следовательно, любое отрицательное решение такого рода одновременно будет подразумевать основания для исключения из состава АЗРФ некоторых других уже включенных в нее территорий.

Заключение

Учет принципа равноправия территорий в однородных нормах правового регулирования предполагает как условие исполнения принципа повсеместной применимости критериев отнесения территорий к АЗРФ: данные критерии районирования либо применяются с одним и тем же результатом повсеместно, либо не применяются нигде. Не менее важным является исполнение принципа смысловой однозначности критериев. Необходимо отличать элементы общего описания типичных для АЗРФ черт и особенностей от конкретных однозначно сформулированных критериев при отнесении территорий к составу АЗРФ. Письмо РАН с отрицательным решением вопроса включения в состав АЗРФ муниципальных районов «Ижемский» и «Печора» Республики Коми — типичный

пример, когда для обоснования отказа прилагается длинный список природных, экономических и социальных факторов, которые объявляются критериями без точных границ параметров их применения. Без обсуждения по большинству этих «критериев» (в действительности — факторов) обращение региона отклоняется. Вместе с тем имеется и противоположный факт: к составу АЗРФ отнесены Белоярский и Березовский муниципальные районы ХМАО, природные условия которых и транспортная ситуация с выходом в устье р. Обь схожи с условиями и состоянием транспортных потоков муниципальных районов «Ижемский» и «Печора».

Таким образом, уполномоченному федеральному ведомству необходимо сделать выбор: равноправными или неравноправными следует считать территориальные образования в вопросах включения их в состав АЗРФ. Если они равноправны — принцип равноправия должен учитываться. Если они не равноправны — у регионов возникает основание обратиться в Конституционный суд Российской Федерации.

Список литературы и источников / References

- Амирханов А. М., Жуков М. А., Охлопков И. М., Поспелов И. Н., Романенков Р. Л., Устинова Т. В. «Совершенствование текущей конфигурации Арктической зоны Российской Федерации с учетом международного экологического сотрудничества в рамках Арктического Совета». *Природные ресурсы Арктики и Субарктики* 29.1 (2024): 96—107. <https://doi.org/10.31242/2618-9712-2024-29-1-96-107>. EDN: TSDPVC.
- Amirchanov A. M., Zhukov M. A., Okhlopov I. M., Pospelov I. N., Romanenkov R. L., Ustinova T. V. “Improving the Current Configuration of the Russian Federation Arctic Zone, With Account to International Environmental Cooperation Within the Framework of the Arctic Council”. *Prirodnye resursy Arktiki i Subarkтики = Arctic and Subarctic Natural Resources* 29.1 (2024): 96—107. (In Russian). <https://doi.org/10.31242/2618-9712-2024-29-1-96-107>
- Жуков М. А., Крайнов В. Н., Попов Д. А. *Определение состава Арктической зоны Российской Федерации*: монография. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2018. 251 с. EDN: QBBNEI. Арктическая зона Российской Федерации как объект государственного управления.
- Zhukov M. A., Krainov V. N., Popov D. A. *Determining the Composition of the Arctic Zone of the Russian Federation*: monograph. Syktyvkar: The Komi Republican Academy of State Service and Administration, 2018. 251 p. (In Russian). *Arkticheskaya zona Rossiyskoy Federatsii kak ob'ekt gosudarstvennogo upravleniya*.

- Жуков М. А., Попов Д. А., Телеснина В. М. «Территории Республики Коми, не вошедшие в состав Арктической зоны Российской Федерации, но соответствующие критериям включения в нее». *Вестник Коми Республиканской академии государственной службы управления. Теория и практика управления* 3 (2022): 39—47. EDN: LZENZU.
- Zhukov M. A., Popov D. A., Telesnina V. M. "Territories of Komi Republic, Not Included in Russian Federation Arctic Zone, But Corresponding the Criteria For Inclusion". *Vestnik Komi Respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya* 3 (2022): 39—47. (In Russian).
- Жуков М. А., Романенков Р. Л., Тишков А. А., Устинова Т. В., Шевчук А. В. *Методология стратегического планирования и правового регулирования в Арктической зоне Российской Федерации*. М.: Физматкнига, 2023. 109 с.
- Zhukov M. A., Romanenkov R. L., Tishkov A. A., Ustinova T. V., Shevchuk A. V. *Methodology of Strategic Planning and Legal Regulation in the Arctic Zone of the Russian Federation*. Moscow: Fizmatkniga, 2023. 109 p. (In Russian).
- Жуков М. А., Телеснина В. М. «Общие принципы определения состава Арктической зоны Российской Федерации и вопросы ее расширения в тихоокеанской части страны». *Вестник Коми Республиканской академии государственной службы управления. Теория и практика управления* 3 (2021): 75—81. EDN: LUYLLZ.
- Zhukov M., Telesnina V. "General Principles for Determining the Composition of the Russian Federation Arctic Zone and Issues of Its Expansion in the Pacific Part of Country". *Vestnik Komi Respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya* 3 (2021): 75—81. (In Russian).
- Кузовлева Г. В. «К вопросу о равноправии субъектов Российской Федерации». *Общество и право* 2 (48) (2014): 50—53. EDN: SGTVZZ.
- Kuzovleva G. V. "To the Question About Equality Subject of the Russian Federation". *Obshchestvo i pravo = Society and Law* 2 (48) (2014): 50—53. (In Russian).
- Национальный атлас России. Т. 2. *Природа и экология*. М.: ГОСГИСЦЕНТР, 2004. 495 с.
- National Atlas of Russia. Vol. 2. *Nature and Ecology*. Moscow: GOSGISTsENTR, 2004. 495 p. (In Russian).
- Нифанов А. Н., Новопавловская Е. Е. «Интерпретация принципа равноправия субъектов Российской Федерации в практике конституционного судопроизводства». *Вестник ВГУ сер. Право* 1 (2016): 39—46. EDN: TSBVSQ.
- Nifanov A. N., Novopavlovskaya E. E. "Interpretation of the Principle of Equality of Subjects of the Russian Federation in the Practice of Constitutional Justice". *Vestnik VGU ser. Pravo = Bulletin of VSU ser. Law* 1 (2016): 39—46. (In Russian).
- Пилясов А. Н. «Региональная промышленная политика в арктических территориях: какая она есть и какой ей быть?». *Север и рынок: формирование экономического порядка* 24.3 (2021): 7—29. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2021.73.001>. EDN: TXYLLI.
- Pilyasov A. N. "Regional Industrial Policy in the Arctic Territories: What is It and What Should It Be?". *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka = The North and the Market: Forming the Economic Order* 24.3 (2021): 7—29. (In Russian). <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2021.73.001>
- Пилясов А. Н., Котов А. В. «Некоторые аспекты международного экономического сотрудничества в Арктике». *Вестник СПбГУ сер. 6 Политология. Международные отношения* 2 (2016): 81—96. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2016.20881>. EDN: WHYIAN.
- Pilyasov A. N., Kotov A. V. "Some Aspects of International Economic Cooperation in the Arctic". *Vestnik SPbGU ser. 6 Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* 2 (2016): 81—96. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2016.20881>

- Тишков А. А., Жуков М. А., Телеснина В. М. «Вопросы оптимизации состава Арктической зоны Российской Федерации». *Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения* 1 (2022): 9–16. https://doi.org/10.51823/74670_2022_1_9. EDN: YVIBOI.
- Tishkov A. A., Zhukov M. A., Telesnina V. M. “Issues of Optimizing the Composition of the Arctic Zone of the Russian Federation”. *Arktika 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya = Arctic 2035: current issues, problems, solutions* 1 (2022): 9–16. (In Russian). https://doi.org/10.51823/74670_2022_1_9

Информация об авторе

Жуков Михаил Андреевич — кандидат биологических наук, ученый секретарь Научного совета Научно-координационного центра по проблемам Севера, Арктики и жизнедеятельности малочисленных народов Севера (АНО НКЦ «Север») (Россия, 119261, Москва, Ленинский пр-т, 72/2), nkcsever@gmail.com, SPIN-код: 9081-9033.

Information about the author

Mikhail A. Zhukov — Cand. Sci. (Biol.), Academic Secretary of the Scientific Council, Scientific Coordination Center for Problems of the North, the Arctic and the Livelihoods of Indigenous Peoples of the North (ANO NKTs “Sever”) (Russia, 119261, Moscow, Leninsky Ave., 72/2), nkcsever@gmail.com, SPIN code: 9081-9033.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024, одобрена после рецензирования 29.04.2025.
The article was submitted 05.11.2024, approved after reviewing 29.04.2025.

Экомаркетинг в современных компаниях: тренды цифровизации

Л. В. Мрочко¹, Г. В. Спиридонова¹✉, В. Л. Мрочко²

¹ *Московский гуманитарный университет, Москва, Россия*

² *ООО «Центр Специальных Проектов Консалтинг», Москва, Россия*

✉ gspiridonova@mosgu.ru

Аннотация. Рассмотрены причины появления экомаркетинга и развития биоэкономики. Подчеркивается рациональность инструментов экомаркетинга. Отмечены особенности практической ориентированности стратегии экомаркетинга, благоприятные для продвижения брендов. Выявлены новые тренды, ассоциированные с экомаркетингом, и возможности его внедрения, открывающиеся благодаря цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые коммуникации, экомаркетинг, коммерческие организации

Для цитирования: Мрочко Л. В., Спиридонова Г. В., Мрочко В. Л. «Экомаркетинг в современных компаниях: тренды цифровизации». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 28–39.

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-28-39> EDN: RINGIY.

Original article

Ecomarketing in modern companies: Digitalization trends

L. V. Mrochko¹, G. V. Spiridonova^{1✉}, V. L. Mrochko²

¹ Moscow State University for the Humanities, Moscow, Russia

² ООО “Center for Special Projects Consulting”, Moscow, Russia

✉ gspiridonova@mosgu.ru

Abstract. In this work, the causes of ecomarketing rise and bioeconomics development are considered. The rational nature of ecomarketing tools is stressed out. The authors note the peculiarities of practical orientation of ecomarketing strategy that are beneficial for brands promotion. They have revealed new trends associated with ecomarketing and the possibilities of its implementation opened up by virtue of digitalization.

Keywords: digitalization, digital communications, ecomarketing, commercial organizations

For citation: Mrochko L. V., Spiridonova G. V., Mrochko V. L. “Ecomarketing in Modern Companies: Digitalization Trends”. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 28–39. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-28-39>

Введение

Сегодня в РФ продолжается подготовка инициативы национального проекта «Технологическое лидерство». В рамках данного проекта в 2024 г. премьер-министр М. Мишустин анонсировал появление нового проекта «Биоэкономика»¹. После утверждения паспорта программы Президентом РФ предусмотрена поэтапная реализация проекта, старт первого этапа возможен в 2026 г. Основная цель национального проекта РФ «Биоэкономика» связана с решением важных для государства задач строительства инфраструктуры в регионах РФ для использования биосырья, а также разработки уникальных технологий. Правительство РФ отмечает необходимость запуска такого нацио-

нального проекта — залога конкурентоспособности России в таких отраслях экономики, как сельское хозяйство, энергетика, химическая и фарминдустрия². Выдвижение и поддержка экологических инициатив поможет России выйти на новые рубежи конкурентоспособности на международных рынках. Одним из направлений национального проекта технологического лидерства «Биоэкономика» является экомаркетинг. Применение данной стратегии популярно среди известных компаний — владельцев международных брендов. Внедрение технологий экомаркетинга и интеграция экологических принципов в коммерческие производства остаются актуальным трендом.

© Мрочко Л. В., Спиридонова Г. В., Мрочко В. Л.

¹ Киселева А., Крюков В. «Что будет включать новый нацпроект по биоэкономике». 11.10.2024. *Ведомости.ру*. АО «Бизнес Ньюс Медиа». 05.06.2025. <<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/10/11/1067981-chtobudet-vklyuchat-novii-natsproekt-po-bioekonomike>>.

² «Биоэкономика России: траектории развития: [трансляция сессии Восточного экономического форума 3–6 сент. 2024 г.]». *Росконгресс: Пространство доверия*. 05.06.2025. <<https://roscongress.org/sessions/eef-2024-delovaya-programma-bioekonomika-rossii-traektorii-razvitiya/translation/#>>.

Цель данной работы — выявить особенности экомаркетинга, делающие его эффективной стратегией биоэкономики. Основные **задачи** исследования:

- раскрыть причины появления биоэкономики;
- показать рациональность инструментов экомаркетинга как составной части биоэкономики;
- выявить особенности практической ориентированности данной стратегии, имеющие значение для улучшения продвижения брендов и привлечения целевой аудитории;
- отметить появление новых трендов, связанных с развитием экомаркетинга, и возможности его внедрения для эффективного бизнеса.

Методы, использованные для решения поставленных цели и задач: качественный и сравнительный анализ научных и статистических источников, а также опыта зарубежных и отечественных специалистов в рассматриваемой области.

Контекст возникновения экологического маркетинга

Основными предпосылками развития биоэкономики ученые признают следующие факторы:

- нехватка продовольствия из-за роста численности населения в мире;
- истощаемость запасов полезных ископаемых, минеральных, сырьевых и энергетических ресурсов;
- загрязнение окружающей среды и экологический вред от ускорения освоения космоса;
- приближение Пятой промышленной революции и введение квантовых вычислений, которые меняют ментальную модель человека, влияют на его образ жизни и способствуют формированию новой системы институтов;

- трансформация науки, бурное развитие биотехнологии как области науки, появление нанотехнологий и наномедицины;
- ускорение темпов развития технологий в условиях сингулярности (Блуммарт, Ван ден Брук, 2019; Лыжин, 2014: 2: 80; Суркова, Романюк, 2016; Шваб, Дэвис, 2023: 180—219; Charter, Polonski, eds, 1992).

Футуролог Р. Курцвейл в своей модели назвал точкой технологической сингулярности момент ускорения темпа открытий до такой степени, что прогресс выйдет за пределы человеческого понимания. Согласно предсказаниям Курцвейла, время, когда возможное применение технологических открытий будет выходить за пределы понимания людей, наступит в 2035 г. (Блуммарт, Ван ден Брук, 2019: 14). Сегодня большинство ученых-экономистов полагает, что пятым (и основным) фактором экономического роста и развития современных государств является фактор знаний. Так, И. В. Гордеева пишет: «Очевидно, что биотехнологический прогресс достижим только в условиях знаниеемкой экономики...» (Гордеева, 2019: 1: 18). Следовательно, страны, которые активно используют новые знания и технологии, к 2030—2050 гг. войдут в группу наиболее экономически развитых.

Экомаркетинг, или «зеленый» маркетинг³ (см., напр.: Попова, Арзамасова, 2022), стал популярным направлением бизнес-стратегии современных компаний относительно недавно. Маркетинг, ориентированный на продвижение товаров и услуг с определением стратегии продвижения, основанной на экологической безопасности, известен с конца 1970-х гг. Сегодня экомаркетинг стал для современных компаний новым инструментом эффективного продвижения на рынке.

Первопроходцами в поисках новых направлений бизнеса в области экостратегии

³ Ginsberg J., Bloom P. “Choosing the Right Green Marketing Strategy”. *MIT Sloan Management Review*. 15 Oct. 2004. Web. 07 March 2025. <<https://sloanreview.mit.edu/article/choosing-the-right-greenmarketing-strategy>>.

для улучшения реализации товаров и услуг, повышения эффективности бизнеса выступили компании сегмента быстро реализуемых потребительских товаров (Fast Moving Consumer Goods, FMCG) и владельцы отдельных брендов одежды. Сегмент FMCG — товаров повседневного спроса — отличается от остальных сегментов потребительского рынка высокой конкуренцией, быстрой оборачиваемостью и востребованностью товаров. Сегмент производителей одежды испытывает такую же острую необходимость в поиске путей сопротивления конкуренции, быстрой реализации товаров и поддержании повседневного спроса. Компании, работающие в этих направлениях рыночной специализации, превратились в лидеров отраслевой конкуренции в современных экономических условиях. Для таких компаний характерна приверженность новой маркетинговой стратегии — экомаркетингу. Во многих публикациях, посвященных маркетингу 4.0 (см., напр.: Jia et al., 2023; Purwanti, Abadi, Suyanto, 2019; Trott, 2019), этой стратегии дали новое название: стратегия экологической устойчивости (environmental sustainability). Так, Р. А. Акимова описывает пример того, как современная производственная косметическая компания, воплотившая на практике стратегию экомаркетинга, сделала ее основой устойчивости своего бизнеса и фундаментом конкурентоспособности в отрасли производителей косметики. Сегодня компания, основанная в 1976 г. британкой А. Роддик, занимает сегмент FMCG и владеет брендом The Body Shop. Еще в начале 1980-х гг. компания реализовала революционную программу сокращения использования пластика и уменьшения расходов на научные исследования, апробацию и тестирование готовой продукции на животных. В предложениях маркетологов для потребителей появились новые призывы: отказаться от многоразовой пластиковой упаковки в пользу экорешений. Предложение запретить тестирование про-

дукции компании на животных, подкрепленное программами лояльности, вызвало положительный отклик покупателей и общественности. Благодаря этому, репутация и имидж компании значительно улучшились. Другой пример успешной адаптации экомаркетинга, приводимый Р. А. Акимовой, относится к деятельности компании Patagonia, одного из известных (в 1980-е гг. — всемирно) производителей одежды и снаряжения для спорта, альпинизма и туризма. В конце 1980-х гг. компания активно внедряла технологии переработки пластика при производстве своих товаров, а 10 % выручки от реализации продукции вкладывала в развитие экологических проектов, направленных на сохранение биосферы планеты (Акимова, 2023).

Завершение XX в. ознаменовано рядом ярких примеров применения экоинициатив бизнеса в сфере маркетинга и рекламы. Так, компания Nike в 1990-х гг. успешно реализовала стратегию экомаркетинга на своих производствах: внедрила технологии вторичной переработки сырья, выделенного из своей устаревшей или утилизированной продукции. Таким образом, в мире появились детские игровые площадки, почти полностью построенные из переработанных кроссовок.

Результаты и обсуждение

Корпоративная социальная ответственность перед потребителем и обществом (КСО) становится приоритетным направлением в стратегиях управления современными производствами и организациями. Эта инициатива возникла в конце XX в., в новом веке ее успешно переняли крупные российские корпорации (такие как ОК «РУСАЛ», ОАО «РЖД», ПАО «Аэрофлот») и крупнейшие зарубежные: Microsoft, Apple, GM, Coca-Cola Company и т. п. И лидерство в развитии КСО переходит от корпораций к сегменту FMCG. Это можно объяснить тем, что товары повседневного спроса первыми

попадают к потребителю, что требует от компаний пристального внимания к составу продукции, а также ответственного отношения к эковопросам. Маркетологи отмечают активность именно в секторе потребительских товаров и новые тренды XXI в.: ЗОЖ (здоровый образ жизни), философия новых поколений молодежи («нулевые», «зумеры», «бета» и «альфа»), возрастание значения ценностей экологии в жизни современного человека. Так, компания Ben&Jerry's, входящая в транснациональную корпорацию Unilever, отражает в годовых отчетах о прибыли информацию о влиянии ее производств мороженого на экосистему территорий, где расположены ее фабрики. Очевидно, что одно из условий лидерства в отрасли для компаний FMCG — четкая стратегия маркетинга экологической устойчивости.

На стратегии экомаркетинга обращают внимание не только представители сегмента FMCG и крупные производственные корпорации. Так, А. Лазаренко приводит данные аналитики Globe Scan и SustainAbility за 2020—2021 гг., согласно которым, в сегменте fashion-рынка применение экомаркетинга, а именно указания на использование эко-технологий и сбережения ресурсов, а также заявления об отсутствии нарушения экологии окружающей среды в процессе производства привели к увеличению лояльности аудитории модного бренда и росту показателей вторичной покупки бренда. В частности, производитель одежды Ungalli Clothing повысил конверсию покупки целевой аудиторией с 0,8 до 1,7 %, а ретейлер TAMGA Designs увеличил повторные покупки одежды одноименного бренда на 251 %. Некоторые компании требуют от партнеров выстраивания долгосрочных стратегий для эко-

маркетинга в своем бизнесе. Так, площадка электронной торговли Farfetch заявила, что к 2030 г. будет работать только с брендами, владельцы которых придерживаются стратегии экологической и корпоративной ответственности. Компания ASOS создала отдельное направление бизнеса для исключительного онлайн-продвижения продукции, произведенной в рамках стратегий экомаркетинга⁴.

Можно заметить, что компании меняют маркетинговые стратегии под влиянием изменения взглядов потребителей, под давлением новых трендов, ориентированных на устойчивый образ жизни (sustainable lifestyle)⁵ для современного человека. По мнению экспертов, приводимому В. А. Бондаренко и Н. А. Дадаян, всё больше людей в России стремятся придерживаться этих ориентиров. Так, по данным компании Nielsen, более 60 % потребителей в РФ готовы приобретать продукцию только тех брендов, владельцы которых организуют свое производство с учетом факторов социальной и экологической ответственности. Большинство экспертов уверено: экомаркетинг в современных условиях представляет собой не только успешную маркетинговую стратегию, но и один из мощных инструментов привлечения потребителей и формирования их лояльности. Кроме того, сегодня прослеживается взаимосвязь стратегии экологичности производства с привлечением инвесторов. Компании, применяющие стратегии экомаркетинга, работают в соответствии с концепцией ESG (Environmental, Social and Corporate Governance). С 2014 г. более 135 крупных компаний в РФ уже работают в рамках данной концепции. Это направление охватило в первую очередь финансовый

⁴ Лазаренко А. «Экомаркетинг: чего ждут покупатели и на что готовы бренды». 25.04.2021. *Московская школа управления СКОЛКОВО*. 11.06.2025. <<https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/eko-marketing-chego-zhdut-pokupateli-i-na-chto-gotovy-breindy/>>.

⁵ Генеральная Ассамблея ООН. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Декларация от 25 сентября 2015 г.». *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. 10.06.2025. <<https://docs.cntd.ru/document/420355765>>.

сектор, отрасли энергетики и производства топлива. По мнению экспертов, в практике работы компаний с положительной ESG-отчетностью прямая взаимосвязь между притоком инвестиций и доходами от ценных бумаг проявляется в 2 раза быстрее, чем у не придерживающихся концепции ESG (Бондаренко, Дадаян, 2024).

Российские производители товаров и услуг сегодня успешно реализуют концепции экомаркетинга. Среди наиболее востребованных экомаркетинговых решений Р. А. Акимова отмечает:

- экомаркировку, позволяющую потребителям сразу узнавать продукцию «зеленого» маркетинга (товары с маркировкой «ЭКО» и «ЗОЖ», «зеленая полка» и т. п.);
- экоупаковку и экологичную модернизацию привычной упаковки (один из факторов повышения качества и эффективности реализации, свидетельство востребованности коммуникации между российскими потребителями и производителями современной продукции);
- поддержку экоинициатив бизнеса со стороны целевой аудитории брендов (тренд последних лет, свидетельствующий об актуальности ценностей экологического маркетинга для потребителей товаров и услуг);
- стратегию первоочередного продвижения товаров, в производстве которых применялась стратегия углеродной нейтральности бизнеса (carbon neutrality business) (Акимова, 2023).

Среди наиболее популярных в России экомаркетинговых решений В. А. Бондаренко и Н. А. Дадаян отмечают внедрение в систему маркетинговых коммуникаций такого инструмента оценки качества товара, как экомаркировка. Ее назначение — свидетельствовать, что производители отказались от экологически вредных технологий при создании продукции, не используют пластик или применяют его в новом, переработанном ви-

де, что не наносит ущерба природе. В цепочке b2b производители в большинстве случаев удалены от потребителя и представлены абстрактно, названиями своих производств на этикетках товаров. Обезличенные коммуникации не имеют значения для эффективного брендинга. Наличие компонентов экомаркетинга, встроенных в бренд, напротив, значительно повышает коммуникативные возможности цепочки взаимодействий товаров, их производителей и потребителей. В подтверждение авторы монографии приводят свидетельство экспертов международного уровня — PricewaterhouseCoopers. Так, по данным PwC, почти треть российских потребителей не используют пластик и выбирают экологичную упаковку (Бондаренко, Дадаян, 2024).

Внешние коммуникации бренда посредством упаковки более всего востребованы в системе взаимодействия товара и потребителя. Упаковка — атрибут системы бренда товара, ставший одним из самых понятных инструментов экомаркетинга. В связи с этим, по мнению А. Лазаренко, при продвижении товаров с экостратегией соответствующая модернизация упаковки необходима для достижения эффективной коммуникации. Однако практика современного российского маркетинга показала несоответствие потребительских представлений реальным данным. Так, маркетинговые исследования компаний «Яндекс.Лавка» и «Кухня на районе» выявили высокий показатель высвобождения углерода при производстве бумажных пакетов, считавшихся одним из элементов экомаркетинга. Поэтому решение об использовании пластика на биоразлагаемой основе, которое принял бизнес, привело к большому успеху. Сегодня упаковку из биоразлагаемого пластика применяют почти все крупные ретейлеры в России.

Маркетологи пришли к единому мнению: необходимо включить в процесс построения стратегии экомаркетинга оценку

жизненного цикла товаров (life cycle assessment). Такой подход увеличит время и затраты, но даст возможность сравнения экои-нструментов в системе маркетинговых коммуникаций с потребителем на всех этапах реализации экоициатив. Это позволит в итоге повысить отдачу от внедрения в бизнес экотехнологий и инструментов экомаркетинга.

Привлекательность российских компаний в глазах инвесторов и международных фондов поддержки бизнеса не в последнюю очередь определяется тем, придерживаются ли эти компании стандартов ESG. Особенно важен данный аспект в нефтяной, газовой отраслях и энергетической промышленности. Российские компании, применяющие «зеленый» маркетинг на практике, получают легкий доступ к финансовым ресурсам. Кроме того, инвесторы поддерживают новые эффективные стратегии бизнеса. Например, утилизация попутного нефтяного газа и его использование в качестве топлива снижает затраты на электроэнергию для месторождений нефте- и газодобывающих компаний. Эксперты отмечают, что благодаря применению стандартов ESG российский нефтегазовый сектор бизнеса в 2020—2023 гг. минимизировал риски вредного влияния на природу и это положительно сказалось на его репутации в тот период (Бондаренко, Дадаян, 2024).

Однако практика применения экомаркетинга может быть и недобросовестной. К ней относится, в частности, гринвошинг. Так называют уловки недобросовестных маркетологов: оперирование несуществующими фактами экомаркировки товаров; необоснованные заявления о применении экоициатив и экотехнологий. К сожалению, приме-

ров такого поведения бизнеса достаточно, чтобы у потребителя сложилось двойственное отношение к экомаркетингу⁶. Поспешное внедрение экоициатив, в отрыве от анализа особенностей тех рынков, на которых планируется их применять, также может быть расценено как гринвошинг. Компания P&G заменила жесткие пластиковые упаковки мягкими, но не учла крайне малое количество перерабатывающих предприятий, способных утилизировать новый вид упаковки⁷.

Сегодня представители бизнеса ищут комплексные решения внедрения стратегий экомаркетинга в соответствии с КСО. Речь идет о масштабных и глобальных, но и более затратных решениях. Так, проект Offsetted — платформы для мониторинга и компенсации экологического следа компании⁸ — ставит задачу вовлечь потребителя в процесс оплаты и компенсации экоициатив и внедрения новых технологий для экотоваров. В этом случае высокая стоимость экотехнологий равномерно распределяется между бизнесом и покупателями, что оставляет предприятиям шанс в будущем найти новые пути становления экопроизводств самостоятельно, без поиска инвесторов и кредиторов с высокими процентными ставками. Однако, по справедливому замечанию Е. С. Титовой с соавторами, в масштабах отрасли поддерживать такую систему менеджмента, основанную исключительно на ответственности потребителя, невозможно. Этим обусловлено появление еще одной разновидности экомаркетинга: направление инвестиций крупными корпорациями на решение экопроблем, по которым ведутся научные и лабораторные исследования. Например, инвестирование в экопроекты возобновляемой энергии (Титова, Шишкин, Штырно, 2023).

⁶ Макс Южный. «Парадокс экологического маркетинга». 05.05.2021. *vc.ru*. 10.06.2025. <<https://vc.ru/marketing/242543-paradoks-ekologicheskogo-marketinga>>.

⁷ Лазаренко А. Указ. соч.

⁸ «Offsetted». *Университет 20.35*. 10.06.2025. <<https://pt.2035.university/project/offsetted>>

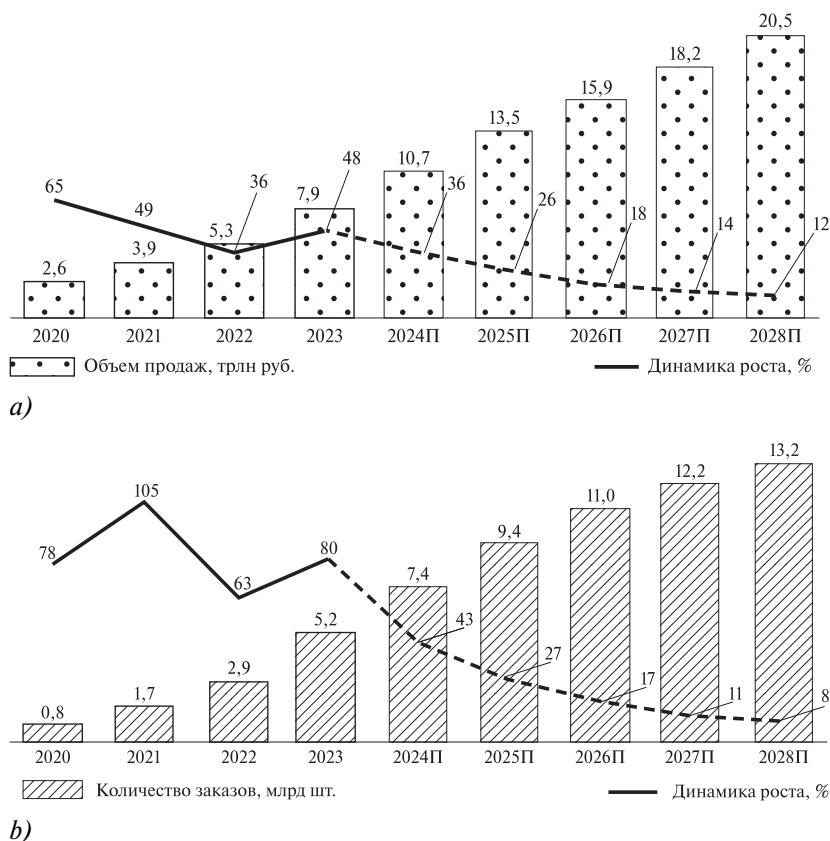

Рис. 1. Электронная торговля и онлайн-продажи: динамика в 2020—2023 гг. и прогноз на 2024—2028 гг.: а — динамика объема продаж; б — динамика количества заказов
 Fig. 1. eCommerce and online sales: dynamics, 2020 to 2023, and forecast for years 2024 to 2028: а — sales volume dynamics; б — order quantity dynamics
 Источник: DataInsight, октябрь 2024 г.

Интернет и цифровая среда сегодня признаны оптимальными инструментами для работы в сфере экомаркетинга, позволяющими широко освещать и разъяснять задачи экомаркетинга через каналы маркетинговых коммуникаций и технологии цифровой среды. Современные интернет-коммуникации помогают быстрее реализовать идеи и инициативы экомаркетинга. Так, взрывной рост популярности онлайн-торговли свидетельствует, что наиболее востребованы товары, реализуемые через интернет-площадки (рис. 1)⁹.

О востребованности интернет-коммуникаций в среде потребителей свидетельствуют и данные наращивания объемов продаж товаров через маркетплейсы, например таких брендов, как Wildberries и Ozon (рис. 2).

Практика применения экотрендов как в онлайн-, так и в традиционной (офлайн) торговле помогает увеличить конверсию от продаж, становится пропуском для масштабного присутствия на маркетплейсах с омниканальными форматами работы. Так, А. Лазаренко описывает успешный опыт российского бренда SPLAT по выпуску суббренда

⁹ По прогнозу агентства DataInsight, в 2024 г. объем продаж на рынке e-commerce вырастет более чем на треть (+ 36 %), до 10,7 трлн руб. Количество выполненных заказов на рынке e-commerce в 2024 г. увеличится более чем на 40 % и превысит 7 млрд шт. (см.: «Маркетинговое исследование: Стратегия eCommerce 2023: тренды и прогнозы 2023». 17.10.2023. DataInsight: [сайт агентства] 05.06.2025. <https://datainsight.ru/DI_FedorVirin_eCommerce_Oborot_2023>).

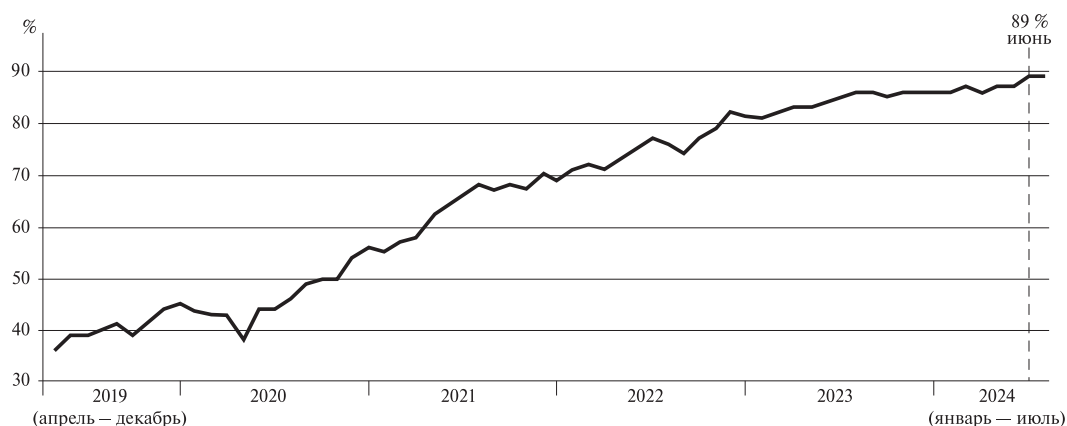

Рис. 2. Доля заказов через Wildberries и Ozon в общем количестве онлайн-заказов в период 2019—2024 гг.

Fig. 2. Share of orders through Wildberries and Ozon in total quantity of online orders, 2019 to 2024

Источник: DataInsight, октябрь 2024 г.

BioMio. Якорный бренд выбрал для него стратегию «экологическая бытовая химия». За год работы суббренда прибыль компании увеличилась на 100 млн руб. В 2021 г. BioMio в коллаборации с ретейлером X5 Group установило в супермаркетах «Перекресток» автоматы для заполнения продукцией бренда упаковки, приобретенной покупателями в супермаркете. Это нашло отклик у лояльной целевой аудитории, а также обеспечило хорошие медиавыходы и повысило узнаваемость бренда.

Выводы

Развитие цифровой среды и коммуникационных технологий способствовало формированию нескольких ключевых трендов.

1. Интернет-продажи стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Онлайн-платформа создает комфорт при совершении покупки, предоставляет широкий выбор продукции и возможность сравнения разных вариантов выбора, благодаря инструментам маркетинга. Офлайн-формат не обеспечивает сводного информирования из одной точки о предложении всего ассортимента и комплектации товара, а также условий доставки.
2. Интернет-продажи породили явление на-

тивной торговли («нативного шопинга»). Это дает возможность создать у потребителя ощущение постоянного круглосуточного и повседневного (24/7) присутствия в магазине: корзина всегда под рукой, можно сделать заказ, рекомендации на сайте маркетплейса и в социальных сетях ускоряют принятие решения о покупке. Широта и свобода выбора поддерживается маркетплейсами в онлайн-коммуникации, благодаря разнообразным инструментам системы маркетинговых коммуникаций.

3. Аналитика на основе Big Data помогает систематизировать и регулировать информацию о совершении покупки, создает фундамент для построения «зеленых» программ лояльности.
4. Возникли явление и понятие философии товара. Покупателю в интернете не важно, откуда придет товар, но для него имеет значение, какие ценности представляет этот товар через свой бренд и миссию продавца. Потребителю важен не факт географического происхождения товара, а его философия и ее соответствие взглядам клиента: убеждения, этика, нравственность, профессиональные и семейные ценности. Здесь вступают

в действие инструменты экомаркетинга, транслируемые брендом: например, такие как маркировка, экоупаковка, определение стратегии экопозиционирования. Они становятся основой для дальнейшего сотрудничества компании и потребителя, формируют ее положительную репутацию и имидж в глазах не только отдельного человека, но и общества в целом.

5. Современные посредники рынка b2b и самые крупные его представители, ретейлеры, живут по правилам медиакомпаний. Капитализация ретейлера зависит от доли онлайн-оборота, а капитализация онлайн-оборота зависит от аудитории, которой ретейлер может представить продукцию своих клиентов — поставщиков и брендов. Управление потребительским поведением — основа капитализации ретейлера. Без его знания новых трендов

и желаний потребителей экологическая модель в онлайн-продажах не будет работать.

Сегодня происходит много изменений в трендах потребления. Одним из главных можно назвать широкое внедрение в жизнь современных людей онлайн-торговли (e-commerce). Несмотря на новизну, малоизвестные производители одними из первых проявили инициативу применения экомаркетинга. Предоставляемая цифровыми форматами возможность с первых дней выхода на рынок заявить о себе как о производителе экопродукции не только улучшает позиционирование среди конкурентов, но и привлекает внимание инвесторов и общественности и может быть конвертирована в дополнительные материальные активы, способствует росту репутации, повышению рейтингов и конкурентоспособности.

Список литературы и источников / References

- Акимова Р. А. *Экологический маркетинг в системе управления предприятием общественного питания*: монография. Махачкала: АЛЕФ, 2023. 132 с. EDN: KSVXQH.
Akimova R. A. *Ecological Marketing in a Public Catering Facility Management System*: monograph. Makhachkala: ALEF, 2023. 132 p. (In Russian).
- Бондаренко В. А., Дадаян Н. А. *Экологический маркетинг в социально-экономическом развитии территории*: монография. М.: Перо, 2024. 148 с. EDN: AHUHNS.
Bondarenko V. A., Dadayan N. A. *Ecological Marketing in Social and Economic Development of a Territory*: monograph. Moscow: Pero, 2024. 148 p. (In Russian).
- Блуммарт Т., Ван ден Брук С. *Четвертая промышленная революция и бизнес: как конкурировать в эпоху сингулярности*. При участии Э. Колтофа. Пер. с англ. [З. Мамедьярова]. М.: Альпина Паблишер, 2019. 202 с.
Blommaert T., Van den Broek S. *Management in Singularity: From Linear to Exponential Management*. In coop. with E. Kolthof. Zeists: Vakmedianet, 2017. 172 p.
- Гордеева И. В. «Биоэкономика как одно из стратегических направлений устойчивого развития». *Научное обозрение. Экономические науки* 1 (2019): 16—21. EDN: YZSOWT.
Gordeeva I. V. "Bioeconomy as One of the Strategic Directions of Sustainable Development". *Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki = Scientific Review. Economic Sciences* 1 (2019): 16—21. (In Russian).
- Лыжин Д. Н. «Перспективы развития биоэкономики в условиях глобализации». *Проблемы национальной стратегии* 2 (23) (2014): 79—94. EDN: SEGCHH.
Lyzhin D. N. "Prospects of Bioeconomic Development in the Context of Globalization". *Problemy natsional'noy strategii = National Strategy Issues* 2 (23) (2014): 79—94. (In Russian).

- Попова Т. А., Арзамасова Г. С. «Концепция “зеленого” маркетинга». *Химия. Экология. Урбанистика* 1 (2022): 94—98. EDN: PJFETV.
Popova T. A., Arzamasova G. S. “The Concept of ‘Green’ Marketing”. *Khimiya. Ekologiya. Urbanistika* 1 (2022): 94—98. (In Russian).
- Суркова Н. В., Романюк М. А. «Биоэкономика — экономика нового технологического уклада». *Международный научно-исследовательский журнал* 5-1 (47) (2016): 11—16. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.148>. EDN: VXMIUF.
Surkova N. V., Romanyuk M. A. “Bio-Based Economy — Economy of a New Technological Order”. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Research Journal* 5-1 (47) (2016): 11—16. (In Russian). <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.148>
- Титова Е. С., Шишкин С. С., Штыхно Д. А. «Биоэкономика — один из путей к устойчивому развитию регионов России». *Федерализм* 28.1 (109) (2023): 56—79. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-1-56-79>. EDN: PXFFLL.
Titova E. S., Shishkin S. S., Shtykhno D. A. “Bioeconomy as One of the Ways to Sustainable Development of Russian Regions”. *Federalism* 28.1 (109) (2023): 56—79. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-1-56-79>
- Фюкс Р. *Зеленая революция: экономический рост без ущерба для экологии*. Пер. с нем. [Е. Шукшина]. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 328 с.
Fücks Ralf. *Intelligent Wachsen: Die Grüne Revolution*. Munich: Hanser, 2013. 362 S. (In German).
- Шваб К., Дэвис Н. *Технологии Четвертой промышленной революции*. Предисл. С. Наделла. Пер. с англ.: К. Ахметов [и др.]. М.: Эксмо; Бомбора, 2023. 320 с. Клаус Шваб о будущем.
Schwab K., Davis N. *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. Forew. by S. Nadella. Geneva: World Economic Forum, 2018. 287 p.
- Charter Martin, Polonski Michael Jay, eds. *Greener Marketing: A Global Perspective on Greener Marketing Practice*. London: Routledge, 1992. 432 p.
- Jia T., Iqbal S., Ayub A., Fatima T., Rasool Z. “Promoting Responsible Sustainable Consumer Behavior through Sustainability Marketing: The Boundary Effects of Corporate Social Responsibility and Brand Image”. *Sustainability* 15.7 (2023): 6092. <https://doi.org/10.3390/su15076092>
- Purwanti I., Abadi M. D., Suyanto U. Y. “Green Marketing: Strategy for Gaining Sustainable Competitive Advantage in Industry 4.0”. *Manajemen Bisnis* 9.2 (2019): 10039. <https://doi.org/10.22219/jmb.v9i2.10039>
- Trott Sangeeta. “Marketing to Develop Environmental Sustainability, Awareness, and Action”. Fields Z., Huesig S., eds. *Responsible, Sustainable, and Globally Aware Management in the Fourth Industrial Revolution*. Hershey, PA: IGI Global, 2019. 106—123. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-7638-9.ch005>

Информация об авторах

Мрочко Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5), admirallvm@mail.ru, SPIN-код: 6145-4179.

Спиридонова Галина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5), gspiridonova@mosgu.ru, SPIN-код: 9743-2456.

Мрочко Владимир Леонидович — кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Центр Специальных Проектов Консалтинг» (Россия, 109028, Москва, Покровский б-р, 16/10, стр. 1), dr.discussion@yandex.ru.

Авторский вклад

Мрочко Л. В. — администрирование исследовательского проекта, научное руководство, разработка концепции и подготовка программы исследования, критический анализ и доработка текста.

Спиридонова Г. В. — разработка методики анализа проблемы, представление данных в тексте, компьютерные работы, подготовка начального варианта текста.

Мрочко В. Л. — обеспечение ресурсами, выбор инструментария исследования, организация и проведение полевого исследования, сбор данных и доказательств, формализованный анализ данных.

Information about the authors

Leonid V. Mrochko — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor at the Department of Advertising Theory and Mass Communications, Moscow State University for the Humanities (Russia, 111395, Moscow, Yunosti st., 5), admirallvm@mail.ru, SPIN code: 6145-4179.

Galina V. Spiridonova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Advertising Theory and Mass Communications, Moscow University for the Humanities (Russia, 111395, Moscow, Yunosti st., 5), gspiridonova@mosgu.ru, SPIN code: 9743-2456.

Vladimir L. Mrochko — Cand. Sci. (Hist.), Director General, ООО “Center for Special Projects Consulting” (Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky ave., 26/20, bld. 1), dr.discussion@yandex.ru.

Author Contributions

L. V. Mrochko — project administration, science supervision, conceptualization and research program preparation, writing — review and editing.

G. V. Spiridonova — development of problem analysis methodology, visualization/data presentation, computer work, writing — original draft.

V. L. Mrochko — funding acquisition, research tools selection, conducting a research, data/evidence collection, formal analysis.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025, одобрена после рецензирования 15.06.2025.
The article was submitted 28.04.2025, approved after reviewing 15.06.2025.

Формирование экосистемы развития кадрового потенциала на основе повышения конкурентоспособности реального сектора экономики

Минцзюнь Ху¹, И. В. Устинович²✉

*^{1, 2} Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика
Беларусь*

✉ *ustinovich@bntu.by*

Аннотация. Развитие кадрового потенциала — ключевой фактор успеха для организаций, стремящихся к устойчивому росту и конкурентоспособности на глобальном рынке. Рассматривается концепция экосистемного подхода к развитию кадрового потенциала, который включает возможности и перспективы всех заинтересованных сторон, ориентированных на развитие реального сектора экономики. Предлагается организационно-экономическая модель развития кадрового потенциала, основанная на экосистемном подходе, включающем взаимодействие органов государственного управления, учреждений образования, научных и промышленных организаций. Экосистема развития кадрового потенциала должна обеспечивать поддержку и сопровождение как формальными, так и неформальными средствами, способствовать эффективному взаимодействию и сотрудничеству на разных уровнях, что приведет к развитию кадрового потенциала. На основе анализа зарубежного опыта сделаны выводы о предложениях по формированию экосистемы развития кадрового потенциала и о направлениях ее развития. Формирование такой экосистемы позволяет создать условия для более эффективного использования человеческих ресурсов, для повышения производительности труда и стимулирования инноваций, что в итоге способствует устойчивому экономическому росту и улучшению качества жизни населения.

Ключевые слова: экосистема в кадровой сфере, развитие кадрового потенциала, органы государственного управления, научные и промышленные организации, эффективность экосистемы

Для цитирования: Ху Минцзюнь, Устинович И. В. «Формирование экосистемы развития кадрового потенциала на основе повышения конкурентоспособности реального сектора экономики». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 40–54. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-40-54> EDN: MKGFDP.

Original article

Formation of an ecosystem for the human resources development based on increasing the competitiveness of the real sector of the economy

Mingjun Hu¹, I. V. Ustinovich²✉

^{1, 2} Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

✉ ustinovich@bntu.by

Abstract. Human resources development is a key factor of success for organizations seeking sustainable growth and competitiveness in the global market. The authors consider the concept of ecosystem approach to the development of human resources, which includes the opportunities and perspectives of all stakeholders focused on the development of the real sector of the economy. An organizational and economic model of human resources development is proposed based on the ecosystem approach that includes the interaction of public administration, educational institutions, scientific and industrial organizations. The ecosystem of human resources development should provide support and accompaniment by both formal and informal means; promote effective interaction and cooperation at different levels, which will lead to the development of human resources. Based on the analysis of foreign experience, the conclusions have been made on the proposals for the formation of an ecosystem of human resources development and the directions of its development. The formation of such an ecosystem allows creating conditions for more efficient use of human resources, for labor productivity increase and innovations stimulation, which eventually contributes to sustainable economic growth and the population life quality improvement.

Keywords: ecosystem in human resources, human resources development, public administration, scientific and industrial organizations, ecosystem efficiency

For citation: Hu Mingjun, Ustinovich I. V. “Formation of an Ecosystem for the Human Resources Development Based on Increasing the Competitiveness of the Real Sector of the Economy”. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.2 (2025): 40–54. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-40-54>

Введение

В рамках Проекта Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г. (далее НСУР-2040)¹, разработанной Министерством экономики Республики Беларусь, выделены ключевые приоритеты, такие как качественное образование, технологическая независимость, конкурентная бизнес-среда и экологическая безопасность. Эти приоритеты

соответствуют международным нормам, которые установлены ООН и другими международными организациями. Однако несмотря на усилия, уровень взаимодействия в таких странах, как Беларусь, остается низким по сравнению с инновационно развитыми странами, такими как, например, Сингапур. Согласно Глобальному инновационному индексу (Global Innovation Index), Сингапур, Швейцария и Германия лидируют

© Ху Минцзюнь, Устинович И. В.

¹ «Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года». *Министерство экономики Республики Беларусь*: сайт. 19.06.2025. <<https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitiya-na-period-do-2040-goda.pdf>>.

благодаря высокому уровню инновационной активности и эффективному взаимодействию между различными секторами экономики, в то время как Беларусь сталкивается с проблемами, которые связаны с недостаточным уровнем взаимодействия и координации между различными участниками инновационной экосистемы. Ключ к развитию лежит во взаимодействии участников инновационной экосистемы. С этой целью предлагается организационно-экономическая модель развития кадрового потенциала, основанная на экосистемном подходе. Данная модель нацелена на создание среды, где знания и ресурсы могут быть эффективно обменены на результаты коммерческой деятельности организаций и использованы для решения текущих проблем и достижения устойчивого роста.

Теория и методология развития экосистемы

Экосистемный подход к управлению предполагает интеграцию экологических, экономических и социальных принципов для обеспечения устойчивого развития и сохранения ресурсов. Его сторонники (Воронина, Анопченко, 2022; Ланская, Панченко, 2019; Jacobides, Cennamo, Gawer, 2018; Adner, 2016) предлагают рассматривать экосистемы как сети взаимосвязанных участников, создающих ценность и инновации через взаимодействия. По их мнению, успех экосистемы зависит от удовлетворенности всех участников и достижения временного равновесия по Парето. В экосистемы входят *люди*, их *деятельность* и *окружающая среда* для достижения устойчивого развития. В контексте исследования экосистема служит механизмом развития кадрового потенциала, интегрируя заинтересованные (или уже участву-

ющие) стороны для эффективного обмена знаниями и формирования единой стратегии, направленной на устойчивое развитие и инновации. Цель исследования — описать концептуальные подходы и разработать организационно-экономическую модель развития кадрового потенциала, основанную на экосистемном подходе.

Ниже, в табл. 1, сетевой, административный и рыночный подходы представлены в сравнении с экосистемным подходом.

Экосистемные подходы могут быть классифицированы по различным критериям, в зависимости от области применения и специфики взаимодействий. В табл. 2 показаны несколько типов экосистем.

Формирование экосистемы развития кадрового потенциала

Применение экосистем в различных областях соответствует требованиям к развитию, изложенным в НСУР-2040.

Ключевые аспекты развития реального сектора экономики — обновление производственно-технологической инфраструктуры, инновационные подходы и внедрение цифровых технологий. Однако без высококвалифицированных специалистов, способных успешно решать поставленные задачи, достичь этих целей будет затруднительно (Чебыкин, Палкина, 2021).

В современных условиях важной задачей становится создание конкурентных преимуществ путем эффективного использования и развития кадрового потенциала. В современном мире это придает особую значимость компаниям и организациям, стремящимся к устойчивому росту и конкурентоспособности на глобальном рынке (Ланская, Панченко, 2019).

Таблица 1. Сущность сетевого, административного и рыночного подходов и их сходства и различия с экосистемным подходом
Table 1. Essences of network, administrative and market approaches and their similarities and differences with the ecosystem approach

Подход	Представители	Сущность	Сходство с экосистемным подходом	Отличия экосистемного подхода
Сетевой	Участники сети (компаний, организаций, индивиды)	Взаимодействие и сотрудничество между участниками	Фокусируется на взаимодействиях между различными субъектами, такими как государства, организации и индивиды. Подчеркивает важность гибкости, децентрализации и улучшения коммуникации	Дополняет сетевой подход, фокусируясь на взаимодействиях и взаимозависимостях между различными элементами экосистемы
Административный	Центральные органы управления	Формальные правила и процедуры	Ориентирован на иерархические структуры и административные процессы. Он обеспечивает строгую дисциплину и контроль за выполнением задач, но может быть слишком жестким и негибким для адаптации к изменениям	В отличие от административного подхода (он часто ориентирован на иерархические структуры и контроль) подчеркивает важность гибкости и адаптивного управления
Рыночный	Участники рынка (компаний, потребители, конкуренты)	Рыночные механизмы (спрос и предложение)	Основан на принципах свободного рынка и конкуренции. Стимулирует инновации и эффективность, но может привести к неравенству и недостаточному учету экологических и социальных аспектов	Учитывает экологические и социальные аспекты, тогда как рыночный механизм фокусируется на экономической эффективности и конкуренции

Источники: (Карпинская, 2018; Раменская, 2020; Кароог, Lee, 2013; Смородинская, 2014; Толстых, Агаева, 2020; Третьякова, Фрейман, 2022).

Таблица 2. Применение экосистем в различных областях

Table 2. Applications of ecosystems in different fields

Область применения	Тип	Сущность	Исследователи
Экономические проекты	Бизнес-экосистемы	Сеть компаний, которые совместно создают продукты и услуги, используя взаимодействие и кооперацию для повышения конкурентоспособности. Пример: платформы (Amazon, Apple и т. д.) и промышленные кластеры	(Суварян, Карапетян, 2022; Макеева, 2024)
	Инновационные экосистемы	Объединяют стартапы, университеты, исследовательские центры и инвесторов для стимулирования инновационного процесса и коммерциализации новейших технологий	(Ларионов, Шереметьева, Горшкова, 2021; Кирилук, 2023; Пидоричева, 2020)
Социальные проекты	Образовательные экосистемы	Включают образовательные учреждения, студентов, работодателей и государственные структуры, совместно работающие для развития навыков и компетенций, соответствующих требованиям рынка труда	(Лапыгин, Глебов, 2024; Оболенский, Шевченко, 2020; Белоусов, Чупина, 2024)
	Здравоохранительные экосистемы	Объединяют медицинские учреждения, страховые компании, исследовательские организации и пациентов для улучшения доступности и качества медицинских услуг	(Бельшев, Гулиев, Михеев, 2018; Гулиев и др., 2020)
Инновационные проекты	Цифровые экосистемы	Представляют собой совокупность пользовательских и системных приложений, цифровых технологий, а также сетевых ресурсов, которые связаны между собой	(Воронина, 2022; Гулиев и др., 2020)
Тематические проекты	Культурные экосистемы	Включают культурные учреждения, художников, учебные заведения и мероприятия, которые работают вместе для поддержки и развития культурной среды	(Костин, 2017; Рябченко, Малышева, 2022)

Источник: составлено авторами.

Одна из целей данного исследования — интерпретировать кадровый потенциал как способность кадров эффективно решать стоящие перед ними актуальные и перспективные задачи, включая совокупность навыков, умений и квалификации кадров, выраженных через количественные и качественные показатели и отвечающих потребностям экономического развития, а развитие кадрового потенциала реального сектора оценивать

через улучшение качественных параметров кадрового потенциала для его адаптации к повышению производительности труда, что в итоге приведет к взаимной выгоде для работника и для реального сектора экономики (Ху, Устинович, 2022). В отличие от существующих определений кадрового потенциала (Чебыкин, Палкина, 2021; Снитко, Чужикова, 2014; Потуданская, Боровских, Кипервар, 2018), в наше определение мы

предлагаем включить возникающие в реальном секторе экономики экономические эффекты (положительные), чтобы проанализировать влияние кадрового потенциала на повышение конкурентоспособности реального сектора экономики.

В данной статье, используя общенаучную методологию и диалектический подход, мы исследуем организационно-экономическую модель развития кадрового потенциала в реальном секторе экономики, основанную на экосистемном подходе. Основываясь на понятиях «интеллектуальная экосистема», «бизнес-экосистема», «экосистема STEM-обучения», «инновационная экосистема», мы предлагаем создать «экосистему развития кадрового потенциала» (рис. 1).

Экосистема развития кадрового потенциала обеспечивает поддержку и сопровождение кадрового потенциала различными средствами — формальными (закон, соглашение) или неформальными (создание центра инноваций и развития), помогает эффективной коммуникации и сотрудничеству на многих уровнях (макро-, мезо- и микро-) и в конечном итоге способствует развитию кадрового потенциала.

Взаимодействие между субъектами основано на симбиотических отношениях, которые могут приспосабливаться и развиваться в зависимости от уровня взаимодействия и ожидаемых результатов.

Рассмотрим каждый из компонентов экосистемы развития кадрового потенциала.

Бизнес-экосистема: процессы взаимодействия между производителями, потребителями и посредниками, основанного на признании общих целей и ценностей. Участники кооперируют свои ресурсы или их составляющие, сохраняя при этом согласованность.

Интеллектуальная экосистема: включает несколько уровней взаимодействия между исследовательскими и проектными группами, научными и образовательными учрежде-

ниями, студентами и преподавателями, технологическими компаниями, обладателями инновационной инфраструктуры.

Экосистема STEM-обучения: каждый партнер (научные и образовательные учреждения) участвует в симбиотических отношениях, которые способны адаптироваться и развиваться в ответ на изменения как входных данных, так и ожидаемых результатов.

Инновационная экосистема: представляет собой комплекс взаимоотношений между бизнесом и поставщиком знаний и идей (наукой), которые направлены на укрепление позиций участников данной среды.

Таким образом, экосистема развития кадрового потенциала представляет собой сложную сеть взаимодействий между различными субъектами, включая органы государственного управления, учреждения образования, научные и промышленные организации.

Формирование организационно-экономической модели (рис. 2) развития кадрового потенциала реального сектора экономики с позиций экосистемного подхода будет учитывать потребности множества субъектов, обеспечивая данному сектору экономики динамику и постоянное развитие. Это станет возможным благодаря активному взаимодействию участников экосистемы, позволяющему обмениваться знаниями и ресурсами через сотрудничество, а также через конкуренцию, стимулирующую инновации и улучшение качества услуг. Таким образом, участники будут создавать новые ценности за счет совместных усилий и синергии, что позволит им адаптироваться к изменениям в окружающей среде и к целям устойчивого развития.

Взаимодействие между субъектами происходит в основном в четырех направлениях: политическом, экономическом, социально-организационном и технологическом.

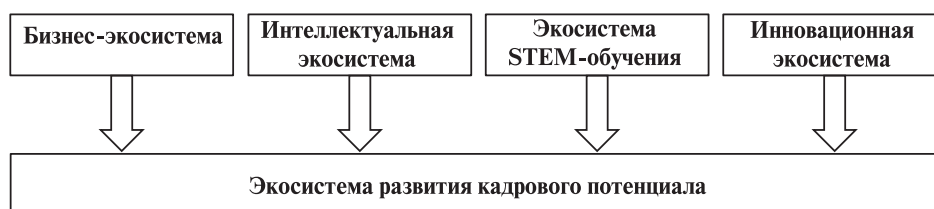

Рис. 1. Формирование экосистемы развития кадрового потенциала

Fig. 1. Formation of an ecosystem for the development of human resources

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Организационно-экономическая модель развития кадрового потенциала на основе экосистемного подхода

Fig. 2. Organizational and economic model of the human resources development based on the ecosystem approach

Источник: составлено авторами.

Политические меры:

- Создание единой системы координации деятельности государственных органов в области государственной кадровой политики.
- Развитие нормативно-правовой базы по вопросам Национальной системы квалификаций.
- Разработка положений о правах интеллектуальной собственности и патентах.
- Улучшение национальной кадровой политики.
- Совершенствование законодательства о защите прав работников.

Экономические меры:

- Инвестиции в развитие человеческого потенциала, преимущественно в области здравоохранения и реализации проектов, направленных на формирование здорового образа жизни.
- Финансирование создания новых рабочих мест в соответствии с приоритетами социально-экономического развития страны и регионов.
- Прямое или косвенное повышение производительности труда через развитие кадрового потенциала.
- Совершенствование механизма оплаты

труда и улучшение условий труда работников в реальном секторе экономики.

Социальные меры:

- Усиление социальных гарантий для работников, обеспечение оплаты труда и стимулирование в зависимости от оценки их деятельности, сложности выполняемых задач и уровня квалификации.
- Формирование в регионах благоприятной среды, способствующей удержанию кадров на местах.
- Создание современных производств с учетом специфики региона.
- Обеспечение согласованности в развитии кадрового потенциала на республиканском и региональном уровнях.
- Создание условий и применение стимулирующих мер для профессионального развития сотрудников, их самообразования, повышения квалификации и приобретения новых компетенций (знаний, навыков, умений).

Технические меры:

- Совершенствование системы прогнозирования кадровых потребностей и формирования заказов на подготовку.
- Расширение научно-исследовательской и инновационной деятельности в вузах.
- Развитие инновационной инфраструктуры (технопарков, центров трансфера технологий).
- Содействие международному сотрудничеству и обмену передовыми технологиями.
- Экспорт технических услуг для повышения конкурентоспособности реального сектора.

В качестве элементов экосистемы развития кадрового потенциала необходимо выделить:

1. *Органы государственного управления.* Их задача — управление, мониторинг, контроль, планирование, регулирование.
2. *Научные организации и учреждения образования (поставщики услуг).* Их задача — образование (подготовка) и переподготовка

кадров, научное исследование и проведение НИОКТР.

3. *Промышленный комплекс (потребители услуг).* Он способствует внедрению инноваций и новых технологий, что требует наличия квалифицированных специалистов; обеспечивает создание рабочих мест; предоставляет возможности для профессионального роста и развития сотрудников.
4. *Социальная среда.* В социальную среду входит в основном рынок труда, который связан с другими субъектами через спрос и предложение кадрового потенциала; конкурентные отношения (квалификация, компетенция) и ценообразование (зарплаты).

Органы государственного управления играют ключевую роль в экосистеме развития кадрового потенциала: они разрабатывают стратегии и программы обучения в соответствии с потребностями рынка труда; устанавливают законы, касающиеся трудовых отношений и охраны труда, что создает стабильную среду для работников; разрабатывают социальные программы для равномерного распределения кадрового потенциала; проводят мониторинг и оценку данных о потребностях в кадрах и эффективности образовательных инициатив.

Поставщиками услуг выступают научные организации и учреждения образования, основные задачи которых — образование (базовое, профессиональное, высшее), переподготовка и повышение квалификации, а потребителем услуг становится промышленный комплекс. Предприятия набирают специалистов и управляют ими в соответствии со своей стратегией, формируют кадровый потенциал, подходящий для развития предприятия. Поставщики услуг и потребители услуг формируют поток существующей и потенциальной рабочей силы (студентов / выпускников), текущий через рынок труда.

Поставщики услуг, т. е. учреждения образования, готовят людей на разных уровнях и по различным специальностям. После получения соответствующей квалификации эти люди выходят на рынок труда, а потребители услуг, т. е. предприятия, выбирают сотрудников, которые далее отвечают за развитие их бизнеса. Таким образом завершается взаимодействие «поставщик услуг — рынок труда — потребитель услуг».

Рассмотрим примеры того, как кадровый потенциал развивают в некоторых европейских и азиатских государствах.

В *Германии* существует хорошо развитая система дуального образования, которая сочетает теоретическое обучение в учебных заведениях с практической работой на предприятиях. Это позволяет студентам получать необходимые навыки и знания, соответствующие требованиям рынка труда. По окончании университета диплом уже подкреплён производственной практикой. Государственные органы активно поддерживают эту систему, обеспечивая финансирование и разработку стандартов (Перяшкина и др., 2022).

В *Швеции* акцент делается на инновации и исследования в области образования (Стуколова, 2013). Государственные органы поддерживают научные исследования и разработки, которые способствуют внедрению новых технологий в образовательный процесс. Это позволяет подготовить специалистов, способных адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка труда. Кроме того, в стране активно развиваются программы сотрудничества между университетами и промышленными предприятиями, что способствует практическому применению научных достижений.

Китай реализует национальные программы поддержки, такие как «Десять тысяч та-

лантов», совершенствуя политику и методы поддержки, а также создавая механизмы сотрудничества ученых, инженеров и специалистов. Для интеграции образования и производства создаются модели подготовки технических и профессиональных кадров, поддерживающих китайское производство и инновации. Ускоряется создание современной системы профессионального образования и углубляется реформа подготовки кадров. Внедряются модели совместного обучения предприятий и учебных заведений. В программном документе «Мнения об углублении реформы системы и механизма развития талантов»² рассматриваются инновационные механизмы оценки кадров, реформа системы профессиональных квалификаций, механизмы привлечения международных кадров и меры поддержки для реализации национальных стратегий, таких как «Один пояс, один путь» и «Сделано в Китае — 2025».

Проанализировав опыт этих стран в развитии кадрового потенциала, мы отметили, что необходимо применять как формальные, так и неформальные средства.

Формальным средством можно считать создание специального правительственного комитета, а неформальным — создание центра развития и инноваций для кадрового потенциала. Центр и комитет дополняют друг друга, образуя целостную систему развития кадрового потенциала.

Основные задачи комитета — интерпретация национальной политики, разработка квалификаций и квалификационных стандартов, статистика и прогнозирование национального кадрового потенциала, определение на этой основе приоритетов развития кадрового потенциала.

² «关于深化人才发展体制机制改革的意见». 中华人民共和国中央人民政府. 2016-03-21. Web. 2025-06-03. <https://www.gov.cn/zhengce/2016-03/21/content_5056113.htm>. [«Мнения об углублении реформы системы и механизма развития талантов». 21.03.2016. *Государственный совет КНР*: [сайт]. 03.06.2025.]

Таблица 3. Затраты и эффекты при формировании экосистемы развития кадрового потенциала
Table 3. Costs and effects of forming an ecosystem for human resources development

Экономическая сфера	
Затраты	Эффекты
<i>Обучение и развитие персонала:</i> Инвестиции в программы повышения квалификации, тренинги, семинары. Примерная сумма: 1,5 млн бел. руб. за год	<i>Рост производительности:</i> Ожидаемое увеличение производительности труда на 15 %, что может привести к росту выручки на 30 млн бел. руб.
<i>Технологическая инфраструктура:</i> Закупка оборудования для учебных заведений и производств. Примерная сумма: 800 000 бел. руб.	<i>Снижение затрат:</i> Ожидаемое снижение затрат на обучение новых сотрудников на 20 %, что составит около 1 млн бел. руб.
<i>Зарплаты и кадровые расходы:</i> Увеличение зарплат для квалифицированных сотрудников и новых кадров. Примерная сумма: 600 000 бел. руб.	<i>Увеличение налоговых поступлений:</i> Увеличение налога на прибыль за счет роста доходов компаний, ожидаемое увеличение составит 5 млн бел. руб.
Научно-техническая сфера	
Затраты	Эффекты
<i>Исследования и разработки:</i> Инвестиции в НИОКР для создания новых технологий и процессов. Примерная сумма: 1,2 млн бел. руб.	<i>Повышение уровня инноваций:</i> Ожидается рост на 20 %, например, внедрение 50 новых технологий в течение 5 лет
<i>Поддержка университетов и исследовательских институтов:</i> Финансирование программ сотрудничества между университетами и предприятиями. Примерная сумма: 200 000 бел. руб.	<i>Улучшение кооперации между наукой и производством:</i> Ожидаемое увеличение совместных проектов на 25 %
Социальная сфера	
Затраты	Эффекты
<i>Программы социальной ответственности:</i> Затраты на проекты, направленные на улучшение условий труда и жизни населения. Примерная сумма: 100 000 бел. руб.	<i>Снижение безработицы:</i> Ожидаемое снижение уровня безработицы на 3 %, что соответствует 10 000 новых рабочих мест
<i>Участие в социальных инициативах:</i> Вложения в программы профориентации и поддержки кадров (особенно для молодежи и женщин). Примерная сумма: 150 000 бел. руб.	<i>Повышение удовлетворенности работников:</i> Улучшение условий труда и уровня удовлетворенности на 40 %

Источник: составлено авторами.

Центр как исполнитель, с одной стороны, сотрудничает с вузами, промышленными комплексами и организациями по развитию кадрового потенциала, через конкурсы, семинары, лекции, обучение и переподготовку, а с другой — содействует международному обмену в области развития кадрового потенциала, чтобы вывести уровень кадрового потенциала на один уровень с развитыми странами мира.

Согласно пониманию эффективности (Устинович, Гринцевич, 2024), мы выделили три вида затрат (экономические, научно-технические и социальные) и соответствующие им эффекты (см. табл. 3).

Как видно из табл. 3, внедрение экосистемы развития кадрового потенциала в Беларуси потребует значительных инвестиций, но ожидаемые последствия могут значительно повысить конкурентоспособность

реального сектора экономики. Разработка эффективных программ обучения, создание инновационной среды и поддержка социальной ответственности помогут улучшить как экономические показатели, так и уровень жизни населения.

Заключение

Формирование экосистемы для развития кадрового потенциала — важный инструмент, способствующий увеличению конкурентоспособности реального сектора экономики. Изучив зарубежный опыт, мы разработали рекомендации для формирования этой экосистемы и обозначили направления ее дальнейшего развития. Это сложная структура, в которой взаимодействуют различные субъекты, и ее эффективное внедрение и дальнейшее обеспечение ее оптимального функционирования требует комплексного подхода, включающего политические, экономические, социальные и технологические аспекты. Мы предлагаем организационно-экономическую модель развития кадрового потенциала, основанную на взаимодействии государственных органов, образовательных

учреждений, научных и промышленных организаций. При этом государственные органы играют ключевую роль в разработке стратегий и программ обучения, в установлении законов и мониторинге данных о потребностях в кадрах.

Для реализации развития кадрового потенциала мы предлагаем использовать как формальные (создание правительственного комитета), так и неформальные (создание центра развития и инноваций) средства. Данные меры требуют значительных инвестиций, но могут существенно повысить конкурентоспособность экономики, обеспечив рост производительности, снижение затрат и повышение уровня инноваций. Таким образом, внедрение экосистемы развития кадрового потенциала позволит улучшить связь между образовательными учреждениями и промышленностью, поможет скоординировать квалификации специалистов с потребностями рынка труда, а также обеспечить устойчивое развитие кадрового потенциала в соответствии с долгосрочными стратегическими целями экономики.

Список литературы и источников / References

- Белоусов М. В., Чупина В. А. «От образовательного кластера к социально-экономической экосистеме». *ИНСАЙТ 2* (18) (2024): 118—129. <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2024-2-118-129>. EDN: LBZXYK.
- Belousov M. V., Chupina V. A. “From the Educational Cluster to the Socio-Economic Ecosystem”. *INSAYT = INSIGHT 2* (18) (2024): 118—129. (In Russian). <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2024-2-118-129>
- Белышев Д. В., Гулиев Я. И., Михеев А. Е. «Цифровая экосистема медицинской помощи». *Врач и информационные технологии 5* (2018): 4—17. EDN: YSTGVN.
- Belyshev D. V., Guliev Y. I., Mikhhev A. E. “Digital Healthcare Ecosystem”. *Vrach i informatsionnyye tekhnologii = Medical Doctor and IT 5* (2018): 4—17. (In Russian).
- Воронина Н. Ф., Анопоченко Т. Ю. «Формирование экосистемы цифровой экономики в образовательной среде региона». *Международный научно-исследовательский журнал 115.1-4* (2022): 19—24. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.115.1.105>. EDN: WIVFKN.
- Voronina N. F., Anopchenko T. “On the Formation of a Digital Economy Ecosystem in the Educational Environment of a Region”. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Research Journal 115.1-4* (2022): 19—24. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.115.1.105>

- Гулиев Я. И., Казаков И. Ф., Мартюшев-Поклад А. В. и др. «Пациент-центрированная онлайн-платформа как сервис цифровой экосистемы медицинской помощи». *Врач и информационные технологии* S5 (2020): 70—75. <https://doi.org/10.37690/1811-0193-2020-5-70-75>. EDN: UIRWTF.
- Guliev Y. I., Kazakov I. F., Martyushev-Poklad A. V. et al. “Patient-Centered Online Platform as a Service of Digital Healthcare Ecosystem”. *Vrach i informatsionnyye tekhnologii = Medical Doctor and IT* S5 (2020): 70—75. (In Russian). <https://doi.org/10.37690/1811-0193-2020-5-70-75>
- Карпинская В. А. «Экосистема как единица экономического анализа». *Системные проблемы отечественной мезоэкономики, микроэкономики, экономики предприятий: материалы Второй конференции Отделения моделирования производственных объектов и комплексов ЦЭМИ РАН (Москва, 12 января 2018 г.)*. М.: ФГБУН ЦЭМИ РАН, 2018. 125—141. <https://doi.org/10.33276/978-5-8211-0769-5-125-141>. EDN: OJAGLC.
- Karpinskaya V. A. “Ecosystem as a Unit of Economic Analysis”. *Sistemnyye problemy otechestvennoy mezeekonomiki, mikroekonomiki, ekonomiki predpriyatiy: materialy Vtoroy konferentsii Otdeleniya modelirovaniya proizvodstvennykh ob"yektov i kompleksov TsEMI RAN (Moskva, 12 yanvarya 2018 g.)*. Moscow: Central Economic Mathematical Institute of the RAS, 2018. 125—141. (In Russian). <https://doi.org/10.33276/978-5-8211-0769-5-125-141>
- Кирилюк О. М. «Инновационная экосистема „серебряной“ экономики». *Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 08 ноября 2023 г.)*. Омск: Омский гос. техн. ун-т, 2023. 89—95. <https://doi.org/10.24412/cl-37098-2023-1-89-95>. EDN: TZAXVJ.
- Kiriliuk O. M. “Innovation Ecosystem of the ‘Silver’ Economy”. *Ekonomika i upravleniye: opyt i novyye resheniya v epokhu transformatsiy: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem (Omsk, 08 noyabrya 2023 g.)*. Omsk: Omsk State Technical U, 2023. 89—95. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/cl-37098-2023-1-89-95>
- Костин П. А. «Социальная ответственность в коммуникативном пространстве культурной экосистемы современной России». *Право и практика* 1 (2017): 222—225. EDN: YGWDGX.
- Kostin P. A. “Social Responsibility in Communication Space of Cultural Ecosystem in Modern Russia”. *Pravo i praktika* 1 (2017): 222—225. (In Russian).
- Ланская Д. В., Панченко А. Н. «Проблемно-ориентированная система управления инновационной экосистемой в экономике знаний». *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки* 3 (2019): 59—65. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-3-59-65>. EDN: NSPZJF.
- Lanskaya D. V., Panchenko A. N. “Problem-Oriented Control System of Innovative Ecosystem in the Economy of Knowledge”. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes* 3 (2019): 59—65. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-3-59-65>
- Лапыгин Ю. Н., Глебов Г. Е. «Перспективы формирования образовательной экосистемы». *Управленческое консультирование* 2 (182) (2024): 148—159. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-2-148-159>. EDN: FFAWOD.
- Lapygin Yu. N., Glebov G. E. “Prospects for the Formation of an Educational Ecosystem”. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting* 2 (182) (2024): 148—159. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-2-148-159>
- Ларионов В. Г., Шереметьева Е. Н., Горшкова Л. А. «Инновационные экосистемы в цифровой экономике». *Вестник Астраханского государственного технического университета сер. Экономика* 1 (2021) 49—56. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-1-49-56>. EDN: RSKEDU.
- Larionov V. G., Sheremetyeva E. N., Gorshkova L. A. “Innovative Ecosystems in Digital Economy”. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta ser. Ekonomika = Vestnik of Astrakhan State Technical University ser. Economics* 1 (2021) 49—56. (In Russian). <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-1-49-56>

- Макеева Н. А. «Бизнес-экосистема: сущность, значение». *Парадигмы социальных и экономических процессов России и тенденции их трансформации: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф., посвящ. 105-летию Финансового ун-та при Правительстве РФ и 30-летию Новороссийского филиала Финансового ун-та (Новороссийск, 21 марта 2024 г.)*. Краснодар: ИП Алзидан Махер, 2024. 260—266. EDN: UMOFSB.
- Makeyeva N. A. “Business Ecosystem: Essence, Significance”. *Paradigmy sotsial'nykh i ekonomicheskikh protsessov Rossii i tendentsii ikh transformatsii: sb. materialov Vseross. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 105-letiyu Finansovogo un-ta pri Pravitel'stve RF i 30-letiyu Novorossiyskogo filiala Finansovogo un-ta (Novorossiysk, 21 marta 2024 g.)*. Krasnodar: IP Alzidan Makher, 2024. 260—266. (In Russian).
- Оболенский Д. М., Шевченко В. И. «Концептуальная модель интеллектуальной образовательной экосистемы». *Экономика. Информатика* 47.2 (2020): 390—401. <https://doi.org/10.18413/2687-0932-2020-47-2-390-401>. EDN: SNSYNO.
- Obolensky D. M., Shevchenko V. I. “A Conceptual Model of the Intelligent Educational Ecosystem”. *Ekonomika. Informatika = Economics. Information Technologies* 47.2 (2020): 390—401. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2687-0932-2020-47-2-390-401>
- Перяшкина А. А., Трифанова А. А., Барабашкина Е. В. и др. «Основные аспекты дуальной системы профессионального образования в Германии». *Вопросы педагогики* 6—2 (2022): 132—137. EDN: LRFTTM.
- Peryashkina A. A., Trifanova A. A., Barabashkina E. V. et al. “Core Aspects of Dual System of Vocational Education in Germany”. *Voprosy pedagogiki* 6—2 (2022): 132—137. (In Russian).
- Пидоричева И. Ю. «Инновационная экосистема в современных экономических исследованиях». *Економіка промисловості* 2 (90) (2020): 54—92. (На укр. яз.). <https://doi.org/10.15407/econindustry2020.02.054>
- Pidorycheva I. “Innovation Ecosystem in Contemporary Economic Researches”. *Econ. promisl. = Economy of Industry* 2 (90) (2020): 54—92. (In Ukrainian). <https://doi.org/10.15407/econindustry2020.02.054>
- Потуданская В. Ф., Боровских Н. В., Кипервар Е. А. «Кадровый потенциал региона: сущность, факторы, проблемы формирования». *Экономика труда* 5.3 (2018): 735—744. <https://doi.org/10.18334/et.5.3.39252>. EDN: JBLNIC.
- Potudanskaya V. F., Borovskikh N. V., Kipervar E. A. “Personnel Potential of the Region: Essence, Factors, Problems of Formation”. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics* 5.3 (2018): 735—744. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/et.5.3.39252>
- Раменская Л. А. «Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях». *Управленец* 11.4 (2020): 16—28. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>. EDN: BQQBJU.
- Ramenskaya L. A. “The Concept of Ecosystem in Economic and Management Studies”. *Upravlenets = The Manager* 11.4 (2020): 16—28. (In Russian). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>
- Рябченко Н. А., Малышева О. П. «Инновационные сценарии потребления культуры в рамках экосистемы социальных сетей: лидеры мнений и культурный код». *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология* 8 (74).4 (2022): 55—71. EDN: MZNVHY.
- Ryabchenko N. A., Malysheva O. P. “Culture Consumption Innovative Scenarios within a Social Network Ecosystem: Opinion Leaders and the Cultural Code”. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* 8 (74).4 (2022): 55—71. (In Russian).
- Смородинская Н. В. «Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста». *Инновации* 7 (189) (2014): 27—33. EDN: TLPFYP.
- Smorodinskaya N. “Network Innovation Ecosystems and Their Role in Dynamisation of Economic Growth”. *Innovatsii = Innovations* 7 (189) (2014): 27—33. (In Russian).

- Снитко Л. Т., Чужикова Ю. А. «Компонента „кадровый потенциал“ в системе оценки рыночного потенциала организации». *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права* 3 (51) (2014): 64—70. EDN: TBCMPP.
- Snitko L. T., Chuzhikova Yu. A. “Component ‘Personnel Potential’ in Organization’s Market Potential Assessment System”. *Vestnik Belgorodskogo Universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law* 3 (51) (2014): 64—70. (In Russian).
- Стуколова Е. А. «Реализация инновационных дидактических моделей в процессе модернизации школьного образования Швеции». *Вестник Дагестанского государственного университета* 4 (2013): 202—206. EDN: RBAIDP.
- Stukolova E. A. “Innovative Educational Models in the Process of Modernization of School Education in Sweden”. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Dagestan State University* 4 (2013): 202—206. (In Russian).
- Суварян А. М., Карапетян А. Е. «Особенности сетевых взаимоотношений в бизнес-экосистемах». *Мир экономики и управления* 22.4 (2022): 135—145. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2022-22-4-135-145>. EDN: VUYNAP.
- Suvaryan A. M., Karapetyan A. E. “Features of Network Relationships in Business Ecosystems”. *Mir ekonomiki i upravleniya = World of Economics and Management* 22.4 (2022): 135—145. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2022-22-4-135-145>
- Толстых Т. О., Агаева А. М. «Экосистемная модель развития предприятий в условиях цифровизации». *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе* 1 (33) (2020): 37—49. <https://doi.org/10.21685/2227-8486-2020-1-3>. EDN: NANYCY.
- Tolstykh T. O., Agaeva A. M. “Ecosystem Model of Enterprise Development in the Context of Digitalization”. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve = Models, Systems, Networks in Economics, Engineering, Nature and Society* 1 (33) (2020): 37—49. (In Russian). <https://doi.org/10.21685/2227-8486-2020-1-3>
- Третьякова Е. А., Фрейман Е. Н. «Экосистемный подход в современных экономических исследованиях». *Вопросы управления* 1 (74) (2022): 6—20. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-1-6-20>. EDN: QPUHDQ.
- Tretiakova E. A., Freyman E. N. “Ecosystem Approach in Modern Economic Research”. *Voprosy upravleniya = Management Issues* 1 (74) (2022): 6—20. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-1-6-20>
- Устинович И. В., Гринцевич Л. В. «Эффективность интеграции промышленных, научных организаций и органов государственного управления». *Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь* 10 (328) (2024): 16—22.
- Ustinovich I. V., Grintsevich L. V. “Efficiency of Integration of Industrial, Scientific Organization and State Administration Bodies”. *Ėkonomičeskij Būlleten’ Naučno-issledovatel’skogo ėkonomičeskogo Instituta Ministerstva ėkonomiki Respubliki Belarus’* 10 (328) (2024): 16—22. (In Russian).
- Ху М., Устинович И. В. «Оценка роли кадрового потенциала в повышении конкурентоспособности промышленных организаций при переходе на “Индустрию 4.0”». *Наука и техника* 21.6 (2022): 525—534. <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2022-21-6-525-534>. EDN: AAWQKY.
- Hu M., Ustinovich I. V. “Assessment of the Role of Human Resources in Enhancing Competitiveness of Industrial Organizations in the Transition to Industry 4.0”. *Nauka i tekhnika = Science and Technique* 21.6 (2022): 525—534. (In Russian). <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2022-21-6-525-534>
- Чебыкин И. А., Палкина М. В. «Кадровый потенциал региона: понятие, оценка состояния, направления развития (на примере Кировской области)». *Вестник Сургутского государственного университета* 3 (33) (2021): 47—61. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-3-47-61>. EDN: KBXXBY.
- Chebykin I. A., Palkina M. V. “Personnel Potential of the Region: Concept, State Assessment,

Development Directions (on the Example of the Kirov Oblast)". *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Surgut State University Journal* 3 (33) (2021): 47—61. (In Russian). <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-3-47-61>

Adner R. "Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy". *Journal of Management* 43.1 (2017): 39—58. <https://doi.org/10.1177/0149206316678451>

Jacobides Michael G., Cennamo Carmelo, Gawer Annabelle. "Towards a Theory of Ecosystems". *Strategic Management Journal* 39.8 (2018): 2255—2276. <https://doi.org/10.1002/smj.2904>

Kapoor Rahul, Lee Joon Mahn. "Coordinating and Competing in Ecosystems: How Organizational Forms Shape New Technology Investments". *Strategic Management Journal* 34.3 (2013): 274—296. <https://doi.org/10.1002/smj.2010>

Информация об авторах

Ху Минцзюнь — аспирантка Белорусского национального технического университета (Республика Беларусь, 220013, Минск, пр-кт Независимости, 65), hmjiris1016@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3618-1133.

Устинович Ирина Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Бизнес-администрирование» Белорусского национального технического университета (Республика Беларусь, 220013, Минск, пр-кт Независимости, 65), ustinovich@bntu.by, SPIN-код: 9482-8763, ORCID: 0000-0002-8288-0878.

Information about the authors

Mingjun Hu — Postgraduate Student of the Department of Business Administration, Belarusian National Technical University (Republic of Belarus, 220013, Minsk, Nezavisimosti Ave., 65), hmjiris1016@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3618-1133.

Irina V. Ustinovich — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Business Administration, Belarusian National Technical University (Republic of Belarus, 220013, Minsk, Nezavisimosti Ave., 65), ustinovich@bntu.by, SPIN code: 9482-8763, ORCID: 0000-0002-8288-0878.

Авторский вклад

Ху Минцзюнь — изучение концепции; разработка методики; сбор данных и анализ результатов исследования; подготовка начального варианта текста.

Устинович И. В. — разработка концепции; разработка методики; обеспечение ресурсами; научное руководство; критический анализ и доработка текста.

Author Contributions

Mingjun Hu — concept study; methodology development; data collection and analysis of research results; preparation of the initial version of the text.

I. V. Ustinovich — concept development; methodology development; provision of resources; scientific supervision; critical analysis and revision of the text.

Статья поступила в редакцию 23.03.2025, одобрена после рецензирования 16.05.2025.

The article was submitted 23.03.2025, approved after reviewing 16.05.2025.

**ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ
И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ
PHILOSOPHY: UNIVERSE IN HUMAN
AND HUMAN IN UNIVERSE**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 55–64.

Economic and Social Research. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 55–64.

Научная статья

УДК 18 + 111.85 + 7.01 + 7.03 + 316.42 + 008

DOI: 10.24151/2409-1073-2025-12-2-55-64

EDN: RTLBSH

Трансформация восприятия красоты в эпоху цифровизации

Е. В. Андриенко¹✉, И. М. Горбачева²

¹ Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия

² Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

✉ elena_andrienko8@mail.ru

Аннотация. Исследуется влияние цифровизации на эстетическое восприятие и трансформацию категории красоты в условиях виртуальной реальности. Анализируется эволюция философско-эстетического концепта красоты от античности до современности, а также интерпретация красоты и эстетического начала в цифровом контексте. Особое внимание уделяется роли технологий, таких как искусственный интеллект, социальные сети и виртуальные среды, в формировании новых эстетических стандартов и средств самовыражения. Авторы формулируют основные проблемы, связанные с цифровыми стандартами красоты, кризисом идентичности и культурными предвзятостями алгоритмов. Исследование подчеркивает, что цифровая эстетика не только изменяет традиционные представления о красоте, но и открывает новые горизонты для ее восприятия и интерпретации.

Ключевые слова: красота, прекрасное, цифровая эстетика, виртуальность, цифровизация, культура

Для цитирования: Андриенко Е. В., Горбачева И. М. «Трансформация восприятия красоты в эпоху цифровизации». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 55–64. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-55-64> EDN: RTLBSH.

Original article

Transformation of the perception of beauty in the era of digitalization

E. V. Andriyenko¹✉, I. M. Gorbacheva²

¹ Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

² National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

✉ elena_andrienko8@mail.ru

Abstract. In this work, the impact of digitalization on aesthetic perception and the transformation of the beauty category in virtual reality are examined. The evolution of the philosophical and aesthetic concept of beauty from antiquity to modernity, as well as the interpretation of beauty and aesthetic principles in a digital context were analyzed. Special attention is paid to the role of technologies such as artificial intelligence, social networks and virtual environments in the formation of new aesthetic standards and means of self-expression. The authors have formulated the main problems related to digital beauty standards, identity crisis and cultural biases of algorithms. The study highlights that digital aesthetics not only changes traditional ideas about beauty but also opens up new horizons for its perception and interpretation.

Keywords: beauty, beautiful, digital aesthetics, virtuality, digitalization, culture

For citation: Andriyenko E. V., Gorbacheva I. M. “Transformation of the Perception of Beauty in the Era of Digitalization”. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 55–64. (In Russian).

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-55-64>

Введение

Процесс цифровизации подвергает радикальной трансформации многие аспекты бытия человека и общества, включая образ жизни, здравоохранение, образование и коммуникацию. Не остается в стороне и эстетическая сфера, включающая, прежде всего, восприятие красоты и прекрасного, способы преобразования действительности по законам красоты, а также распространение и функционирование результатов эстетической деятельности. Современные технологии, такие как искусственный интеллект, социальные сети и цифровая обработка изображений, стали ключевыми инструментами, формирующими новую эстетику и подходы к самовыражению. Как отмечает М. Ка-стельс в работе «Галактика Интернет», мы

являемся свидетелями формирования новой культуры, нового образования, нового способа коммуникации, которые распространяются так быстро, что едва поддаются глубокому анализу (Castells, 2003: 9). И всё же авторы данной работы решились предпринять попытку такого анализа.

Несмотря на наличие большого количества исследований, посвященных цифровизации, эстетический аспект данного вопроса всё еще остается малоисследованным. Среди авторов, которые обращались к проблеме трансформаций эстетического восприятия человека в эпоху цифровизации, следует назвать Дж. Бардзелла (Bardzell, 2009), В. В. Бычкова (Бычков, 2003; Бычков, 2009) и Н. Б. Маньковскую (Бычков, Маньковская, 2014), Т. А. Геворкяна и Б. Л. Валкина

© Андриенко Е. В., Горбачева И. М.

(Геворкян, Валкин, 2020), М. Кастельса (Castells, 2003), К. К. Лоха и Р. Канаи (Loh, Kanai, 2016), О. И. Немыкину (Немыкина, 2011), Х. Чугхтая (Chughtai, 2018), О. В. Шлыкову (Шлыкова, 2000) и др. В целом очевидно, что эстетика — важная часть бытия социума и культуры, а красота как ее центральная категория заслуживает особого внимания исследователей, поскольку ее восприятие претерпевает глубокие изменения наряду с другими аспектами социокультурной онтологии.

Красота и прекрасное в зеркале объективизма и субъективизма

Красоту считают одной из ключевых категорий эстетики — философской дисциплины, исследующей природу неутилитарного чувственного восприятия, искусства и опыта творческой трансформации окружающей действительности. На протяжении веков понятие красоты претерпевало значительные трансформации, отражая философские, культурные и социальные изменения.

Красота в эстетике представляет собой субъективно-объективное явление. Она не только существует как объективная характеристика предмета, но и зависит от восприятия познающего субъекта (что ярко иллюстрирует О. Уайльд: его (или приписываемое ему) выражение «Красота в глазах смотрящего» стало крылатым). Субъективно-объективная природа красоты означает, что она возникает как сочетание *качеств объекта* (таких как симметрия, гармония, цвет, форма и т. д.) и восприятия данного объекта человеком (у которого есть вкус, культурные установки, индивидуальные предпочтения, неповторимые особенности восприятия, выражаемые понятием «квалиа», и др.).

Особое внимание следует уделить вопросу о соотношении категорий «красота» и «прекрасное». Эти два понятия часто отождествляют. Также существует позиция (Бычков, 2009: 56), согласно которой «прекрас-

ное» выступает более широким понятием, включающим в себя категорию красоты. Так, говоря о поступках, качествах и волевых проявлениях человека, мы можем сказать, что данный человек прекрасен, не учитывая при этом его физическую привлекательность.

В контексте современной философии можно выделить два подхода к пониманию красоты — объективизм и субъективизм. Позиция объективизма заключается в том, что красота рассматривается как свойство предмета (к таким предметам относятся «эйдосы» Платона и гармония чисел у пифагорейцев). В контексте субъективизма красота определяется как результат субъективного восприятия: например, в учении И. Канта красота — это «бескорыстное удовольствие» (Кант, 1994: 71).

В период античности была распространена идея красоты как мировой природной гармонии. Само слово «космос» (древние греки обозначали им весь мир, а человека — малое подобие мира — называли «микрокосм») означало «прекрасный», «украшенный». Категория красоты изначально была центральной для античной эстетики, наряду с понятием «калокагатия» («прекраснодоброе»). В целом можно говорить о триединстве понятий красоты, пользы и добра для античной эстетической мысли.

Пифагорейцы считали, что красота — проявление числовой гармонии и порядка в мире. Они связывали ее с математическими пропорциями (пример такого подхода — золотое сечение).

Платон, следуя взглядам своего учителя Сократа, связывал красоту с абсолютной истиной и добром. По его мнению, красота предметов — отражение высшей идеи красоты (Платон, 1993). Иными словами, красота для философа была чем-то сверхчувственным, не связанным с отдельными вещами, поэтому постичь ее можно было только бессмертной душой, а не ощущениями.

Начиная с античности, гармония и симметрия долгое время были основой классического подхода к красоте. Эти принципы применялись не только в изобразительном искусстве, но и в архитектуре, музыке и других формах творчества.

В средние века красота понималась как свойство божественной природы, которое как бы просвечивает через материальный мир, испорченный грехом (Эко, 2003: 147). В связи с таким пониманием красоты средневековое искусство было в значительной мере упрощенным. Художники намеренно искажали пропорции фигур, особенно в сфере религиозного искусства: так они стремились передать идею того, что материальное изображение — только отсылка к Первообразу (Богу и Божественному творению), отобразить который во всей полноте греховному человеку невозможно.

В эпоху Возрождения красоту начали рассматривать как эстетический идеал, направленный на раскрытие божественного в человеке и природе. Леонардо да Винчи и другие художники стремились передать идеальную красоту человеческого тела, основанную на пропорциях. Эстетика барокко, напротив, открыла красоту динамики, экспрессии и контраста. В эпоху Просвещения концепция красоты усложнилась. Так, И. Кант в труде «Критика способности суждения» (Кант, 1994) разграничил красоту свободную (независимую от функций, абстрактную) и красоту обусловленную (практическую, связанную с пользой).

В эпоху романтизма (XIX в.) красота всё больше начала ассоциироваться с внутренними переживаниями человека. Она стала не только внешним качеством объекта, но и выражением человеческой души, эмоций и фантазий.

Философы романтизма, такие как В. Шеллинг (см. исследование: (Бычков, Маньковская, 2014: 95)), полагали, что красота соединяет субъективное и объективное,

чувственное и духовное. Искусство они считали главным инструментом выражения красоты, а ее восприятие связывали с эмоциональным откликом.

Красота как характеристика виртуальной реальности

В XX и XXI вв. красота утратила строгие универсальные критерии. Особенно спорно это утверждение для эпохи постмодерна с его принципом отсутствия каких-либо гран-нарративов. Современное общество переживает глубокую трансформацию эстетического сознания, а в результате формируется явление, которое В. В. Бычков назвал «неклассическим эстетическим сознанием» (Бычков, 2003: 61). Это явление неразделимо с понятием виртуальной (или цифровой) реальности.

Понятие виртуальной реальности следует проанализировать более детально. В своей работе Т. А. Геворкян и Б. Л. Валкин пишут: «Идея виртуальной реальности изначально сформировалась на основе культуры „киберпанка“, имевшей огромное значение в среде маргинальной контркультуры в 1970—1980-е в США. Книга американского журналиста Ф. Хеммита „Виртуальная реальность“ стала одной из первых теоретических работ, посвященной разработке идеи виртуальной реальности, (?) как киберпространства. Роман Уильяма Гибсона „Нейромант“ (1984) является эстетическим манифестом, посвященным культуре киберпанка. Эстетизация специфической компьютерной виртуальной среды прослеживается в различных культурных слоях» (Геворкян, Валкин, 2020: 365). Согласно определению В. В. Быčkova и Н. Б. Маньковской, понятие виртуальной реальности, вошедшее в науку и культуру с 1980-х гг., обозначает «специфическую пространственно-временную среду (континуум), создаваемую с помощью компьютерной графики и полностью реализуемую в психике субъекта, определенным

образом связанного с компьютером, погруженного в эту среду и активно действующего в ней» (Бычков, Маньковская, 2014: 8). Мы в целом согласны с данным определением и хотим только добавить небольшое уточнение: хотя «виртуальный» и «цифровой» — не тождественные понятия (виртуальность характеризует природу объекта, а дигитальность — форму выражения), в контексте исследования эстетики мы будем использовать их как синонимичные.

Исследовательница О. И. Немыкина справедливо выделяет следующие основные характеристики виртуальности: неопределенность существования во времени; иллюзорность; *n*-мерность; конструированность; искусственность по отношению к естественному (довиртуальному) (Немыкина, 2011: 60). В виртуальном контексте трансформируется восприятие человеком практически всех аспектов реальности, один из которых — аспект красоты и, шире, эстетики.

Современные направления в эстетике подчеркивают ее многогранность, которая может включать следующие аспекты:

- *Эстетика повседневности*. Красота может быть найдена в простых, обычных вещах — например, в минимализме или функциональном дизайне.
- *Эстетика уродливого*. Границы красоты расширяются, и уродливое, дисгармоничное или шокирующее может восприниматься как форма красоты (например, в таких направлениях, как экспрессионизм или сюрреализм).
- *Красота как социальный конструкт*. Постмодернистская философия подчеркивает культурную обусловленность представлений о красоте. Она зависит от исторического контекста, медиа и идеологических установок общества (Bardzell, 2009: 2358).

Современная эстетика всё чаще ставит под сомнение существование универсальной красоты. Разнообразие культур, личный опыт и влияние технологий показывают, что

представления о красоте разнообразны и изменчивы.

Тем не менее в контексте современной вариативности понимания красоты можно выделить два базовых аспекта, сохраняющих свою инвариантность в условиях растущего разнообразия эстетических практик цифрового общества:

- 1) *красота как форма удовольствия* — в этом смысле она остается одним из базовых элементов человеческого опыта;
- 2) *красота как гносеологическая категория*, как способ познания мира — опыт переживания красоты (и, в более широком смысле, эстетический опыт) позволяет человеку глубже понять окружающую реальность и самого себя.

Категория красоты в эстетике охватывает множество аспектов: от гармонии и идеала до субъективного переживания и социального контекста. Красота остается важным элементом философского осмысления, искусства и человеческого существования, одновременно отражая универсальные принципы и индивидуальное восприятие. Эволюция данной категории демонстрирует ее семантическую сложность и значимость для социокультурного бытия.

Виртуальное пространство становится всё более важной частью жизни современного человека. В цифровом измерении красота приобретает новые формы и смыслы, свободные от ограничений физической реальности. Это не просто адаптация традиционных эстетических концепций к цифровой среде, но и создание совершенно новых критериев красоты, которые формируются под влиянием технологий, культуры и индивидуального самовыражения.

Красота в виртуальном измерении определяется эстетическими принципами, которые часто отличаются от физической реальности. Она создается с учетом следующих факторов:

- *Фактор цифровой идеализации.* В виртуальном мире возможно достижение «совершенной» красоты, свободной от ограничений природы. Например, в компьютерной графике или виртуальных аватарах черты лица, фигуры и текстуры достигают идеальной симметрии и гармонии.
- *Фактор широких возможностей для реализации воображения.* Виртуальное измерение позволяет выйти за рамки привычных стандартов — и создать сюрреалистическую, даже невозможную красоту, как, например, в видеоиграх или искусстве метавселенных. Примером может служить растущая популярность виртуальных моделей и инфлюенсеров, таких как Лил Микела (Lil Miquela), которые сочетают элементы реальной и виртуальной эстетики, привлекая внимание своей уникальной внешностью.
- *Фактор цифровых инструментов для самовыражения.* Виртуальные аватары стали неотъемлемой частью цифрового мира — от социальных сетей до игр и метавселенных. Красота аватара зачастую отражает: 1) идеализированный образ (возможность создать внешний вид, который человек считает «идеальным»); 2) экспериментальность (виртуальный мир позволяет примерить фантазийные образы, которые невозможно реализовать в реальной жизни, — допустим, причудливые прически, цвет кожи и даже фантастические пропорции тела; впрочем, их пытаются обрести с помощью пластической хирургии и современной косметологии некоторые инфлюенсеры — например, Валерия Лукьянова); 3) цифровую идентичность (многие люди создают аватары, которые выражают их внутренний мир и личные ценности, а не просто копируют физическую внешность).

Таким образом, красота в виртуальном измерении становится пространством для

самовыражения, где исчезают границы реального и воображаемого.

Развитие цифровых технологий в сфере социальной коммуникации также усиливает роль виртуальной красоты. Приложения, такие как Snapchat или Instagram¹, используют фильтры для мгновенной трансформации внешности. Такая же функция существует на стриминговых платформах, объединяющих сотни миллионов человек по всему миру (например, LiveMe и Tango). Красота в цифровом пространстве становится не только более доступной для простых зрителей, но и подвижной, меняющейся в режиме реального времени.

Отдельного внимания заслуживают виртуальные туры — феномен, который позволяет обеспечивать посетителям бесплатный массовый доступ к культурному наследию и мировым художественным достижениям. Рейтинг посещаемости сайтов и страниц виртуальных музеев весьма высок. Это говорит о том, что данные сайты служат каналом для распространения культурных ценностей.

Особенностью современного этапа развития цифровой эстетики можно назвать то, что цифровые технологии не просто копируют некие эстетические образцы, изначально существующие в культуре в нецифровом формате, а моделируют *новое* понимание красоты. Генеративные модели (например, Midjourney, DALL-E и другие воплощения искусственного интеллекта) создают визуальные образы, задающие новые стандарты эстетики. Они часто комбинируют черты, характерные для разных культур или эпох, что способствует созданию новой «глобальной» красоты.

Современные 3D-программы позволяют создавать фотореалистичные и одновременно фантастические образы. Метавселенные, такие как Decentraland или Horizon

¹ Социальная сеть, принадлежащая компании Meta (которая признана в РФ экстремистской).

Worlds², становятся пространствами, где красота больше не подчиняется законам физического мира. Это проявляется в том, что в них люди могут полностью менять свои образы в зависимости от настроения или цели. Красота как инструмент коммуникации в цифровом мире приобретает совершенно новое значение: яркий, необычный образ аватара может привлечь внимание или выразить творческий потенциал субъекта. При этом именно творческий потенциал, умение создавать новый, уникальный и ранее не представленный в культурном пространстве продукт становится практически требованием успеха в профессиональной деятельности субъекта, живущего в цифровую эпоху, когда всё больше типичных профессиональных функций человека реализует искусственный интеллект.

Помимо персонифицированных виртуальных образов, таких как аватары, пользователи новейших цифровых технологий сегодня создают виртуальные пространства, которые отражают их эстетические воззрения и идеалы (например, футуристические города, природные ландшафты, абстрактные пространства и т. п.).

Рискогенный потенциал цифровизации красоты

Несмотря на новые масштабные возможности для выражения эстетических способностей, красота в виртуальном измерении сопряжена с рядом проблем и вызовов, к которым относятся:

— *Нереалистичные стандарты.* Гладкая кожа, идеальные пропорции, яркие цвета — всё это стало нормой благодаря программам для обработки изображений, таким как Photoshop, Facetune и фильтры в социальных сетях. Это привело к формированию «цифрового стандарта» красоты, который зачастую далек от реальности. Эстетика виртуального пространства

формирует у части пользователей нереалистичные и завышенные ожидания относительно их собственной внешности. Это особенно заметно в социальных сетях, где использование фильтров и ретуши стало практически неотъемлемым элементом коммуникации.

— *Кризис идентичности и самопринятия.* Нередко пользователи цифровых технологий настолько привыкают к своим идеализированным аватарам, что отождествляют с ними свою личность и свою телесность, в результате чего испытывают разрыв между виртуальной и реальной формами идентичности, что чревато различными психологическими проблемами.

— *Культурная дискриминация как элемент работы цифровых алгоритмов.* Искусственный интеллект часто воспроизводит некие предвзятости, закрепленные в обществе, исключая нестандартную красоту. Виртуальная красота часто отражает западные стандарты, что может приводить к игнорированию эстетических ценностей других культур (Chughtai, 2018).

Несмотря на существующие вызовы и сложности, а во многом благодаря им, красота в виртуальном измерении продолжает развиваться и становиться неотъемлемой частью современного культурного пространства. Анализируя существующие тенденции в сфере цифровой эстетики, можно прогнозировать, что уже в ближайшем будущем цифровые метавселенные станут более персонализированными, так как в них для каждого пользователя будут предложены уникальные эстетические решения. Искусственный интеллект будет «помогать людям создавать виртуальные образы, которые лучше всего выражают их внутренний мир» (Loh, Kanai, 2016: 512).

Виртуальная и дополненная реальность открывают новые горизонты для

² Игра, выпущенная компанией Meta (которая признана в РФ экстремистской).

самовыражения. Уже сейчас люди могут посредством специально разработанных программ не только «примерить» макияж, одежду или аксессуары, не выходя из дома, но и проанализировать изменения внешности, которые могут возникнуть под влиянием различных факторов (возраст, эстетическая хирургия, косметология, парикмахерское искусство и т. д.). Искусственный интеллект активно используется в индустрии моды: виртуальные модели и коллекции, созданные с помощью искусственного интеллекта, перераспределяют затраты (от людей, занятых в индустрии моды, к людям, работающим с нейросетями) и помогают брендам адаптироваться к цифровой эпохе. Появление цифровых метавселенных создает платформу, где красота становится полностью цифровой. Виртуальные образы позволяют людям экспериментировать, выходя за рамки физических ограничений. Этика и инклюзивность станут важными аспектами в формировании виртуальной красоты, чтобы избежать дискриминации и унификации стандартов.

Выводы

Таким образом, категория красоты в эстетике охватывает множество аспектов: от гармонии и идеала до субъективного переживания и социального контекста. Красота остается важным элементом философского осмысления, искусства и человеческого существования, одновременно отражая универсальные принципы и индивидуальное восприятие. Эволюция этого понятия демонстрирует его сложность и значимость для всех сфер жизни.

Цифровизация — сложный и многогранный процесс, а потому трансформация восприятия красоты в эпоху цифровизации также сложна и многогранна. С одной стороны, технологии создают новые возможности для самовыражения и расширяют границы

эстетики. С другой стороны, они порождают нереалистичные ожидания, усиливают давление на людей и вызывают вопросы о подлинности красоты. Однако именно в этой трансформации кроется потенциал для создания более инклюзивного и свободного понимания эстетики, где красота не только отображает совершенство, но и существует в разнообразных формах (и это разнообразие ценно), помогает выражать индивидуальность.

К перспективным направлениям исследования в представленной сфере относится выявление новых форм выражения и подходов к красоте в цифровом пространстве, а также пересечение в этом контексте эстетической, социальной и этической проблематики. Так, на сегодняшний день одной из позитивных тенденций можно назвать рост движения за естественность и принятие себя. Хэштеги *#nofilter* и *#bodypositivity* помогают людям чувствовать себя комфортнее в своей физической телесности, а цифровые технологии используют для подчеркивания индивидуальности, а не для ее изменения или нивелирования в угоду стандартам. В конечном счете, красота в эпоху цифровизации становится всё более многогранной. Она сочетает физическое и виртуальное, индивидуальное и коллективное, реальное и воображаемое, позволяя людям выражать себя так, как они не смогли бы никогда раньше. Красота в виртуальном измерении выходит за пределы традиционных рамок, становясь гибкой, многогранной и интерактивной. Она не только открывает перед человечеством новые формы эстетического самовыражения, но и ставит важные вопросы о взаимодействии реального и цифрового, идентичности и идеалов. Виртуальная красота — отражение человеческого стремления к свободе творчества и познанию новых мировоззренческих горизонтов.

Список литературы и источников / References

- Бычков В. В. «Феномен неклассического эстетического сознания». *Вопросы философии* 10 (2003): 61—71. EDN: OOBVX.
- Bychkov V. V. “Phenomenon of Non-Classical Aesthetic Consciousness”. *Voprosy filosofii* 10 (2003): 61—71. (In Russian).
- Бычков В. В. *Эстетика*. М.: Академический проект, 2009. 452 с. EDN: QWTQLP.
- Bychkov V. V. *Aesthetics*. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2009. 452 p. (In Russian).
- Бычков В. В., Маньковская Н. Б. «Художественно-эстетическая виртуалистика». *Academia. Архитектура и строительство* 2 (2014): 8—15. EDN: SNDSCF.
- Bychkov V. V., Mankovskaya N. B. “Artistic-Aesthetic Virtualistics”. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* = *Academia. Architecture and Construction* 2 (2014): 8—15. (In Russian).
- Геворкян Т. А., Валкин Б. Л. «Эстетика виртуальной цифровой архитектуры». *Архитектура и современные информационные технологии (AMIT)* 2 (51) (2020): 362—372. <https://doi.org/10.24411/1998-4839-2020-15120>. EDN: ELTDDZ.
- Gevorkyan T., Valkin B. “Aesthetics of Virtual Digital Architecture”. *Arkhitektura i sovremennyye informatsionnyye tekhnologii* = *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)* 2 (51) (2020): 362—372. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1998-4839-2020-15120>
- Кант И. *Критика способности суждения*. М.: Искусство, 1994. 512 с.
- Kant I. *Critique of Judgment*. Including the First Introduction. Transl., with an introd. by W. S. Pluhar; with a forew. by M. A. Gregor. Indianapolis: Hackett Publ. Co., 1987. cix, 576 p.
- Немыкина О. И. «Понятие виртуальности в философском контексте». *Изв. вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки* 1 (17) (2011): 53—62. EDN: NTYMN.
- Nemykina O. I. “The Notion of Virtual Reality in Philosophical Context”. *Izv. vuzov. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* = *University Proceedings. Volga Region. Humanities* 1 (17) (2011): 53—62. (In Russian).
- Платон. *Пир*. М.: Мысль, 1993. 81—134. Т. 2 из *Собр. соч.* Платон. 4 т. 1990—1994.
- Plato. *The Symposium*. Ed., transl., introd. by Ch. Gill. London: Penguin Classics, 2003. 144 p.
- Шлыкова О. В. *Интернет-ресурсы и услуги в социокультурной сфере*: учеб. пособие. М.: МГУКИ, 2000. 103 с.
- Shlykova O. V. *Internet Resources and Services in the Sociocultural Sphere*: study guide. Moscow: Moscow State Institute of Culture Publ., 2000. 103 p. (In Russian).
- Эко У. *Искусство и красота в средневековой эстетике*. СПб.: Алетея, 2003. 256 с. Б-ка средних веков.
- Eco U. *Art and Beauty in the Middle Ages*. Transl. H. Bredin. 2nd ed. New Haven: Yale Up, 2002. 144 p.
- Bardzell J. “Interaction Criticism and Aesthetics”. *Proceedings of the 27th International Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '09), Boston, MA, USA, April 4—9, 2009*. New York, NY: ACM, 2009. 2357—2366. <https://doi.org/10.1145/1518701.1519063>
- Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford Up, 2003. 306 p.
- Chughtai H. “How Aesthetic Engagement with IT is Shaping Digital Society: An Ethnographic Example”. *The 22nd Pacific Asia Conference on Information Systems (PACIS 2018), Yokohama, Japan, June 26—27, 2018: Opportunities and Challenges for the Digitized Society: Are We Ready?* Eds. M. Tanabu, D. Senoo. Atlanta, GA: AIS, 2018. N. pag. *AIS eLibrary*. Web. 03 June 2025. <<https://aisel.aisnet.org/pacis2018/302>>.
- Loh K. K., Kanai R. “How Has the Internet Reshaped Human Cognition?”. *Neuroscientist* 22.5 (2016): 506—520. <https://doi.org/10.1177/1073858415595005>. PMID: 26170005.

Информация об авторах

Андриенко Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (Россия, 192236, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15), elena_andrienko8@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2342-2404.

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1), irina_gorbacheva@bk.ru, ORCID: 0000-0001-5051-8674.

Авторский вклад

Андриенко Е. В. — изучение концепции, сбор данных и доказательств.

Горбачева И. М. — развитие методологии.

Information about the authors

Elena V. Andriyenko — Dr. Sci. (Philos.), Professor at the Chair of Philosophy and Cultural Studies, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences (Russia, 192236, St. Petersburg, Fuchik st., bld. 15), elena_andrienko8@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2342-2404.

Irina M. Gorbacheva — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498bld. 1, Shokin Square, Moscow, Zelenograd), irina_gorbacheva@bk.ru, ORCID: 0000-0001-5051-8674.

Author Contributions

E. V. Andriyenko — concept exploration, data and evidence collection.

I. M. Gorbacheva — development of methodology.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025, одобрена после рецензирования 27.05.2025.

The article was submitted 05.03.2025, approved after reviewing 27.05.2025.

Приватность в цифровом обществе: вызовы и риски современности

Часть 2. Цифровое общество: вызовы и риски приватности

В. Ю. Лебедев¹, Л. В. Удалова² ✉

¹ Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

² Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия

✉ lv.udalova@mail.ru

Аннотация. Во второй части исследования авторы утверждают, что цифровизация порождает сложные правовые и этические вопросы, касающиеся, среди прочего, приватности. Ставится цель исследовать природу и значимость приватности и риски, которым ее подвергает использование цифровых технологий. Решаются задачи: анализа проблематики приватности в контексте цифрового общества; анализа вызовов и рисков, с которыми сталкивается человек в цифровом пространстве. Авторами установлено, что высокотехнологичные сетевые коммуникации стирают границы между виртуальной и реальной личностью, а приватность теряет значимость. Сделан вывод: в цифровом обществе следует переосмыслить традиционные представления о личной жизни и социальной ответственности. Выявление рисков и вызовов позволит разработать результативные подходы к защите как личного пространства, так и личной информации.

Ключевые слова: приватность, цифровое общество, риски, цифровые технологии, человек, личное пространство, здоровье, самосохранение, коммуникация, самозащита, киберэтика

Для цитирования: Лебедев В. Ю., Удалова Л. В. «Приватность в цифровом обществе: вызовы и риски современности. Часть 2. Цифровое общество: вызовы и риски приватности». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 65–77. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-65-77> EDN: BWHODL.

Original article

Privacy in the digital society: Challenges and risks of our time Part 2. Digital society: Challenges and risks of privacy

V. Yu. Lebedev¹, L. V. Udalova²✉

¹ Tver State University, Tver, Russia

² Tver State Technical University, Tver, Russia

✉ lv.udalova@mail.ru

Abstract. In this second part of study, the authors state that digitalization raises complex legal and ethical issues concerning, among other things, privacy. The authors' purpose was to explore the nature and significance of privacy and the risks to which it is exposed by the use of digital technologies. The objectives to reach were as follows: to analyze the problems of privacy in the context of digital society; to analyze the challenges and risks faced by the individual in the digital space. It has been established that high-tech online communications blur the boundaries between virtual and real identities, and privacy loses importance. The authors have come to the conclusion: in a digital society, traditional notions of privacy and social responsibility need to be rethought. The identification of risks and challenges will make it possible to develop effective approaches to protecting both personal space and personal information.

Keywords: privacy, digital society, risks, digital technologies, human, personal space, health, self-preservation, communication, self-defense, cyberethics

For citation: Lebedev V. Yu., Udalova L. V. "Privacy in the Digital Society: Challenges and Risks of Our Time. Part 2. Digital Society: Challenges and Risks of Privacy". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 65–77. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-65-77>

Введение

Актуальность: возрастающая зависимость от цифровых технологий в повседневной жизни поднимает сложные правовые и этические вопросы, касающиеся границ личного пространства, где приватная сфера человека оказывается под угрозой.

Цель: исследовать природу и значимость приватности как социального явления, выявить вызовы и риски, стоящие перед человеком и обществом в условиях повсеместного использования цифровых технологий, определить их влияние на социальные структуры и индивидуальное восприятие безопасности.

Задачи: анализ проблематики приватности в контексте цифрового общества; анализ вызовов и рисков, с которыми сталкивается человек в цифровом пространстве. Особое внимание уделяется социально-философским аспектам, которые сопряжены с нарушением приватности, социальными и этическими подходами ее защиты и минимизации рисков.

Результаты: проведенный анализ указывает на то, что высокотехнологичные возможности в области сетевых коммуникаций и свободный доступ к информации оказывают воздействие на человека, трансформируют структуру мышления, формы

© Лебедев В. Ю., Удалова Л. В.

межличностных отношений, стирают границы между реальной и виртуальной личностью, в результате чего понятие приватной сферы теряет свою значимость. Делается **вывод** о том, что в условиях цифрового общества проблема приватности требует переосмысления традиционных представлений о личной жизни и социальной ответственности.

Теоретическая и практическая значимость: выявление рисков и вызовов позволит разработать результативные подходы к защите как личного пространства, так и личной информации.

В первой части статьи (Лебедев, Удалова, 2025) приватность рассматривалась как социальное явление, которое обретает совершенно новую значимость в условиях цифрового общества. Приватная сфера — сфера жизни человека, закрытая от посторонних глаз и предполагающая личное пространство, где каждый имеет право на неприкосновенность своей личной жизни, мыслей и чувств. Сегодня, в условиях быстрого развития информационных технологий и цифровых платформ для обмена данными, вопросы приватности и защиты личной информации занимают важное место. Большие объемы данных, собираемые государственными структурами, коммерческими и некоммерческими организациями, создают новые вызовы и риски для жизни человека.

Цифровые технологии и сетевые коммуникации кардинально меняют не только способы коммуникации между людьми, но и структуру взаимодействия человека с окружающим миром. Доступ к большому объему информации породил целый ряд преобразований, касающихся не только мышления, восприятия и поведения человека, но и его приватной сферы, что привело к необходимости анализировать причины, способствующие трансформации понятия приватности. Интернет, смартфоны и социальные сети перестраивают способ потреб-

ления информации, влияют на когнитивные процессы человека: меняют структуру его мышления (Винер, 1965; Финн, 2023; Шваб, 2025), обеспечивают доступ к информации, формируют у человека привычку быстро искать сведения, принимать информацию на веру, не применяя критическое мышление, не анализируя получаемые данные. Скорость обработки информации затмевает ее содержание, вызывая недооценку необходимости разделять личное и публичное, а традиционное понимание приватности как защищенного личного пространства перестает укореняться в сознании человека.

Цифровые технологии позволяют создавать «виртуальные аватары» — образы, которые человек формирует в социальных сетях. В результате человек может начать идентифицировать себя с этим виртуальным *Я*, что порождает парадокс: чем более он открыт в виртуальном пространстве, тем более изолированным становится в реальной жизни, так как виртуальные сообщества формируют воображаемые личные идентичности, в то время как реальная индивидуальность подвергается угрозе исчезновения, что ведет не только к потере приватности, но и к деформации самоидентификации.

Свободный доступ к информации мощно воздействует на человека, трансформируя его мышление, формы межличностных отношений, стирая границы индивидуальности, формируя его идентичность более, чем он сам (Левинас, 1998). В этих условиях концепция приватной сферы становится всё более размытым понятием, что требует поиска новых подходов к восстановлению значимости приватности как социальной ценности. Важно понять, какие угрозы могут повлиять на индивидуальную безопасность человека, проанализировать вызовы и риски для приватности в контексте цифрового общества, предложить способы защиты.

Необходимо отметить, что в научной литературе наблюдается пробел: не хвата-

ет комплексных исследований, затрагивающих трансформацию приватности как социального феномена в условиях одновременного существования человека в физическом и цифровом измерениях; также отсутствуют целостный междисциплинарный анализ диалектического взаимовлияния технологических возможностей, социальных практик и нормативно-правового регулирования, формирующих новое понимание приватности в эпоху цифровой трансформации. В статье предлагается интегративный подход к изучению динамично меняющихся норм приватности в контексте формирования новой цифровой социальности и «парадокса приватности».

Цифровое общество: вызовы и риски приватности

Цифровые технологии возникли как результат третьей научно-технической революции и соответствующей смены научной рациональности. Они — частный случай создания человекосоразмерных объектов. О возможных опасностях этого предупреждали десятилетиями раньше, но, по всей видимости, сами творцы новой науки и технологий не вполне представляли себе степень реальной сложности обращения с новыми объектами, включая и сложность эффективного контроля над ними. Необходимо напомнить о том, что достаточная эффективность «машин» (говоря традиционным языком) пропорциональна ее принципиально новым возможностям, которые в свою очередь предполагают независимость. Отсюда старые предостережения о размножающихся машинах, о бунтах роботов, об эмансипации техники оказались не только не напрасными, а в какой-то мере даже весьма скромными. Новая рациональность коренным образом изменила мировоззрение. Именно отсюда ведут свой род модели «мир как матрица» и подобные ей. Молодежь особенно легко заимствует их. Во-первых, присущий молодежи наивный оптимизм блокирует ре-

флексию негативных сторон таких представлений. Во-вторых, именно такую молодежь менее всего отягощает наследство традиционной науки, сформированное предыдущими научными революциями. В-третьих, виртуализация реальности легче находит понимание и принятие у тех, кто нагружен опытом геймерства.

Приватность и право на нее в идеале предполагают интеллектуально и социально зрелую личность, способную прогнозировать свое поведение и принимать ответственность за делаемые шаги. В приватной области снижается ответственность (для некоторых вещей она порой вообще аннулируется; простейший пример: на улице недопустимо расхаживать в нижнем белье, а в своем жилище это само по себе не возбраняется). Снижается жесткость действия социальных прескрипций, уменьшается доля «социального театра» в поведении, можно позволить себе максимально быть тем, кем хочешь, что диктует твоя идентичность, а не сценарии социального поведения. Также человек максимально свободен в распределении ресурсов, включая временные, и в выборе занятий или свободы от них.

По Р. Гэвисону, отсутствие приватности столь же вредно, как и ее абсолютизация, поскольку во втором случае разрушаются или просто не формируются многочисленные сценарии коммуникаций, человек дичает, социальная успешность снижается, вплоть до утраты эффективных техник выживания (Gavison, 2012); это равновесие — продукт выбора самого индивида, а неудобства, напряжение, вплоть до фрустрации начинаются у него тогда, когда эта им определенная зона приватности изменяется, нарушается, выходит из-под контроля, когда ее попирают извне (Труфанова, 2021). Сюда относятся разные зоны приватности, существующие в социальном пространстве (например, истории болезни): на часть из них приватная закрытость также распространяется, за исключением некоторых ситуаций.

В целом готовность людей быстро и эффективно отражать риски цифрового общества вызывает вопросы. Это связано как с отсутствием надежных праксиологических навыков, так и с неполной проработанностью понятийного аппарата, позволяющего адекватно описывать ту реальность, в которую многие погружаются сразу с утра, постигать ее герменевтически и когнитивно. Например, владелец открытой социальной сети жалуется на иронические и саркастичные комментарии. Отчасти такие недоумения связаны с тем, что социальная сеть — одновременно и личное пространство, и информационное поле с законным и неопределенно широким доступом. То, что нужно либо терпеть такие посещения (возможно, отправляя некоторых «в бан»), либо перевести свою социальную страницу в закрытый режим со строгой фильтрацией читателей — для некоторых оказывается едва ли не глубоко шокирующим актом понимания. Повторимся, одна из причин таких коллизий — недостаточная разработка понятийно-терминологического аппарата, что заставляет вспомнить парадоксы языка и поведения, обобщенные в рамках гипотезы Сепира — Уорфа. Так, фразу «напишите что-нибудь» некоторые понимают как призыв непременно написать *что угодно*, а не как перифрастическую констатацию того, что именно здесь находится поле для записей, которые можно оставлять, когда это нужно.

В условиях цифрового общества и *понятие приватности*, и сама приватность как таковая сталкиваются с новыми, сложными вызовами и рисками. Утечки данных, интернет-мошенничество и кибербуллинг становятся неотъемлемыми чертами взаимодействия человека с цифровой средой. Еще недавно интернет-пользователи не закрывали личные страницы, а удивлялись, по какому праву в их «личном пространстве» оставляют резкие комментарии или занимаются «троллингом» и «стебом». К пересмотру сете-

вой приватности пришлось прийти быстро и под давлением реальных практик, которые нужно было осознать и взять хотя бы под минимальный контроль.

Цифровое общество генерирует риски, которые не всегда поддаются контролю (Деннет, 2021). Эти риски не только угрожают индивидуальной безопасности, но и создают атмосферу недоверия и страха, где уязвимость становится нормой, а защита личной информации — необходимостью, ставят под сомнение основные принципы человеческого достоинства, социальной справедливости, безопасности, психоэмоционального благополучия. В результате возникшие изменения отношений и взаимодействий в цифровом пространстве требуют переосмысления ценностей и подходов, направленных на восстановление и защиту приватности как неотъемлемой составной части свободы и безопасности жизнедеятельности человека и общества в целом.

Подчеркивая важность личной информации в эпоху цифровизации, необходимо отметить, что каждый «цифровой след», который оставляет человек, становится объектом торговли, добросовестной в разной степени, вплоть до мошенничества. Это отражение тревожной реальности, где личные данные делаются не просто информацией, а предметами коммерческих интересов и манипуляций. Информация стала товаром как никогда ранее, а сама информационная торговля едва ли не в первую очередь угрожает приватности.

Эти вызовы и риски, возникающие в результате не только утечек данных, но и различных предписаний, связанных с размещением личной информации в цифровой среде (например, такие требования выдвигают разнообразные сайты, где при оформлении личного кабинета обязательно размещать фотографию: хотя человек в принципе имеет право быть носителем фотофобии и соответственно постоянно скрывать

личные изображения, но составители цифровых правил временами игнорируют этические тонкости и могут не учитывать, что наносят психологическую травму), имеют социальные последствия: так возникает атмосфера у постоянного давления и недоверия, а она подрывает основы здоровья, свободы и независимости человека. В цифровом обществе потеря приватности провоцирует формирование общества наблюдения, где каждый шаг, слово и «клик» становятся объектом контроля, оценки, анализа, обсуждения.

Когда говорят о связи современного общества и права на нарушение границ частной жизни, которым наделены определенные государственные структуры, нередко забывают: такое право, продиктованное соображениями безопасности, в той или иной форме существовало всегда, т. е. сейчас речь идет о смене *методов* и о возможных очевидных и неочевидных результатах этого — в частности, о реально достигаемом *объеме* информационного доступа.

Еще одна проблема состоит в том, что функцию хранения личных данных зачастую передоверяют электронным средствам, которые оказываются в итоге дистанцированными и сложно управляемыми — во всяком случае, непосредственная управляемость ограничена, а хранимые данные легко могут выйти в неподконтрольную индивиду область. Объемы информации, которую при внедрении в цифровую среду можно получить тем или иным нелегитимным способом, несопоставимы с традиционными способами кражи и ознакомления — например, со вскрытием бумажной корреспонденции. Порой весь набор теоретически неприкосновенной информации, от переписки, которую нежелательно демонстрировать, до банковских, паспортных данных, сосредоточен в одном гаджете. Если рассматривать это, не просто руководствуясь соображениями безопасности, но и делая более широкие выводы, столь

информационно нагруженное устройство становится продолжением индивида. Необходимо отметить, что это неизбежно влечет вопрос об изменении биологических границ тела как первичной структуры, что вызывает необходимость осознать и отрефлексировать приватность (Лебедев, 2019). Споры о том, что преобладает в цифровизации, хорошее или дурное, становятся всё более теоретическими, так как в реальности почти ни на что не влияют: информационное общество *уже* выпустило джина из бутылки. Сейчас границы приватного и публичного радикально смещаются и, более того, деформируются. Прочие, более частные случаи изменения приватности, к которым мы обращаемся ниже, суть частные последствия этого фундаментального процесса.

Всё это порождает глобальный феномен цифровой зависимости, который включает в себя и цифровые аддикции как таковые — новый вид психологической девиации. Цифровой облик обретает сама социальная среда, проблема давно вышла за пределы «цифры» как новой коммуникационной технологии. Здесь появляется тематическая связь с проблемой государственного контроля над социальной жизнью индивида, но она в основном находится в публичном локусе социального бытия, а значит, в приватном играет в лучшем случае периферийную роль. К приватному в большей мере относится то, что не связано с регулярной коммуникацией между индивидом и государством. В этой более вариативной и интимной сфере личность раскрывается разнообразнее и полнее. Если коммуникация с государством немыслима без иерархической структуры, то личное и личностное более тяготеет к равноправию, к сосуществованию разных мнений, к спонтанности, к творчеству, включая и житнетворчество. Равенство в этом случае стимулирует свободный, доброжелательный и творческий обмен, а оценки воспринимаются как

более дружелюбные и конструктивные, отсюда и стремление к высокой аксиологической оценке идей, мнений, выводов, высказанных в ситуации дружеского равноправия. Такая оценка сопряжена с определенным кругом эмоций, относящихся к группе феноменов, на поиски которых человек отправляется, коммуницируя в неформальном режиме, — хотя за такую неформальность порой приходится «расплачиваться» критикой, которая чаще воспринимается болезненнее, но это обычные черты свободного неофициального межличностного общения.

Интернет-мошенничество сегодня представляет собой еще один вызов и аспект риска для пользователей цифровых технологий, которые предполагают упрощение общения и создают новые формы социальной изоляции и недопонимания, когда «взаимодействие через экраны делает нас более уязвимыми для манипуляций и обмана, поскольку мы рискуем потерять чувство реальности» (Turkle, 1995).

Такой вызов цифрового общества, как *кибербуллинг*, в свою очередь, выступает как разрушительная форма взаимодействия — и не только наносит вред человеку, но и подрывает целостность социума, уничтожая основные принципы социальной безопасности и взаимного уважения. Цифровые технологии, предоставляя платформы для общения, становятся средствами для насилия и нарушения приватности. В современном цифровом обществе кибербуллинг приобрел значительные масштабы, особенно в молодежной среде, так как теперь он становится одним из наиболее острых социальных вызовов современности. Кибербуллинг, или травля в Интернете (например, в социальных сетях), представляет собой не только частное явление, но и симптом более глубоких социокультурных изменений, обусловленных развитием цифровых технологий, изменяющих способы взаимодействия между людьми. Возможность анонимного взаимодействия

в Интернете обуславливает то, что появляется возможность отчуждать действия от совершившего их, а затем снижать ответственность человека за его действия — и, среди прочего, превращать насилие в практику общения. Так, С. Жижек, рассматривая влияние цифровых технологий на социальные отношения, определял их как «средство господства и контроля» (Žižek, 1996: 292) отмечая, что такие технологии создают виртуальную реальность, где «главный урок виртуальной реальности — виртуализация истинной реальности» (Žižek, 1996: 295). Виртуальность создает пространство для анонимности — и в этом пространстве (а также в этих условиях) легко может проявляться агрессия.

Постоянно присутствуя онлайн, человек может почувствовать себя более изолированным, анонимным, безымянным, безнаказанным, что создает благоприятную почву для проявлений кибербуллинга. Кибербуллинг разрушительно влияет на формирование и восприятие личности в цифровом обществе, тесно связан с вопросами идентичности, самоопределения и самовыражения.

Так, Р. Гэвисон указывал на то, что в цифровую эпоху трансформация личности ведет к ее изменчивости и многоуровневости, а атаки на личность в цифровом пространстве не только подрывают, дестабилизируют индивидуальную самооценку, но и наносят ущерб целостности социальной идентичности (Gavison, 2012).

Проблема *суицида* остается одним из самых тревожных вызовов в современном обществе, особенно в эпоху цифровизации. Одним из факторов, способствующих суицидальным наклонностям, можно назвать степень приватности, которую ощущает человек. В условиях цифровизации и всеобъемлющего информационного контроля приватность значительно влияет на эмоциональное состояние и восприятие человека. Сюда же относится анонимность — и особенно виртуализация личностей общающихся.

Злоумышленник может целенаправленно выдавать себя за сочувствующего, чтобы потом поиздеваться над наивным интернет-коммуникантом. Постоянное присутствие в социальных сетях создает давление, заставляя человека чувствовать, что его жизнь под контролем внешнего мира, а это порождает состояние изоляции, одиночества, угнетенности, тем самым повышая риск суицидального поведения. Приватность можно определить еще и как состояние, в котором человек контролирует свою личную информацию и пространство, позволяющее избегать нежелательного вмешательства. Такой параметр, как контроль, М. Фуко считал ключевым элементом в анализе приватности (Фуко, 2022). Человек, лишенный приватности, чувствует себя под постоянным наблюдением, а из-за этого кажется себе уязвимым, что приводит к ухудшению его психоэмоционального состояния, невротизации и даже, возможно, психопатизации. В условиях цифрового общества личная сфера становится особенно важной для эмоционального комфорта человека, а утрата приватности приводит к росту уровня тревожности и депрессии, а постоянное нахождение под наблюдением либо отсутствие личного пространства катализирует психические расстройства. Утрата приватности может спровоцировать суицидальные наклонности человека.

Способы защиты своей приватности

В условиях стремительного развития технологий и цифрового общества концепция приватности значительно изменяется, но именно из-за стремительности она еще не обрела законченных форм, а многие стратегии используют разово и сразу проверяют на деле. Социальная мера «вовлеченности» наглядно иллюстрирует явное неравенство во взаимодействии между личным и социальным, публичным и приватным. Сегодня одному из важнейших, значимых, необходимых аспектов социальной жизни в циф-

ровом обществе, такому как приватность, не уделяется должное внимание. Снижение уровня приватности, фактический распад ее традиционного паттерна, дефицит автономности и частной жизни, необходимость создавать и использовать новую систему этикетных норм, применимых в обычном быту, связаны с самой природой современности — и с такой ее яркой чертой, как цифровое общество.

Самозащита начинается с формирования готовности к ней и с конкретных средств, которые дадут возможность ее обеспечить. Для нового, чисто «цифрового» поколения важно приобщиться к парадигмам и наилучшим достижениям предыдущих научных революций: это не только позволит поднять культурный уровень, но и сформирует важный герменевтический и когнитивный навык — позволит глубже постичь предмет через сравнение. В этом случае появляется больше шансов создать культуру пользования, а не только экстренный курс по технике безопасности.

Условия технократического цифрового общества предопределяют, что социальная рациональность формируется в соответствии с критерием эффективности поведения и поступков человека, его стандартизации, предсказуемости, регламентируемости. В результате этого социальная рациональность исключает приватность (во всяком случае, в ее привычном понимании, т. е. неконтролируемые и нерасшифрованные поступки человека), а целью любой социальной структуры становится минимизация частных, приватных, индивидуальных проявлений.

Осознание вызовов и рисков, сопряженных с существованием и формированием приватности в цифровом обществе, а также признание необходимости теми или иными способами защищать приватность как личностное бытие — это эффективный путь к решению данной проблемы. Под методом

самозащиты здесь подразумевается трансформация индивида на экзистенциальном, субъектном, личностном уровнях его бытия. В ответ на угрозы, связанные с возможной (или уже совершившейся) утечкой данных и нарушением личной жизни, человек ищет способы защиты своей приватности. Один из ключевых способов самозащиты — осознанность в отношении личной информации, включающая в себя как выбор того, какой информацией делиться, так и понимание последствий этого выбора: человек должен осознавать ценность своей информации и защищать ее. Технологические инструменты, такие как шифрование и анонимизаторы (Митник, 2022), становятся неотъемлемой частью цифрового общества, позволяют контролировать свои данные, защищая личную информацию, цифровую личность.

Представители научного направления в области психологии также акцентируют внимание на том, что в межличностных отношениях важно формировать и охранять границы приватности, частной жизни. Определение, обозначение границы — это основа сохранения целостности; успех зависит от того, насколько человек способен отстаивать свои интересы при социальных взаимодействиях в цифровом обществе.

Для защиты приватности важен социокультурный контекст, а он подчеркивает: государству необходимо переосмыслить и пересмотреть нормативные подходы к приватности в области законодательства, так как самозащита — не только *индивидуальное* усилие: государство также должно принимать на себя ответственность за создание цифровой среды, способствующей уважению к приватности.

Один из методов самозащиты личности и защиты ее приватности — забота. Принцип «забота о себе», проявляющийся через разнообразные практики и предписания, формирует социальные практики, создавая основу для межличностного взаимодействия.

Как отмечает М. Фуко, этот принцип стал не просто идеалом активности, но и основой поведения, образом жизни. Также М. Фуко утверждает, что забота о себе — конститутивная характеристика субъекта, его рациональности и ответственности (Фуко, 2007).

В цифровом обществе тайна личной жизни отчасти теряет актуальность и ценность, информационное пространство явно иллюстрирует риски и отрицательные последствия, которые влечет за собой нарушение права человека на приватность в целом, что подтверждает объективную и субъективную неопределенность бытия. Исследование вопросов киберэтики позволит выделить особенности и специфические значения феномена приватности для поиска подходящих способов ее защиты.

В условиях российской социальной и правовой системы проблема защиты персональных данных представляет собой серьезный этико-правовой вызов, проявляющийся в нарушении личной сферы человека, его приватности и в превышении границ социального контроля. Эта проблема связана с более широкой темой — с отказом от традиционных моральных норм и нравственным разнообразием в виртуальном пространстве, где действуют свои условности и запреты. Этические аспекты виртуальной среды предстают как уклонение от моральных норм и принятых стандартов не только личной свободы, но и личной ответственности (Мамедов, Чудновская, ред., 2022).

В информационном обществе с помощью цифровых технологий проводят масштабную «оцифровку» каждого человека и «распределяют» его или ее личные данные по различным цифровым базам: это так называемые Big Data — «большие данные» (Бронников, Беденкова, 2023). Одним из способов защиты личной приватности может стать оценка рисков, связанных с обеспечением безопасности персональных данных, с поддержкой и сохранением статуса

приватности как таковой. Защита информации (как один из способов защиты личностной приватности) включает в себя, помимо когнитивно-терминологического упорядочивания и разработки педагогических технологий по цифровой безопасности и общей культуре действия в цифровом мире, разработку и внедрение технических и правовых средств, регулирующих доступ в виртуальную сферу и все действия в ней, включая передачу, распространение персональных данных и другие законные и незаконные действия с ними. Также важный аспект в защите личностной приватности — соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен, и установление прав на доступ к информации в целом.

Заключение

В заключение можно сказать, что:

- реализованный в статье комплексный подход, объединяющий философские, социологические, психологические, технологические и правовые аспекты приватности, позволяет глубже понять ее трансформацию в условиях цифровой эпохи и выявить взаимосвязи между социальными практиками и техническими возможностями;
- предложенная методологическая основа для изучения парадокса приватности с учетом различий в поведении пользователей в разнообразных цифровых сферах способствует выявлению факторов, влияющих на раскрытие личной информации и формирование цифровых норм;
- проведенный системный анализ влияния на социальные практики современных цифровых технологий, связанных с конфиденциальностью и уязвимостью, позволяет составить целостную картину рисков и разработать рекомендации по их минимизации.

Исследование показало, что цифровая приватность — неотъемлемый компонент

психологического благополучия и социальной стабильности в современном цифровом обществе. Контроль над собственной личной информацией в цифровой среде способствует формированию чувства безопасности, благополучия и комфорта, что имеет ключевое значение для информационно-психологической безопасности пользователей.

Подчеркнута динамическая природа приватности как социального явления, которое трансформируется под воздействием цифровых технологий, социальных норм и культурных ценностей. Важный вывод таков: нормы приватности в цифровом обществе не статичны, а постоянно переосмысливаются и конструируются в процессе социального взаимодействия.

Можно утверждать, что вызовы и риски, связанные с приватностью в цифровом обществе, требуют комплексного социально-философского анализа, так они ставят под сомнение не только приватность как индивидуальную безопасность, но и целостность социального взаимодействия. Важно, чтобы эти вопросы оставались в центре обсуждения как среди академического сообщества, так и у широкой общественности, что позволит выработать эффективные стратегии защиты прав личности и поддержания доверия в цифровую эпоху.

Приватность в цифровом обществе находится под угрозой из-за множества факторов, включая технологические изменения и социальные трансформации. Глубокое понимание рисков и вызовов позволит выработать адекватные подходы к защите личного пространства и личной информации. Проблема приватности в условиях цифрового общества требует переосмысления традиционных представлений о личной жизни и социальной ответственности. Только комплексный подход, который включает в себя философский, технологический и этический анализ, поможет справиться с этими вызовами и рисками.

Способы защиты приватности со стороны ее субъекта варьируются от индивидуальных и технологических решений до более широких социальных и этических методов. Обсуждение этих вопросов в различных научных направлениях подчеркивает многообразие путей, которыми человек может защитить свою личную жизнь в условиях современного цифрового общества.

Список литературы и источников / References

- Бронников И. А., Беденкова А. С. «Метавселенные и государства: вместе или порознь». *Ars Administrandi (Искусство управления)* 15.2 (2023): 224—250. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-224-250>. EDN: XAWVHK.
- Bronnikov I. A., Bedenkova A. S. “Metaverses and States: Together or Apart”. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) = Ars Administrandi (The Art of Management)* 15.2 (2023): 224—250. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-224-250>
- Винер Н. *Кибернетика и общество*: [сборник]. Ред.: Г. Веснина; пер.: В. Желнинов. М.: АСТ, 2019. 285, [2] с. Наука: открытия и первооткрыватели.
- Wiener N. *The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society*. Boston: Da Capo, 1988. 199 p. Da Capo Series in Science.
- Деннет Д. К. *Разум от начала до конца: новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности*. Пер. с англ.: М. С. Соколова; предисл.: А. Н. Фортунатов. М.: Бомбора, 2021. 528 с. Большая наука.
- Dennett D. C. *From Bacteria to Bach and Back: The Evolution of Minds*. New York: W. W. Norton & Co., 2017. 496 p.
- Лебедев В. Ю. «Трансплантологические мифы и эрозия приватности». *Четвертый российский национальный конгресс: Трансплантация и донорство органов: материалы конгресса: тезисы докладов*. Под ред. С. В. Готье. Прил. к *Вестник трансплантологии и искусственных органов* 21.S (2019): 184. EDN: YOWUJH.
- Lebedev V. Yu. “Transplant Myths and the Erosion of Privacy”. *Chetvertyy rossiyskiy natsional'nyy kongress: Transplantatsiya i donorstvo organov: materialy kongressa: tezisy dokladov*. Ed. by S. V. Got'ye. Suppl. iss. of *Vestnik transplantologii i iskusstvennykh organov = Russian Journal of Transplantology and Artificial Organs* 21.S (2019): 184. (In Russian).
- Лебедев В. Ю., Удалова Л. В. «Приватность в цифровом обществе: вызовы и риски современности. Ч. 1. Приватность как социальное явление». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.1 (2025): 67—75. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-1-67-75>. EDN: NFXAIE.
- Lebedev V. Yu., Udalova L. V. “Privacy in a Digital Society: Modern Challenges and Risks. Pt. 1. Privacy as a Social Phenomenon”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.1 (2025): 67—75. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-1-67-75>
- Левинас Э. *Время и другой. Гуманизм другого человека*. Пер. с фр.: А. В. Парибок. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 264, [1] с.
- Levinas E. *Time and the Other. The Humanism of the Other*. Transl. from French by A. V. Paribok. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 1998. 264, [1] p. (In Russian).
- Мамедов А. К., Чудновская И. Н., отв. ред. *Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху: материалы научной онлайн-конференции с международным участием (Москва, 01 марта 2022 г.)*. М.: МАКС Пресс, 2022. 202 с. <https://doi.org/10.29003/m2654.978-5-317-06788-5>. EDN: MBSKHD.

- Mamedov A. K., Chudnovskaya I. N., publ. eds. *Transformatsiya eticheskoy matritsy v tsifrovuyu epokhu: materialy nauchnoy onlayn-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Moskva, 01 marta 2022 g.) = Transformation of the Ethical Matrix in the Digital Age: proceedings of the online scientific conference with international participation, Moscow, March 01, 2022*. Moscow: MAKSPress, 2022. 202 p. (In Russian). <https://doi.org/10.29003/m2654.978-5-317-06788-5>
- Митник К. *Искусство быть невидимым: как сохранить приватность в эпоху Big Data*. М.: Бомбора, 2019. 464 с. Мир технологий.
- Mitnick K. [D.] *The Art of Invisibility: The World's Most Famous Hacker Teaches You How to Be Safe in the Age of Big Brother and Big Data*. New York: Little, Brown and Co., 2017. 285 p.
- Труфанова Е. О. «Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ». *Galactica Media: Journal of Media Studies* 3.1 (2021): 14—38. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>. EDN: XFLCBR.
- Trufanova E. O. "Private and Public in the Digital Space: Blurring of the Lines". *Galactica Media: Journal of Media Studies* 3.1 (2021): 14—38. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>
- Финн В. К. *Искусственный интеллект: методология, применения, философия*. Изд. 2, испр. и доп. М.: Изд. группа URSS, 2023. 468 с. Науки об искусственном; № 36.
- Finn V. K. *Artificial Intelligence: Methodology, Applications, Philosophy*. Ed. 2, rev. and suppl. Moscow: Editorial URSS, 2023. 468 p. (In Russian). Nauki ob iskusstvennom 36.
- Фуко М. *Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году*. Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
- Foucault M. *The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the Collège de France 1981—1982*. Ed. by F. Gros; transl. by G. Burchell; introd. by A. I. Davidson; forew. by F. Ewald, A. Fontana. New York: Picador, 2005. 608 p. Michel Foucault Lectures at the Collège de France 9.
- Фуко М. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. Пер.: В. Наумов. М.: Ад Маргинем Пресс; Garage, 2021. 383 с.
- Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Transl. from French by A. Sheridan. 2nd ed. New York: Vintage Books, 1995. 334 p.
- Шваб К. *Четвертая промышленная революция*: пер. с англ. М.: Эксмо, 2025. 208 с.
- Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. New York: Crown Business, 2017. 192 p.
- Gavison R. E. "Privacy and the Limits of Law". *The Yale Law Journal* 89.3 (1980): 421—471.
- Turkle S. *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Schuster, 1997. 352 p.
- Žižek S. "From Virtual Reality to the Virtualization of Reality". *Electronic Culture: Technology and Visual Representation*. Ed. & introd. by T. Druckrey; preface by A. R. Stone. New York: Aperture, 1996. 290—295.

Информация об авторах

Лебедев Владимир Юрьевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теологии Тверского государственного университета (Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, 24, корп. 9), semion.religare@yandex.ru, SPIN-код: 2716-5460, ScopusID: 57208865546.

Удалова Лариса Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета (Россия, 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, 22), lv.udalova@mail.ru, SPIN-код: 7005-5090.

Information about the authors

Vladimir Yu. Lebedev — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor at the Department of Theology, Tver State University (Russia, 170021, Tver, 2nd Griboedova st., 24, bldg no. 9), semion.religare@yandex.ru, SPIN code: 2716-5460, ScopusID: 57208865546.

Larisa V. Udalova — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University (Russia, 170026, Tver, Afanasy Nikitin Embankment, 22), lv.udalova@mail.ru, SPIN code: 7005-5090.

Авторский вклад

Лебедев В. Ю. — критический анализ и доработка текста.

Удалова Л. В. — подготовка начального варианта текста.

Author Contributions

V. Yu. Lebedev — critical analysis and revision of the text.

L. V. Udalova — preparation of the initial version of the text.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025, одобрена после рецензирования 21.04.2025, прислана после доработки 16.05.2025.

The article was submitted 31.03.2025, approved after reviewing 21.04.2025, accepted for publication 16.05.2025.

Проблема идеального и социальный солипсизм: к диалогу

Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица (часть 2)

М. Ю. Морозов^{1, 2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

² Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

maxdiscovery@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой вторую часть работы, написанной к 100-летию Э. В. Ильенкова. В ней осуществлена попытка осмыслить характер и необходимость возвращения к прошлому как условию движения (словами Гегеля) «вперед к своему началу». Разрабатываются вопросы, поставленные в первой части статьи, в частности, вопрос о противоречивом характере наследования теоретической мысли как объективного процесса. Проанализированы теоретико-познавательные основания расхождения позиций двух выдающихся советских мыслителей по проблеме идеального, которые восходят к различному пониманию философии Г. В. Ф. Гегеля. Подробно рассмотрено смысловое содержание категорий «всеобщее» и «объективное» в мысли Ильенкова. Установлено отличие его позиции от взглядов А. А. Богданова, которые нашли развитие в философии XX столетия. Основное внимание уделено вопросу о способе бытия идеального в природе.

Ключевые слова: Э. В. Ильенков, М. А. Лифшиц, идеальное в природе, всеобщее, объективность, деятельность, Гегель

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00130).

Для цитирования: Морозов М. Ю. «Проблема идеального и социальный солипсизм: к диалогу Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица (часть 2)». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 78–93.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-78-93> EDN: ULEOCY.

Original article

The problem of the ideal and social solipsism: Towards a dialogue between E. V. Ilyenkov and M. A. Lifshitz (part 2)

M. Yu. Morozov^{1, 2}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

maxdiscovery@mail.ru

Abstract. This work is the second part of the article written on the occasion of the centenary of the birth of Evald Ilyenkov. It explores the nature and necessity of revisiting the past in order to, as Hegel would say, “move forward to the beginning”. The questions posed in the first part of the article are explored in more detail, particularly the issue of the contradictory nature of theoretical thought inheritance as an objective process. The theoretical and cognitive bases of the divergent positions of two eminent Soviet thinkers on the concept of the ideal are analysed, stemming from their differing interpretations of the philosophy of G. W. F. Hegel. The semantic content of the categories ‘universal’ and ‘objective’ in Ilyenkov’s thought is examined in detail. The differences between his position and the views of A. A. Bogdanov, which developed in 20th-century philosophy, have been established. The main focus is on the question of how the ideal exists in nature.

Keywords: Evald Ilyenkov, Mikhail Lifshitz, ideal in nature, universal, objectivity, activity, Hegel

Funding: the study has been supported by the Russian Science Foundation (project no. 24-18-00130).

For citation: Morozov M. Yu. “The Problem of the Ideal and Social Solipsism: Towards a Dialogue Between E. V. Ilyenkov and M. A. Lifshitz (Part 2)”. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 78–93. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-78-93>

Введение

Из всех великих немецких философов один только Г. В. Ф. Гегель не страдал тем, что можно назвать «утопизмом»; эту особенность способа мышления от него унаследовал К. Маркс. Отрицательное отношение Гегеля и Маркса к утопиям с наибольшей отчетливостью проявляется в их концепциях истории. В то время как философские предшественники Гегеля — не только романтически настроенные И. Фихте и Ф. Шеллинг, но даже сухо-прагматичный И. Кант —

в своих работах были не прочь порассуждать о том, «как обустроить прекрасную Германию будущего», проектируя «соответствующее разуму» общественно-политическое устройство, автор «Философии права» строго констатирует: «...Философия, именно потому что она есть *проникновение в разумное*, есть *постижение наличного и действительного*, а не выставление *потустороннего* начала, которое бог знает где существует... <...> Задача философии — постичь то, *что есть*, ибо то, *что есть*, есть разум. <...> Столь же

© Морозов М. Ю.

нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху... <...> Если же его теория в самом деле выходит за ее пределы, если он строит мир, *каким он должен быть*, то этот мир, правда, существует, но только в его мнении, в этом податливом материале, позволяющем строить что угодно» (Гегель, 1990: 52—55). Или — в другом известном месте: «Что же касается *поучения*, каким мир должен быть, то <...> для этого философия всегда приходит слишком поздно. <...> Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой... <...> Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» (Гегель, 1990: 56). Иными словами, вполне понять можно лишь то, что уже произошло, будущее же — открыто, оно «не абсолютно и подвержено случайности» (Гегель, 1990: 171). Это, конечно, сильно расходится с известным мифом о Гегеле как авторе концепции «конца истории»; при этом обычно также превратно понимается завершенность его философской системы. Впрочем, это вовсе не означает, что взгляд теоретика должен быть направлен исключительно в прошлое; в таком случае познание закономерно превращалось бы в способ апологии настоящего, которое рассматривается лишь как закономерно-необходимый результат. Так «примененная» диалектика справедливо критикуется в качестве метода познания за произвольность и субъективизм.

Зачем же мы возвращаемся к прошлому? Как сделать это обращение свободным от оправдания настоящего и, следовательно, способным проявить к нему силу критического различения? Есть возвращения и *возвращения*: возвращаться назад можно по-разному. «Есть возвращение, которое актуализирует худшие тенденции настоящего и потому представляет собой не *восхождение к началу*, а, в лучшем случае, пустое враще-

ние на одном месте. Таковы все реакционные попятные движения. Что же следует воскресить, чтобы настоящее обрело абсолютный смысл? Очевидно, то, что представляет собой не случайные мнения, а объективный смысл бытия» (Мареев, Мареева, Арсланов, 2020: 305—306). Пустое (воз)вращение осуществляет собой попытку искусственно оттянуть решение насущных проблем, приводит к гальванизации давно отжившего, худшего старого — и современное общество оказывается отброшенным к самым темным временам и соответствующим практикам. Таков, например, призыв вернуться в «ослепительное Средневековье». Ясно, что этот призыв, как и всякая идеология, растет из материально-экономических оснований, но обратное действие надстройки на базис также неустранимо, они укрепляют друг друга. Постоянный регресс реализуется через консервацию наличного положения дел и наоборот. Время словно остановилось. Как прорвать такую «дурную» цикличность?

Через движение вперед к своему началу, как сформулировал бы Гегель, вовсе не для голого повторения. «Мы возвращаемся, например, к философии Аристотеля для того, чтобы переосмыслить ее, изменить в соответствии с достижениями последующей за ним мысли. С другой стороны, человечество, столкнувшись на практике с проблемой порочного круга и ищущее выхода из него, начинает понимать глубину постановки вопроса Аристотелем...» (Мареев, Мареева, Арсланов, 2020: 303). Такое возвращение становится возможным из перспективы сегодняшнего расположения сил, и оно же изменяет это расположение посредством того, что образует (в смысле *Bildung*) субъект истории. «Анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны», афористично констатирует Маркс — и то, что раньше было лишь случайным мнением, открывает внутреннюю необходимость объективного смысла. Из чего следует, что творить исто-

рию сегодня — значит вмешиваться в способ связи прошлого с настоящим. В этом смысл позиции Гегеля: будущее время отнюдь не предопределено абсолютным духом, как часто полагают комментаторы. Напротив, оно *необходимо* реализует себя посредством человеческих индивидов, но эта необходимость полагается согласно достигнутой ими мере *свободы*, идея которой обнаружила в действительности силу своих определений. Эта идея концентрирует в себе абсолютное содержание самого бытия, объективно-материального мира. Свобода есть действие сознательное — действие со знанием идеальной формы, которая *представляет* всеобщее самой действительности, развернутое в мышлении в своей чистой форме, в форме истины: «Первоначало <...> носит, таким образом, всецело идеальный характер, но не в том смысле, что оно существует лишь в мысли, в голове, а в том смысле, что мысль представляет собою истинную сущность вещей» (Гегель, 1993: 306). Всё, что не обосновано этой абсолютной формой — подвержено времени именно потому, что неполно.

Конечное не выдерживает противоречия своей бесконечной сути и потому «гонит себя к своему концу». Но эта «возгонка», как всякое изменение, разрешает себя во всеобщем, обнажая свою внутреннюю определенность, цель. Поэтому Аристотель с полным правом утверждает, что изменение — это движение «к чему», и целевая причина занимает у него центральное место, раскрываясь как энтелехия. «Это замечание Аристотеля должно быть истолковано нами в том смысле, что лишь в становящемся реальным движении, т. е. именно в изменении, наступает отношение „к чему“, между тем как отношение „из чего“ есть отношение, в котором изменение есть лишь идеальный аспект движения» (Гегель, 1994: 255). «Из чего» может произойти всё, что угодно — потому

всякая определенность здесь снята (т. е. идеальна, есть лишь момент) в этой неопределенности. Действительное развитие — «становящееся реальным движение» — это изменение «к чему», движение по цели, со знанием этой цели и ее оснований. Поэтому «соединить разорванную связь времен» (требование М. А. Лифшица) — значит исполнить определение (*die Bestimmung erfüllen*¹), идеально содержащееся в предпосылках задачи, которую человечество вновь и вновь ставит перед собой. И будет ставить до тех пор, пока она не будет решена: «Сознание — такая вещь, которую мир должен приобрести себе, хочет он этого или нет» (Маркс, 1955: 381). Сущность *является*, и эта логическая необходимость давно умной философией высвечена.

Со времени написания первой части статьи (Морозов, 2024) прошло больше года. Завершилось празднование столетнего юбилея Э. В. Ильенкова. Прошло немало конференций, семинаров и других мероприятий, посвященных его памяти, опубликованы книги, статьи, специальные выпуски журналов. И сегодня, оборачиваясь назад в попытке *понять наличное*, можно констатировать, что, хотя «форма жизни» по имени *Эвальд Васильевич Ильенков* отнюдь не постарела, поставленные нами основные вопросы стали только более актуальными.

Вопросы эти имплицитно связаны между собой: они суть различные определения единой проблемной области. Трудность разворачивания всякого содержания и заключается в том, чтобы найти точку начала, из которой это содержание разворачивалось бы согласно его собственной имманентной логике; при этом этот поиск, это начало, это разворачивание не могут быть лишь формальными. Таковы исходные условия задачи, в которых понимающий ум выстраивает свой предмет как ее решение. Или, иными

¹ Игра смыслов: *die Bestimmung* (нем.) — «определение» и «предназначение». Отсюда — «исполнить предназначение» и «сделать определение полным».

словами, предмет выстраивает себя умом, в уме — в своей истине.

Ответственность перед истиной и перед собой

Ильенков подчеркивал, что вне проблемы истины идеальное принципиально понято быть не может. Но проблему истины нельзя даже поставить, если не выйти на позицию абсолютного *ничто* — позицию сократическую, где «гаснут» все особенные определения, которые рассудок упрямо удерживает как прочную данность. Это означает, что установка, основывающаяся на субъективном предпочтении тех или иных положений, оказывается дофилософской, дотеоретической. Банальность? Да, но не так много работ написано о теоретическом поиске нашего героя, где эта банальность бы *вполне* учитывалась, и прошедший год лишь заметнее обнажил эту тенденцию. Мы уже писали, что суждения как сторонников Ильенкова, так и его критиков часто предполагают координаты *свой* — *чужой* при явном безразличии ко всеобщей проблематике, которая остается за рамками таких суждений. Эта ситуация заставляет вновь вспоминать о той ответственности, которую берет на себя всякий автор, когда объявляет себя чьим-то учеником. Ответственен ли мыслитель за повод, который он дает своим последователям, трактующим его неверно? Ответственен, но — если прибегать здесь к помощи религиозных образов — «перед Господом Богом»; иными словами, ответственен перед истиной. Или, еще иначе, перед самим собой, поскольку отношение к себе и есть самое краткое определение истины. Однако еще более ответственен ученик: и перед истиной, и перед тем, кого он считает своим учителем. Выявление, прояснение, оформление в форме для-себя того содержания, что было в предшествующем лишь в-себе (*an sich*) и есть философское понятие *развития*; поэтому-то Ильенков, цитируя Гегеля, предлагает «*das Gute im*

Keim zu pflegen»², когда речь идет об обращении к наследию прошлого (Ильенков, 1991: 141—142). Развивая, усиливая тенденцию — то, что содержалось в мысли учителя потенциально, — ученик продолжает его мысль в своей собственной. Но если всё зависит от того, какой акцент мы поставим, какую тенденцию усилим, значит ли это, что развитие произвольно-контингентно? В наш просвещенный век можно подыскать основания для любого суждения, а «всё, что испорчено в мире, испорчено на хороших основаниях», ехидничает Гегель (Гегель, 1929: 212). Познание движется различием, однако все ли проявляемые потенции в равной мере принадлежат предмету, соответствуют его природе, его сущности? В полемике против преформизма можно, конечно, выбросить за борт необходимость (иначе, перефразируя классика, «если Бог есть — то всё позволено»), но это же означает отказаться от разумного постижения развития.

Видно, что это рассуждение достаточно выпукло очерчивает контуры проблемы, которая стоит в центре диалога Лифшица с Ильенковым. Это объяснимо, ведь проблема идеального (или свободы) в свойственной ему противоречивости и *есть* основной вопрос философии в его подлинной трактовке, что заметно отличается от набившего оскомину произвольного выбора между материей и сознанием, который предлагает «диамат». Выйти на этот вопрос необходимо, отправляясь от любой проблемной точки человеческого бытия. И в процессе осознания себя в этом пространстве противоречия мы вновь оживляем голоса давно ушедших людей, начиная мыслить вместе с ними.

Объективно ли идеальное?

Лифшиц, напомним, усматривает противоречие в мысли Ильенкова об идеальном. Кратко сформулировать его упрек можно так: объективность идеального

² (Уже) в зародыше заботиться о добре (Ильенков, 1991: 142).

не объективна, если укоренять ее в общественном сознании, в коллективной деятельности людей. И без понимания условий становления самой этой деятельности, которые эксплицитно формулируются Ильенковым, его позицию в самом деле можно принять за взгляд А. А. Богданова, у которого объективность мира фундирована «коллективно-организованным опытом» людей. «Богдановщина», как и позиция Ильенкова, в самом деле имеет основания в первом тезисе Маркса о Фейербахе: обе выражают стремление преодолеть созерцательность прежнего материализма и рассматривать природу как чувственную деятельность, субъективно. Но если Богданов в «Вере и науке»³ упрекал В. И. Ленина в религиозности мышления из-за признания последним абсолютной⁴ истины, то Ильенков подчеркивает, что объективные законы самой действительности отражаются в мышлении как законы логики. Отражение это происходит посредством человеческой деятельности, и «Логика есть поэтому не только всеобщая схема субъективной деятельности, творчески преобразующей природу, но одновременно и всеобщая схема изменения любого естественно-природного и социально-исторического материала, в котором эта деятельность выполняется и объективными требованиями которого она всегда связана» (Ильенков, 1974: 5). Изменять природу человек может *только по ее собственным законам*, противопоставляя себя ей как силу самой же природы. Взгляд Ильенкова поэтому вовсе не тождественен богдановскому, который в своей рецепции Э. Маха и Р. Авенариуса предвосхитил последовавшую в философии XX в. замену понятия *объективности* феноменологической *интерсубъективностью*. Причины, потребовавшие этой замены, здесь излагать возможности нет, но стоит

отметить, что в рамках рассматриваемого вопроса функции этих категорий идентичны: быть субстанцией укоренения восприятий для наделения их общезначимостью.

Для Ильенкова *всеобщее* таково вовсе не потому, что оно *всеобщественное*. Наоборот: то, что становится достоянием мировой культуры, сохраняется в ней именно потому, что обнаруживает собственные устойчиво-всеобщие определения. Идеальное, согласно Ильенкову, *объективно* вовсе не потому лишь, что оно не зависит от индивидуального сознания, а именно потому, что оно в самом точном смысле *присуще объекту*.

Но как мы понимаем *объективное*? Чаще всего как синоним чувственного, существующего независимо от субъективного. Но этого недостаточно. Можно даже предположить, что в корне непонимания мысли Ильенкова лежит отождествление идеального с тем, что недоступно чувству. Такое отождествление игнорирует всю развитую в классической философии (по меньшей мере с Парменида) проблематику отношения мысли к чувственному. По-своему строго этой логики (чувственное = материальное = объективное) придерживался Мах, который отказывался признавать существование атомов, потому что они недоступны наблюдению. Классически-философское понимание объективности подытожено и развернуто Гегелем, который, как известно, выявил три момента в этом понятии: во-первых, объективное в эмпирическом смысле, как то, что внешне познающему *лишь субъективному* сознанию; во-вторых, объективное в кантовском смысле как всеобщее и необходимое; в-третьих, объективное как суть самой вещи, т. е. то, что принадлежит ее понятию. Ильенков наследует именно такое, классическое понимание объективности, отмечая недостаточность привычно-эмпирического

³ Богданов А. «Вера и наука (о книге В. Ильина „Материализм и эмпириокритицизм“)». *Вопросы философии* 12 (1991): 39—88.

⁴ Для Ленина — синоним «объективной».

толкования: «Указание на то обстоятельство, что известная вещь и форма вещи существуют вне индивидуального сознания и не зависят от индивидуальной воли, еще вовсе не решает вопроса об их объективности в ее серьезном материалистическом смысле» (Ильенков, 2009: 35). Потому идеальное, по Ильенкову, есть не «идеальная копия» — у каждой цивилизации-де своя, — а *возникшая* в коллективном труде человечества (или *открытая* им) определенность «вещи-самой-по-себе», которую кантианцы объявили непознаваемой. Поэтому всякая попытка познания этой «пустой абстракции» объявляется ими и их идейными наследниками *метафизикой* — словом, которое у Канта еще не было ругательством. Так было с Фихте и Гегелем, так было в споре Ленина с махистами.

О наличии идеального в природе

В позиции Богданова абсолютизирован один из моментов мысли Ильенкова: «В природе самой по себе, в том числе в природе человека, как биологического существа, идеального нет» (Ильенков, 1974: 189). Именно это положение кажется Лифшицу сомнительным. Хотя Ильенков и подчеркивает, что человеческая практика, в лоне которой рождается идеальное, есть вовсе не «подражание всеобщей творческой силе мира, без которого деятельность становится бессмысленным самовыражением или бюрократической мертвечиной» (Арсланов, 2010: 241), а логически-необходимое продолжение этой силы, В. Г. Арсланов оказывается прав, когда замечает, что «отождествлять логизм бытия с человеческим мышлением» можно «только в идеале» (Арсланов, 2010: 243). Иными словами: что, если «подражания творческой силе мира» нет, и мысль выражает сама себя; что, если она оторвана от бытия? Что, если мы «убавим абстракцию» тождества мышления и бытия, которое Лифшиц у Ильенкова находит «слишком абстрактным», и созна-

ние замкнется в самом себе? (Арсланов, 2010: 245).

Именно из этих опасений вырастает позиция феноменологического марксизма, представители которого сознательно утверждают принципиальное нетождество сознания и бытия, в попытке спасти «специфику» обоих; отсюда же проистекает упрек Д. Лукачу в его толковании природы как «социальной категории». Если сознание принципиально не совпадает с бытием, то требование тотальности, высказанное Лукачем, конечно, будет мыслиться как замыкание в наличном общественном сознании, как игнорирование объективного мира, как коллективный солипсизм, не способный критически отнестись к себе и к миру. С этой точки зрения в самом деле нет разницы, говорим ли мы об общественном или индивидуальном сознании. Как уберечься от попадания в капкан сознания, который Ж. Бодрийяр осмыслит как симулякр и гиперреальность? Ведь всякая человеческая деятельность опосредствована сознанием. Потому и возникает попытка непосредственной опоры на реальность, примыкания к ней; например, в рецепции кантовской вещи-в-себе как «противоядия» против замыкания в тотальность, которая находит определенное развитие в работах феноменологических марксистов. Из требования возможности трансценденции следует мысль о том, что ум должен быть ограничен, что логика есть «не-всё», что природы есть принципиально не-человеческое, а эпистемическая парадигма Бытия должна быть заменена эпистемологией События. Как в самом марксизме, так и в мысли, противостоящей ему, эти сюжеты получают многообразное развитие. Но по какой бы причине мы ни отбрасывали принцип тождества мышления и бытия, результат будет один: так или иначе мы вынуждены будем пытаться «перескочить через гегелевскую традицию» (Арсланов, 2010: 218), и провести эту линию более последовательно, чем Ф. Шеллинг, мало кому удавалось.

Ильенков неспроста акцентирует диалектичность идеального: «Это то, чего нет и вместе с тем есть, то, что не существует в виде внешней, чувственно воспринимаемой вещи и вместе с тем существует *как деятельная способность человека*. Это бытие, которое, однако, равно небытию, или наличное бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта, в виде его внутреннего образа, потребности, побуждения и цели» (Ильенков, 1974: 192—193). Отмеченное Лифшицем противоречие есть противоречие самого идеального, и он совершенно точно его констатирует. Неправ он там, где пытается получить ответ на вопрос: так всё-таки *открывается* идеальное или *возникает*? Лифшиц видит труд как средство открытия, как «проводник» идеального в реальность, но не видит его творческой силы, которая идеальное *создает*⁵. Здесь необходимо акцентировать оба момента. Ни одна вещь, созданная в пределах человеческой культуры, не встречается в природе до и вне человека. Она создана именно *самим человеком*, но создана *исключительно* с опорой на законы природы. Самолет летает не потому, что человек отменил закон тяготения, а потому, что тяготению как силе природы он сумел противопоставить другую силу — подъемную, осуществив «хитрость разума». Человек *открывает* идеальное только потому, что он его *создает* — «очищая» логику самой действительности, выявляя всеобщее в его «беспримесной» форме как меру всякой природной определенности.

То, что еще не понято, не есть поэтому принципиально лишенное понятия, *das Begrifflose*. Эта мысль — лишь другими словами изложенная проблема наличия идеального в природе. Комментируя мысль Маркса

о действительности, стремящейся к мысли, Лифшиц апеллирует к «едва-едва разумному факту». В качестве такового может быть понят и тот самый «повод», который мыслитель дает, чтоб трактовать себя ошибочно. Непонятное еще само не доросло до адекватного наличного бытия, до своего устойчивого наличия и проявления, еще не обрело способ быть-познаваемым. Действительность стремится к мысли, и то, что в ней «мелькает» как *ideelle* («сущее в идее», «идейное»), должно стать реальным, и реальным именно *как* Идея. Это долженствование выражает собой разрыв, или, как выражается Лифшиц, «щель»: ведь если идеальное лишь *должно* стать реальным, то оно может им и не стать. И логически-верное положение о *необходимости явления* здесь будто бы не спасает: «теоретически» (т. е. логически), как выражался один из героев «Педагогической поэмы», «оно, конечно, верно, а вот практически...»

Между материальным и идеальным

На практике себя может реализовать многообразие различий, в котором «чистая форма» всё время будет «загорожена», «затемнена» накладывающимися друг на друга взаимодействиями; тем самым полагается произвол в расстановке акцентов, некоторое вечное «Ja, aber»⁶. Эта кажимость обуславливает, по-видимому, «теорию тождеств» Лифшица: решение проблемы, согласно ей, заключается в нахождении верного сочетания противоположностей, которое представляет собой истинное *Mitte*, опосредствование крайностей, в отличие от «грибулического» — непосредственного — их тождества, которое Гегель выражал очень образно-точным понятием *Zusammenbauen*. Но здесь атакующая

⁵ «Природа не мыслит, но только она может быть источником настоящего творчества. Дух — отчужденная от всего мира по необходимости область, но духом он становится тогда, когда благодаря труду голос обретает весь материальный мир», — пишет, комментируя мысль М. А. Лифшица, его ученик В. Г. Арсланов (Арсланов, 2010: 274).

⁶ «Да, но...» (нем.), частое выражение М. А. Лифшица в записях на полях книг из его библиотеки. — *Примеч. авт.*

Ильенкова и его единомышленников мысль Лифшица сама падает жертвой собственной диалектики: если необходимость выражает себя через поиск «щели» как чего-то среднего между полюсами, то это срединное, найденное усилием субъекта как третье по отношению к противоположностям, неизбежно оказывается привнесенным извне, а потому произвольным. Лифшиц отчетливо осознаёт шаткость оснований такой логики, когда критикует трактовку «деятельности» как *третьего* для материального и идеального, сравнивая ее с шишковидной железой Декарта. Эта критика направлена против субъективизма, но не больший ли субъективизм — предлагать решение в форме «поиска верного сочетания полюсов»? Логика диалектическая совершенно иначе трактует единство противоположностей: единое само раздваивает себя и, познавая себя в этой раздвоенности, возвращается к себе.

Думается, что различием между двумя типами тождеств Лифшиц хотел подчеркнуть различие, которое Гегель проводит между рассудочным и разумным умозаключениями и, следовательно, различием функции среднего члена в них: «Различия суть крайние члены, а середина — тождество, которое делает их в высшей степени едиными; умозаключение есть, следовательно, спекулятивное, которое в крайних членах склывается с самим собою, так как все термины проходят через все места. <...> Что же касается, напротив, умозаключения рассудка, то оно <...> не обладает такой серединой; каждое из различий признается здесь различным в собственной самостоятельной форме, обладающим свойственным ему определением, которое противоположно другому. <...> ...В умозаключении рассудка единство, которое в нем конституируется, *есть лишь единство признаваемых существенно различными*, которые таковыми и остаются, ибо здесь склывается некий субъект, некая определенность лишь с некоей другой опреде-

ленностью... <...> В умозаключении же разума главным в его спекулятивном содержании является тождество крайних терминов, заключающихся друг с другом, а это означает, что субъект, представленный в середине, есть какое-то содержание, не заключающееся с каким-то другим содержанием, а заключающееся посредством другого содержания и в другом содержании с самим собою» (Гегель, 1994: 175—176; выделено мной. — М. М.). В разумном умозаключении содержится «вся разумность идеи» (Гегель, 1994: 175), и содержится именно в *Mitte*, которое удерживает все многообразные определения. Иными словами, они предстают его, *Mitte*, моментами. Еще иначе: они сняты в нем, т. е. идеальны. В чем (хотя бы и потенциально) сняты абсолютно все определения? В мысли. Где она возникает в своей чистой форме? В предметно-преобразующей практике общественных индивидов.

Поэтому, согласно Ильенкову, очеловеченная природа не отгораживает человека от нечеловеческого мира, а, напротив, впервые открывает их друг другу. Во всё усложняющейся практике человечества предмет обнаруживает такие свои стороны, которые в естественно-природных условиях он не проявил бы. Эти новые качества не принадлежат, по видимости, собственной определенности предмета; в них представлены собой общественные силы человека, это «своеобразная печать, наложенная на вещество природы» человеком (Ильенков, 2009: 40). Но через эту несобственность — через заблуждение — нам дано истинное содержание вещи. Через снятие абстрактно-субъективной потребности в ней обнаруживается заинтересованность человека в натуральных, объективно-истинных характеристиках предмета, которые можно выразить только теоретической мыслью.

Мышление человека — высшая форма развития всеобщего

Лифшиц, видимо, трактует деятельность лишь как рассудочное *Mitte* — отсюда его требование гармоничного сочетания тождеств и попытка объяснить это сочетание через сомнительное понятие «щели» — и потому не схватывает эту саму-себя-упраздняющую двойственность, эту возвращающуюся к себе всеобщность как подлинное опосредствование. Из этой основы, как думается, и вырастает его недоумение относительно мысли Ильенкова. Ведь одной «стилизацией природных процессов», как формулирует это Лифшиц, дело не обходится, поскольку стилизация касается *внешней* стороны; достигается *подобие*, в то время как Ильенков, вслед за Гегелем, настаивает на *тождестве* мышления и бытия. Арсланов упрекает Ильенкова в том, что он не видит «созревания объективной логики в природе» (Арсланов, 2010: 243). Но логика не кефир и не пшеница: ей не нужно в природе «созревать». Она *представлена* в любом сколь угодно малом единичном факте *во всем своем объеме* именно потому, что через этот факт «просвечивает» всё целое, весь мир, вся природа. Это отлично понимает Ленин, предлагая начать изложение диалектики с «самого простого, обычного, массовидного», с листочка, который зелен, или с Жучки, которая есть собака: диалектика есть уже *здесь*, и *есть* в своей полноте. Да и Арсланов это замечательно видит, хотя выражает с помощью иного понятийного аппарата: «Есть какой-то зазор или щель в самой идеальной реальной соразмерности, и в эту щель проглядывает бесконечное содержание мира» (Арсланов, 2010: 292).

Но что *отражается* в деятельности человека, что она *открывает*, если в природе идеального нет? Лифшиц соглашается с Ильенковым в том, что идеальное есть форма существования всеобщего. Но всеобщего в строгом смысле без человека тоже нет. Это нетрудно понять даже на формально-логическом уровне: Спиноза ведь не зря замечает,

что мыслить субстанцию лишенной атрибута мышления — значит мыслить ее «несовершенно». Следовательно, если всеобщее — это наисовершеннейшее «общее всем», то *до* и *вне* человека всеобщего нет, поскольку сама природа (у Спинозы — синоним Бога или субстанции) без него еще не полна: она *лишь* природа (в механической, физической, химической, органической форме), не породившая собой дух, следовательно, не проявившая еще *вполне* свои потенции. Эта мысль не могла не быть понятна Лифшицу, ведь она хорошо выражена в словах его друга А. Платонова: «без меня народ неполный». А раз без человека в природе нет всеобщего, то нет и идеального: что и требовалось доказать.

Однако это доказательство опирается на важную предпосылку: утверждение, что без человека природа неполна, а с ним представляет собой тотальность. Это значит, что мы, во-первых, мыслим появление человека необходимым (мышление есть *атрибут*, а не *модус*); во-вторых, его появление оканчивается каким-то образом «завершающим» для природы. Но *как* и *чем* «дополняет» природе человек? Он «вносит» в нее лишь указанное Ильенковым «очищение» природных форм: разворачивает всеобщее для самого всеобщего. Но именно поэтому мышление человека есть последняя форма развития всеобщего, выше которой принципиально быть ничего не может: дальше некуда идти, достигнуто начало.

Это суждение, опять-таки, опирается на предпосылку: оно верно тогда и только тогда, когда мы утверждаем абсолютную силу разума. В противном случае над мышлением стоит нечто *принципиально* (а не просто в данный наличный момент) *непознаваемое*. Чаще всего это непостижимое называют Богом. Потому-то для Гегеля утверждение чистого мышления как высшего способа духа оказывается фундаментально значимым: исчерпывающее постижение его определений, представленное в «Науке

логики», оказывается — ни больше, ни меньше — логическим доказательством бытия Бога⁷, а значит — утверждением абсолютной силы человеческого разума, который может собой выразить (*представить* собой) абсолютное содержание, альфу и омегу всякого иного содержания. И именно это знание есть *абсолютное* — поскольку оно есть знание самого Абсолюта.

Лифшиц, хотя и критиковал *gottlosen Marxismus*, вряд ли согласился бы признать бытие Бога. При этом он скорее склоняется к тому, что сущее не разделить на разум без остатка: «Мы не можем охватить бесконечного», — пишет он на полях книги Гёте (Арсланов, 2010: 292). Этим он ограничивает человеческий разум: «Не всё можно сделать даже в уме», — утверждает он (Арсланов, 2010: 232). Но, повторим, основной посыл гегелевского *абсолютного идеализма*, который полностью перешел в мысль Маркса и Энгельса, заключается именно в утверждении безграничности, всемогущества человеческого разума. Иными словами, в доказательстве утверждения, что «всё есть мысль», заключается демонстрация того, что она может представить собой абсолютное содержание действительности, и потому она — абсолютная форма; так деньги представляют собой весь мир товаров, который находит в золоте свое отражение.

Становление понимающей мысли — необходимость или случайность?

Альфой и омегой, началом — или концом — выступает *абсолютная творческая способность*, выраженная в «Науке логики» в чистых всеобщих определениях. Человек в мировом процессе истины проделывает то же, что Гегель в истории философии: оглядывается назад и понимает весь процесс как единый и закономерный, пришедший к своему «концу» потому, что он пришел к сво-

ему началу. И как Гегель кладет в основание мысленной разработки природы и общества чистую логическую форму и тем самым обнаруживает возможности их бесконечно-творческого изменения в направлении идеала, так человек, действуя со-знанием дела, преобразует природу в направлении ее, природы, внутреннего закона, сути, одним словом — понятия. В этом процессе развивается не природа (как отдельная *до* и *вне* человека мыслимая), а само всеобщее. И потому-то Гегель отказывает природе в подлинном развитии, что истинно-идеальное (как тождество *ideelle* и *ideale*⁸) не лежит в основании ее изменений. Творчество природы не есть подлинное творчество — в отличие от сознательно-преобразовательной деятельности человека, которая в идеале направлена на универсальное развитие *каждого*, и именно потому, что личность есть предельно-концентрированная форма выражения абсолютной творческой способности самой действительности. Лифшиц сказал бы: человек есть классическая форма бытия.

В этом пункте, однако, его позиция оказывается двойственной и явно тяготеет к «линии Шеллинга»: оговаривая всячески, что человек есть продолжение природы, ее средоточие и классическая форма, он ищет «щель» между целым и частью, между космосом и человеком; признавая единство сознания и бытия, он всё же предполагает их «существенно различными», не вполне освобождаясь от эмпирического наследия марксистской «теории отражения» (Арсланов, 2010: 274, 292, 323).

Для Гегеля, Маркса и Энгельса становление понимающей мысли есть процесс необходимый. Лифшиц же формулирует условия иначе: «Нужно иметь счастье — возможность примкнуть к истинному бытию, стать его органом. <...> Как происходит превращение субстанции в субъект? Ее объективная

⁷ Этот тезис в своей статье подробно раскрывает Г. В. Лобастов (Лобастов, 2020).

⁸ См. (Лобастов, 2017: 144—149).

возможность, посредство нашего мозга etc., дальнейшая субъективизация ее. Стул — не мыслит, но это объект, в котором природа уже субъективизирована во второй степени» (Арсланов, 2010: 232). Здесь очень заметен шеллингианский мотив первичности возможности над действительностью, ее потенцирования, который утвердился в философии XX в. ознаменованием перехода от Бытия к Событию. «Примыкание к бытию» мыслится как счастье, возможность. Это можно спутать с позицией Гегеля о развитии бытия от возможности (*an sich*) к действительности (*für sich*). И Лифшиц путает: «Странно, удивительно — почему это мы люди и являемся центром вселенной. Не чванство ли? В чем были немного односторонни и Бруно и просветители — надо понять, что мы мыслим в результате развития этого столь относительного мира, но раз мы мыслим, то уже нечего удивляться абсолютности нашего мышления. То же и с отдельным человеком — то, что я понимаю, мыслю, делает меня, каждое я, центром мира — самый факт этого есть результат удивительного, квазичудесного совпадения обстоятельств, отбора, развития. Но раз уже это чудо свершилось — мы сознание его, голос его. Надо питать уважение к этому голосу абсолютного. Наверно, Гегель хотел сказать что-то в этом роде» (Арсланов, 2010: 234).

Но действительная позиция Гегеля иная. Чудо (или мистическое) для него — лишь иное название спекулятивного (Гегель, 1929: 141—142). И если появление мыслящей души из природы — чудо, то стоит признать, перефразируя классика, что природа лишь потому не совершает чудес, что вся состоит из чудес. Каждый прерыв постепенности, диалектический скачок — это, с позиции рассудка, чудо. Здесь Гегель жмет руку Дидро: появление живого из неживого, разумного из неразумного есть чудо более удивительное, чем все чудеса Евангелия, потому, что его можно вполне разумно понять. Экспли-

цированный мыслью образ этого процесса понятия и есть содержание гегелевской Системы наук, цель которой заключается именно в демонстрации логической необходимости становления духа из природы, которая сама есть процесс претворения «объективного логизма бытия», как выражался Лифшиц. Этот процесс — «консервация обобщенного» — наличен уже в неживой природе: «Не является ли таким обобщением, консервированным в качестве круга на стволе, вся механическая, мертвая материя? Раковина живого?» (Арсланов, 2010: 318). И в этом процессе обобщения природа идет к своему началу; движение ко всеобщему, в котором всё более и более отчетливо выражена его сущность, есть процесс развития, возникновения нового. Всеобщее само определяет себя к этому самоснятию через формирование единичного и особенного. Всеобщее в этом отпадении усваивает себя как чистую форму — в эмпирическом отношении самую бессодержательную — и в логическом движении чистой стихии мышления снимается в непосредственности: «Осознание старого есть уже новое, старое потому и отходит в область истории, что оно было вполне осознано» (Энгельс, 1970: 224). Природа «обобщает» и «осознаёт» себя в процессе развития уже до человека — но как «окаменевший интеллект», «окаменевшим» же образом (*Weise*). Так следует понимать и «порождение природы» у Гегеля, которое доставляет немало хлопот его комментаторам. Суть же проста: никакого «порождения природы из логики» у Гегеля нет; природа как «бытие идеи в форме внешности» и *есть сама идея*, что означает *непосредственную* выраженность идеального в природном бытии. Иначе говоря, никакого другого содержания, кроме содержания природы и духа, абсолютная идея не имеет.

В «окаменевшем» (т. е. непосредственном) способе бытия идеального в природе заключается и ответ на очень точно

поставленный вопрос: «Когда мы обрабатываем предмет, то вкладываем в него свою идею, которая в нашей трудовой практике опредмечивается. *А откуда же берется эта идея?* Из инстинктивной первоначальной, полубессознательной трудовой практики — отвечает марксистская деятельностная теория. Или — из интерсубъективной деятельности людей, в их взаимодействии между собой. <...> В первом случае перед нами снова апория — курица и яйцо, а во втором — еще хуже, сознание оказывается просто продуктом коллективности, и потому никак не может выйти за пределы коллективного солипсизма неокантианского толка» (Арсланов, 2010: 225; выделено мной. — М. М.).

Заключение

Откуда берется идея? А она *ниоткуда не берется*, потому что всегда-уже *есть*. В своем начале природа более всего абстрактна (бедна определениями) и поэтому сходна как раз с *голой* идеей, как она определила себя в абстрактной стихии мышления. «Объективный логизм» бытия проявляет себя в непосредственной определенности природной реальности: непосредственное синкретично — содержит собственную противоположность в-себе (*an sich*) и в самом себе (*in sich selbst*). Отражение объективно-идеального происходит, разумеется, и тут — но в какой форме? Идеальное здесь *непосредственно* есть реальное в качестве *способа бытия вещей природы или* (это одно и то же) *способа их связи между собой*, разрыва между ними нет, и эта «натуральная логика» вовсе не означает, что всё реальное лишь мыслится чьей-то головой: «...<говоря о мышлении>, мы не должны представлять себе субъективную мысль, <обычно> нам тотчас же приходит в голову наше мышление, как оно существует, в сознании. Здесь же, напротив, подразумевается совершенно объективная мысль, деятельный ум, как, например, ко-

гда мы говорим, что есть *разум в мире*, или, когда мы говорим о представляющих собою всеобщее *родовых сущностях* в природе. Род „животное“ есть *субстанциальное* в собаке; сама она есть животное; законы природы суть сами ее имманентная сущность» (Гегель, 1993: 328). Вмятина на камне *представляет* собой другой камень — и потому она есть способ, которым первый камень *снимает* его в самом себе как момент, т. е. другой камень есть в первом *ideelle*. Но вмятина *представляет* собой другой камень именно как *этот* камень, как единичный. Отличие такого представления от идеального в точном смысле (как тождества *ideelle* и *ideale*) заключается в уточнении Ильенкова: один предмет в человеческой деятельности выступает в роли представителя «*всеобщей природы* <...> *другого объекта*, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта, остающейся инвариантной во всех его изменениях, во всех его эмпирически-очевидных вариациях» (Ильенков, 2009: 12). Именно это объективное представление, бытующее уже в природе, старается выразить Ленин, говоря о свойстве материи, сходной с ощущением. При этом даже через единичный камень «просвечивает» весь мир. Только вся природа в целом обладает мышлением как неотъемлемым атрибутом: здесь всеобщее, выраженное в непосредственно-реальной форме, совпадает с тотальностью эмпирического, как формулирует Гегель. Это подчеркивает и Ильенков в конце второго очерка «Диалектической логики», и его «поправка» к позиции Спинозы носит не столько историко-философский, сколько логический характер. Человек в своей предметно-преобразующей деятельности доводит природно-объективное представление до чистой формы, ставя вещи в новые положения, открывая новые отношения между ними, в которые в природе до человека они никогда бы не вступили «по своей воле», естественным образом. В силу известных условий идеальное

объективно обособляется при разделении труда и в этом процессе наделяется самостоятельностью (*Verselbständigung*) самими людьми — начинается разворачивание определенных процесса отчуждения. В этом обособлении, в различении (*distinguo*) идеальное только и может осознаваться *как* идеальное, первоначально — в мифологической форме.

Арсланов совершенно прав, утверждая: «Вся духовная сфера, сфера культуры развивается *благодаря* обособлению, отпадению от материального процесса природы, но она духовна лишь в той степени, в какой есть способ движения материальной вселенной к самой себе» (Арсланов, 2010: 244). Но отсюда отнюдь не следует, что мы должны допустить бытующее в природе идеальное, под которое человек лишь «стилизует» предметы своего труда. Так поступает формальный логик, не способный осмыслить возникновение, качественное превращение, диалектический скачок, прерыв постепенности. Мы тем самым отнимем у природы одно из ее «совершенств» — возможность породить из себя нечто противоположное себе. Напротив, идеальное появляется там, где материальное/природное исчерпало себя: человек постольку есть самое материальное «творение» природы, поскольку удерживает в себе всё богатство ее определений. Потому-то он и может противопоставить своему сознанию природу в рамках основного вопроса философии. Именно из-за того, что он *исполнен* природных определений, эти формы «переливаются через край»: возникает идеальное. В человеке природа раскрыла все свои потенции и потому сняла себя *как* природу. Потому и реализуется в эволюционном процессе появления гоминидов механизм ослабления приспособляемости, закрепляемой генети-

чески. Природа завершена там, где родился дух.

Лифшиц очень глубоко размышляет о законченности и незаконченности, приводя в пример *non finite* Микеланджело (Лифшиц, 1985: 192). Но при этом он по какой-то причине не видит, что «завершенность» гегелевской системы оборачивается ее *принципиальной открытостью* бытию. Это, как представляется, выступает решением той проблемы, которую С. Жижек в своих многочисленных книгах и выступлениях ставит на примере заблуждения действующих от имени исторической необходимости. Мысль, чтобы представить себя в своей чистоте, чтобы замкнуться в своей тотальности (то, чего опасаются и Лифшиц, и Т. Адорно), обязана удерживать и выразить собой абсолютное содержание действительности. В ином случае ей буквально некуда деться: ее нет без предмета, но предметом может выступать либо бытие, либо она сама. Если между бытием и мыслью есть некое подобие, если она что-то отражает, то в подобии или отражении как их собственный момент так или иначе оказывается заключено *тождество*, и попытки избежать его осмысления будут лишь словесной уловкой. Если же мышление мыслит саму мысль, то необходимо дать полную экспликацию определений, которые не только вводят познающее сознание в это пространство (что Гегель демонстрирует в «Феноменологии духа»), но и исчерпывают его («Наука логики» и «Энциклопедия»). И мысль, как показывает Гегель, в этом движении заключает себя в бытие, как в пределы: она исходит из бытия, равного ничто, приходит к полноте бытия в абсолютной идее и снимает эту полноту в чистой непосредственности «перехода в природу», а точнее, в абсолютно-свободной деятельности самоопредмечивания.

Список литературы и источников / References

- Арсланов В. Г., ред. *Михаил Александрович Лифшиц*. М.: РОССПЭН, 2010. 463 с.
Arslanov V. G., ed. *Mikhail Aleksandrovich Lifshits*. Moscow: ROSSPEN, 2010. 463 p. (In Russian).
- Гегель Г. В. Ф. *Лекции по истории философии*. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 349 с.
Hegel G. W. F. *Lectures on the History of Philosophy*. Vol. 1. Transl. E. S. Haldane. N. p.: Classical Prints, 2022. 408 p.
- Гегель Г. В. Ф. *Лекции по истории философии*. Кн. 2. СПб.: Наука, 1994. 425 с.
Hegel G. W. F. *Lectures on the History of Philosophy*. Repr. of 1894 ed. Vol. 2. Transl. E. S. Haldane, F. H. Simson. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1983. 453 p.
- Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 524 с.
Hegel G. W. F. *Philosophy of Right*. Transl. with notes by T. M. Knox. Oxford: Oxford Up, 1967. 400 p.
- Гегель Г. В. Ф. *Энциклопедия философских наук*. Ч. 1. *Наука логики*. Гегель. *Сочинения*: в 14 т. Т. 1. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. СIII, 367 с.
Hegel G. W. F. *Science of Logic*. Pt. 1 of *Encyclopedia of the Philosophical Sciences in Basic Outline*. By Hegel. Eds K. Brinkmann, D. O. Dahlstrom. Cambridge, MA: Cambridge Up, 2015. 380 p. Cambridge Hegel Translations.
- Ильенков Э. В. «Диалектика идеального». *Логос* 1 (2009): 6—62. EDN: TJIGYX.
Ilyenkov E. V. “Dialectics of the Ideal”. *Logos* 1 (69) (2009): 6—62. (In Russian).
- Ильенков Э. В. *Диалектическая логика. Очерки истории и теории*. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
Ilyenkov E. V. *Dialectical Logic. Studies in History and Theory*. Moscow: Politizdat, 1974. 271 p. (In Russian).
- Ильенков Э. В. *Философия и культура*. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
Ilyenkov E. V. *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p. (In Russian).
- Лифшиц М. А. *В мире эстетики*: статьи 1969—1981 гг. М.: Изобразительное искусство, 1985. 322 с.
Lifshits M. A. *In the World of Esthetics: papers of the years 1969 to 1981*. Moscow: Izobrazitel'noye iskustvo, 1985. 322 p. (In Russian).
- Лобастов Г. В. *Идеальное. Образ. Знак*. М.: Русская панорама, 2017. 232 с.
Lobastov G. V. *The Ideal. The Image. The Sign*. Moscow: Russkaya panorama, 2017. 232 p. (In Russian).
- Лобастов Г. В. «Логика понятия в философии Гегеля (к материалистической апологии гегелевской философии)». *Вопросы философии* 8 (2020): 181—192. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-181-192>. EDN: HLQHYN.
Lobastov G. V. “The Logic of Concept in Hegel’s Philosophy (to the Materialistic Apology of Hegelian Philosophy)”. *Voprosy Filosofii* 8 (2020): 181—192. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-181-192>
- Мареев С. Н., Мареева Е. В., Арсланов В. Г. *Философия XX века (истоки и итоги)*: учеб. пособие. М.: Академический проект, 2020. 464 с. Gaudeamus.
Mareyev S. N., Mareyeva E. V., Arslanov V. G. *20th Century Philosophy (Origins and Overall Results)*: study guide. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2020. 464 p. (In Russian). Gaudeamus.
- Маркс К. «Письма из „Deutsch-Französische Jahrbücher“». Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. 371—381.
Marx K. “Letters from the *Deutsch-Französische Jahrbücher*”. *Collected Works*. By K. Marx, F. Engels. Vol. 3. London: Lawrence & Wishart, 2010. 133—145.
- Морозов М. Ю. «Проблема идеального и социальный солипсизм: к диалогу Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица (ч. 1)». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 3 (43) (2024): 154—163. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-154-163>. EDN: ZXAREN.

Morozov M. Yu. “The Problem of the Ideal and Social Solipsism: Towards a Dialogue between E. V. Ilyenkov and M. A. Lifshitz (pt. 1)”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 154—163. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-154-163>

Энгельс Ф. «Шеллинг и откровение». Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 41. М.: Политиздат, 1970. 173—226.

Engels F. “Schelling and Revelation”. *Collected Works*. By K. Marx, F. Engels. Vol. 2. London: Lawrence & Wishart, 2010. 189—240.

Информация об авторе

Морозов Максим Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Общеакадемического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, 119606, Москва, пр. Вернадского, 84, корп. 3); участник Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247-30), maxdiscovery@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9772-642X. SPIN-код: 3326-2506.

Information about the author

Maxim Yu. Morozov — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Philosophy Department of the All-Academic Faculty, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 119606, Moscow, Vernadsky ave., 84, bldg. 3); member of the Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture” (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, 247-30), maxdiscovery@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9772-642X. SPIN code: 3326-2506.

Статья поступила в редакцию 08.05.2025, одобрена после рецензирования 27.05.2025.

The article was submitted 08.05.2025, approved after reviewing 27.05.2025.

Философия гибридных войн: онтологические аспекты

А. И. Пирогов¹✉, Т. В. Растимешина^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

² Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

✉ aipirogov2013@gmail.com

Аннотация. Проведен краткий анализ феномена гибридной войны, сложившихся военно-теоретических и политико-идеологических подходов к ее сущности. Подчеркивается, что гибридная война носит комбинированный характер и является новым инструментом современного межгосударственного противоборства. Особо выделяется сетевой характер гибридной войны, направленный на военно-экономическое изматывание противника, в связи с чем ее информационная составляющая становится стержневым элементом, милитаризуя всё информационное пространство. Резюмируется, что сторонники гибридных войн делают ставку на деструктивные процессы, ведущие к социально-политическим кризисам, взлому государства изнутри, сепаратизму, утрате государственного суверенитета.

Ключевые слова: гибридная война, гибридные угрозы, военные конфликты, информационная война, международные отношения

Для цитирования: Пирогов А. И., Растимешина Т. В. «Философия гибридных войн: онтологические аспекты». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 94–107. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-94-107> EDN: SCHEVG.

The philosophy of hybrid warfare: Ontological aspects

A. I. Pirogov¹✉, T. V. Rastimeshina^{1, 2}

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

² Russian State Social University, Moscow, Russia

✉ aipirogov2013@gmail.com

Abstract. A brief analysis of the phenomenon of hybrid war and the existing military-theoretical and political-ideological approaches to its essence is carried out. It is emphasized that hybrid war has a combined character and is a new instrument of modern interstate confrontation. The network character of hybrid war is particularly highlighted, aimed at military and economic exhaustion of the enemy, in connection with which its information component becomes a core element, militarizing the entire information space. It has been summarized that supporters of hybrid warfare rely on destructive processes leading to socio-political crises, hacking of the state from within, separatism, and loss of state sovereignty.

Keywords: hybrid war, hybrid threats, military conflicts, information war, international relations

For citation: Pirogov A. I., Rastimeshina T. V. "The Philosophy of Hybrid Warfare: Ontological Aspects". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.2 (2025): 94–107. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-94-107>

Введение

В течение многих столетий формы, методы и средства ведения войн и военных конфликтов опирались на военную мощь государства. Мы живем в цифровую эпоху, которая во многом изменила жизнь современного общества. В наше сознание вошли и стали обыденными такие понятия, как «информационное противоборство», «информационное оружие», «информационная война», «кибервойна», «гибридная война» и многие другие, обозначающие объекты и процессы, которые весьма активно используются в новых дискурсах и нарративах социальных наук. Новые типы военных противостояний привели к значительной диверсификации угроз для всех государств и народов, национальной и международной безопасно-

сти и повлекли за собой глубокие изменения дизайна военной безопасности современного миропорядка. Особую значимость в этом отношении приобрели гибридные войны, позволяющие их инициаторам вести агрессивные действия и одновременно быть в стороне от последствий, оставаясь «неактивными» игроками.

При обращении к понятию «гибридная война» следует подчеркнуть, что обозначаемый им феномен не является новым в истории войн и военных конфликтов: любая угроза национальной или международной безопасности принимает характер гибридной, если кроме военных действий применяются и другие методы достижения политических целей. Тем не менее, как отмечает Н. И. Харитоновна, «термин „гибридная

война“ лишь проходит путь к полноценному включению в научный дискурс, а присутствие этого термина в документах стратегического планирования современных государств носит ограниченный характер» (Харитонов, 2024: 2: 28) (подробнее см.: Ковалев, 2024а; Ковалев, 2024б; Ковалев, 2024с; Сазонова, 2017; Дерешко, 2016; Цыганков и др., 2015).

Понятие гибридной войны — редкий термин, в котором сопрягаются три уровня научной рефлексии: уровень факта / явления (онтологический), уровень рефлексии (научной интерпретации) и уровень риторики (политики). Иными словами, хотя концепция гибридной войны уходит корнями в самую суть политических событий (Agon, 1969), и научная рефлексия, и язык научного описания, и риторика пронизаны политическими и идеологическими нарративами. Таким образом, гибридная война — явление политической реальности, понятие и термин общественных и философских наук и часть политической и военной риторики. Это положение дел размывает границы философского и научных дискурсов: часть авторов рассматривают проблему с теоретических позиций (Гапич, Лушников, 2014; Чварков, Лихоносов, 2017), тогда как иные акцентируют политико-прикладные и военные аспекты проблемы (Гареев, 2008; Чекинов, Богданов, 2013; Фридман, 2016).

Междисциплинарность в случае с рассмотрением гибридной войны превращается в трансдисциплинарность: в дискуссиях, которые заявляются как научно-практические конференции и круглые столы, принимают участие и высказываются не только представители академического сообщества, политики, военные (нередко отставные), но и журналисты, военные аналитики, политические

комментаторы, колумнисты. В период с 1 января 2014 г. по 30 июня 2019 г. термин «гибридная война» упоминался в 221 публикации в центральной прессе, в военных периодических изданиях (83 журнала) — в 56 статьях. С начала дискуссии о природе и сущности гибридных войн наиболее активным автором, высказывающимся по этой проблеме на русском языке, является А. Бартош, который с 2015 г. опубликовал более 130 научных статей, монографий и учебников по теме гибридных войн¹. Активность этого исследователя отчасти привела к тому, что проблемное поле оказалось практически залито его идеями и концептами, а исследовательская оптика настроена и парадигма смещена в сторону теорий безопасности.

В силу трансдисциплинарности исследовательских подходов, смещения парадигм, слияния научной и публичной риторики, хотя и имеются явные различия в акцентах и даже в используемой терминологии, в дебатах есть определенная синергия: аналитические аспекты концепции замещаются политической риторикой, с пониманием гибридной войны как «скрытого конфликта, обладающего сложной внутренней структурой, протекающего в виде интегрированного военно-политического, финансово-экономического, информационного и культурно-мировоззренческого противостояния, не имеющего определенного статуса»². Эта понятийная и методологическая неопределенность обуславливает актуальность нашего исследования. В качестве не методологической рамки, но методологической опоры для нас выступают труды классиков общественной науки (Маркс, Энгельс, 1955), составляющих в своей совокупности базис теории государства как института легального насилия, в первую очередь, Т. Гоббса (Гоббс, 2001; Гоббс, 1989).

¹ https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=772106

² Бартош А. А. «Гибридная война — переход от неудач к победе». *Независимое военное обозрение* 01 июня 2018 г. <https://nvo.ng.ru/nvo/2018-06-01/1_998_hybrid.html>.

Наша гипотеза заключается в том, что несмотря на активность публичной дискуссии по поводу трансформации и гибридизации форм, целей и средств военных конфликтов, философские (в частности, онтологические и этические) аспекты информационной войны находятся на периферии публичных дискурсов. Соответственно, русскоязычное теоретическое пространство имеет пробелы в самом центре — в том центре, в котором должно быть определено, чем в бытийном — онтологическом — смысле является гибридная война. Приведенная нами дефиниция, артикулированная А. Бартошем в статье «Стратегия и контрстратегия гибридной войны» (Бартош, 2018), изобилует как смыслами, так и контрсмыслами, поэтому не только не вносит ясности, но и не подлежит критическому осмыслению.

Статья представляет собой теоретический обзор.

Гибридная война: онтологические аспекты

На наш взгляд, генезис гибридных войн самым непосредственным образом связан с появлением и осмыслением на теоретическом и политическом уровне оружия массового поражения и онтологической угрозы небытия мира и цивилизации вследствие эскалации конфликтов и перехода политических конфликтов в военную плоскость. В условиях, когда субъекты политического бытия стремятся к сохранению и наращиванию своего присутствия в глобальной политике, с одной стороны (это стремление детерминирует необходимость присутствия и в глобальных конфликтах, и в процессах обеспечения мировой, региональной и локальной военной безопасности), при этом, с другой стороны, растет ответственность и разрастаются угрозы разворачивания третьей мировой войны с применением некон-

венциональных и экзистенциальных видов вооружения, — возникает видимое противоречие между необходимостью реализации национальных интересов через присутствие государства в глобальной политике и угрозой присутствия (из-за его сопровождения рисками ядерной войны). Соответственно, сначала мировые сверхдержавы, затем другие глобальные и региональные игроки стали применять другие — нетрадиционные — средства ведения войн, т. е. продолжения политики иными (не дипломатическими) средствами. Таким образом, первым ключевым фактором гибридизации войн стало появление экзистенциальных видов вооружений и экзистенциальных угроз. Поэтому природа гибридной войны — как ни парадоксально — напрямую связана с необходимостью разрешать конфликты нетрадиционными способами с целью минимизировать потенциальные риски разворачивания традиционной войны.

Вторым ключевым фактором, который определяет онтологию гибридной войны, стал глобальный рост цены и ценности человеческой жизни, глобальный рост штрафов за насилие (выразившийся в развитии норм международного права в сторону устрожения санкций для агрессора за неконвенциональные и даже конвенциональные формы насилия), а также глобальной этики, которая постепенно исключила из этики военных конфликтов доктрину «цель оправдывает средства», а доктрина малого зла ради предотвращения большого зла подверглась существенному пересмотру и трансформации с позиций гуманизма и постгуманизма.

Первые исследования в этой области связаны с именем теоретика войны, создателя термина «мятежевойна» и визионера Е. Э. Месснера³ (Месснер, 2004), который

³ Опираясь на исследования Е. Э. Месснера, военные эксперты на Западе стремятся представить созданные в США механизмы «гибридной войны» как «изобретение» русских, что позволяет им перекладывать на Россию ответственность за глобальную и региональную безопасность и повсеместно представлять российское государство в качестве «агрессора» и «угрозы» существующему мировому порядку.

еще в 1950—1960-е гг. стремился привлечь внимание исследователей к тому, что «создалась новая форма вооруженных конфликтов, которую назовем *мятежевойной*, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения»⁴. Месснер утверждал: «Этот новый феномен подлежит рассмотрению с разных точек зрения и в первую очередь с психологической: если в войнах классического типа психология постоянных армий имела большое значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войск и воюющих народных движений психологические факторы стали доминирующими. Народное войско — психологический организм, народное движение — сугубо психологическое явление. Война войск и народных движений — *мятежевойна* — психологическая война»⁵. Месснер также отмечал: «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. <...> В будущей войне <...> воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента рождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением...»⁴. Месснер предсказал появление новых средств ведения войны (баллистических ракет и противоракетной обороны), новых форм войн (мятежей) и конфликтов: этнополитических, радикально-религиозных, племенных, «беспринципных» (террористических), а также новых активных форм участия в них (прокси, ответственное наемничество и др.).

Вместе с тем научная и философская рефлексия этих процессов разворачивается только тогда, когда все игроки «большой шахматной игры» уже применили гибри-

дные формы и инструменты участия в политических конфликтах всех уровней. Основателями теории гибридной войны обычно считают американский военный Дж. Мэттиса и Ф. Хоффмана⁶, которые в начале XXI в. характеризовали ее как тактику конвенционального и неконвенционального ведения боевых действий и определяли как «агрессии, которые включают полный спектр разных способов ведения военных действий, в том числе использование конвенциональных вооружений, неконвенциональной тактики и нерегулярных сил, террористических действий с применением недискриминирующего насилия и принуждения, беспорядков, инициированных преступными элементами, применяемые обеими сторонами и разными негосударственными игроками» (Hoffman, 2007: 8).

В этом определении, ставшем классическим, нет важного аспекта, без которого сущность гибридной войны не может быть прояснена. Отсутствует отмеченная Е. Э. Месснером особенность, отличающая гибриды от традиционной войны: государство в новой войне, *не отказываясь* от монополии на легальное насилие, тем не менее активизирует новых *операторов* насилия: командос, партизанские отряды, оппозиционные группировки, террористические организации и прочих прокси-актеров, которые могут оставаться под оперативным контролем государства или выходить из него. В определенном смысле гибридизация (и это хорошо иллюстрируют конфликты на Ближнем Востоке: в Сирии, Ливане, Персидском заливе, секторе Газа) — это прогресс в средствах при регрессе в природе и сущности войны (имея в виду возвращение войны как насилия всех против всех).

⁴ Месснер Е. «Мятежевойна». *Независимое военное обозрение* 05 ноября 1999 г. <https://nvo.ng.ru/history/1999-11-05/7_rebelwar.html>.

⁵ *Российский военный сборник*. [Ред. А. Е. Савинкин]. Вып. 21. *Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера*. [Сост. И. В. Домнин]. М.: ГА ВС, 2005. 99.

⁶ Генерал-лейтенант Джеймс Н. Мэттис, Корпус морской пехоты США, и подполковник Фрэнк Хоффман, резервист Корпуса морской пехоты США (в отставке).

В то же время статья Дж. Мэттиса и Ф. Хоффмана «Война будущего: Зарождение гибридных войн» начинается с рассуждения о том, что изменились формы, но не природа войны. Авторы отмечают: «Наше увлечение РВД и преобразованиями снова изменилось под воздействием непреходящего урока истории о преобладающей роли человеческого измерения в войне. Наше увлечение технологиями было отражением нашего собственного зеркального отображения и нереалистичного желания диктовать ведение войны на наших собственных условиях. Недавние конфликты подчеркивают необходимость всегда помнить, что враг — это человек, способный мыслить творчески. По сути, у него есть голос в конкурентном процессе, который мы знаем как войну, и он не обязан играть по нашим правилам. Конечно, в ведении войны происходят как революционные, так и эволюционные изменения. Социальные, политические и технологические силы могут влиять на характер конфликта. Но они не меняют — и не могут изменить — его фундаментальную природу»⁷. Иными словами, военные подчеркивают антропную природу и антропный принцип любого военного конфликта.

В исследованиях западных ученых, в частности Дж. Уизера, отмечается: «Дефинирование гибридной войны не есть всего лишь академическое занятие. То, как определено это понятие, может определить, как государства воспринимают и как реагируют на гибридные угрозы, а также, какие государственные ведомства принимают участие в противодействии им» (Уизер, 2016: 15.2: 85). Действительно, западные исследования чуть в меньшей степени, чем российские, но всё же склонны к тому, чтобы смешивать философский и публично-политический нарративы.

Многие исследователи отмечают появление в новом типе войн субъектов, применяющих военное насилие. К примеру, военный историк П. Мансур видит в ней «конфликт, подразумевающий сочетание конвенциональных военных и нерегулярных сил (партизан, повстанцев и террористов), которые могут быть государственными или негосударственными акторами, действующими во имя достижения общей политической цели» (Mansoor, 2012: 2). Такое определение гибридной войны обнаруживает и высвечивает, что новые операторы насилия стремятся к интеграции конвенциональных и неконвенциональных инструментов и способов ведения войны, включая обширный спектр невоенных действий противоборствующих сторон (в частности, информационное насилие) даже при отсутствии угрозы использования насилия в его традиционных летальных формах. В то же время это определение трудно отнести и к военной теории (ввиду очевидной дескриптивности), и к философии.

Китайские исследователи называют гибридную войну «неограниченной войной», в которой нет никаких правил и запретов (Liang, Xiangsui, 2015). Этот подход отражает два важных аспекта природы гибридной войны: во-первых, стремление акторов международного права уклониться от той ответственности, которая ими самими была имплементирована в международные договоры, конвенции, решения международных судов и трибуналов; во-вторых, новый способ уклонения от юридической ответственности — создание прокси-акторов, распределение и демонополизация насилия в пользу субъектов, не являющихся субъектами международного права. Всё это приводит к тому, что прокси-акторы действуют в обход гуманитарных норм и стандартов, причем признание хоть и менее витальных, но более

⁷ Mattis J. N., Hoffman F. "Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars". *USNI Proceedings* 131 (2005): n. pag. Web. 8 July 2005. <<https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars>>.

изошренных (в том числе дискриминирующих) форм насилия характеризует гибридную войну как инновационную, тогда как демонополизация насилия с применением его всеми против всех указывает на то, что гибридные войны архаичны и истончают ткань гуманитарной правовой рамки цивилизации.

Таким образом, большинство исследователей сходится во мнении, что понятие «гибридная война» — достаточно широкое, объединяющее в себе не только военные, но и правовые, информационные, социально-психологические и иные составляющие и являющее собой специфический вид «войны четвертого поколения» — более высокотехнологичной и разнообразной, с точки зрения операторов, форм и инструментов насилия.

Углубленное изучение проблем теории гибридной войны в России началось относительно недавно⁸. Значительный вклад в современную трактовку гибридной войны внесли российские ученые Р. В. Арзуманян, А. А. Бартош, Н. С. Данюк, А. Г. Дугин, Д. А. Егорченков, А. В. Манойло, Ю. Ю. Першин, И. Н. Панарин, П. А. Цыганков и мн. др. В их работах осуществлен подробный концептуальный анализ гибридной войны и гибридных угроз как исключительно значимого вида современного межгосударственного противоборства, выявлены системообразующие элементы, раскрывающие содержание современных войн и военных конфликтов, подчеркивается, что в эпоху цифровых технологий феномен «гибридная война» наполняется новым содержанием и приобретает комбинированный облик.

Российские исследователи, как правило, строят свои концепции вокруг политического (не политологического) по своему содержанию нарратива «войны как посяга-

тельства на суверенитет». В этом нарративе главной целью гибридной агрессии (хотя исследователи русскоязычного дискурса предпочитают термин «война») является низвержение суверенитета и территориальной целостности страны посредством политической изоляции, экономических санкций, поддержки оппозиции, террористических организаций, преступного бизнеса («пятой колонны») и т. д. внутри страны, а также провоцирования различного рода конфликтов, которые не идентифицируются в качестве актов прямой агрессии или «агрессивной войны», но активно воздействуют на демонтаж государственности страны и ее субъектности на международной арене. При этом основной упор делается на военно-экономическое изматывание противника и так называемый взлом государства изнутри, которые в конечном итоге должны привести к фактическому лишению суверенитета без завоевания территории государства посредством военно-силового воздействия и установлению над ним внешнего управления со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Таким образом, российские исследователи, обходя сложившуюся в социальных науках и философии парадигму и дихотомию справедливой-несправедливой войны, характеризуют ее как несправедливую-саму-по-себе.

Можем ли мы считать метаэтический консенсус по поводу несправедливого характера гибридной войны достаточным основанием для заключения научного и философского консенсуса по поводу сущности гибридной войны? На наш взгляд, такой взгляд на гибридную войну не приближает, а отдаляет консенсус собственно научный. Теория справедливой войны развивалась со времен Средневековья. Ее содержание обогащалось и расширялось за счет новых свойств

⁸ В официальном документе РФ — Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2021) — и документах, принятых в формате Союзного государства России и Беларуси, категория «гибридная война» не представлена как системообразующая.

обществ, целей и характера войны, дополнялось новыми концептами (в частности, геноцид) и содержанием, которое определяется особенностями эпохи. Вместе с тем теория справедливой войны, как любая этическая теория, логически допускает и даже предполагает формулирование таких предписаний и ценностей, которые могут и должны быть уважаемы и почитаемы людьми и институтами, к которым обращается теория. Теория справедливой войны предписывает людям и государствам воздержание от несправедливой агрессии и, в случае необходимости, вступление в справедливую войну. Таким образом, хотя существуют этические теории, которые запрещают любые витальные формы насилия (убийства), увечья и даже причинение вреда здоровью на войне, такого рода этические идеи в дискурсе войн неприменимы, поскольку концепция войны по определению включает в себя убийство, нанесение вреда здоровью и причинение ущерба врагам. В связи с этим характер каждого нового конкретного вида войны влияет на содержание этической теории войн, но не наоборот (Boda, 2022).

Эту особенность гибридной войны отмечают российские ученые Д. А. Егорченков и Н. С. Данюк, рассуждая следующим образом: «важнейшая особенность ведения гибридной войны» состоит в том, что она позволяет *«минимизировать потери от прямого военного столкновения, значительно уменьшить вероятность крупномасштабного вооруженного конфликта, тем более с применением ядерного оружия, что нивелирует роль классических военных инструментов и вынуждает вырабатывать „нелинейный“ асимметричный ответ»* (Егорченков, Данюк, 2018: 1: 27—28). Американский специалист по военной этике С. Э. Пфафф также отмечает, что современный многополярный мир нуждается в новых операторах: «...Формирующийся полиархический порядок увеличивает не только количество и тип действующих лиц, которые

могут служить в качестве благодетелей и доверенных лиц, но, что наиболее важно, это увеличивает потребность в таких отношениях» (Pfaff, 2017: 9: 350).

Эти рассуждения встраиваются в англоязычный нарратив гибридных войн как войн низкой интенсивности. Так, Дж. Т. Джонсон отмечал, что войны низкой интенсивности актуальны, приводя следующие аргументы: «В мире после окончания холодной войны существует больше возможностей для достижения существенных результатов. Международные соглашения о видах деятельности, которые требуют нетрадиционных ответных мер (*террор, геноцид*. — А. П., Т. Р.), распространяются, при необходимости, на применение силы через национальные границы. <...> Возможно, мы сможем бороться с систематическими нарушениями прав человека, спонсируемым государством терроризмом, региональной агрессией и глобальной торговлей наркотиками — не в качестве одиноких палачей, а с одобрения и при поддержке сообщества наций» (Johnson, 1995: 168). Иными словами, гибридная война, несмотря на «сваливание» насилия в архаическое естественное состояние войны всех против всех, может стать инструментом снижения глобального уровня насилия. К тому же, как отмечают отдельные авторы, в частности К. Л. Сазонова, «глобальное военно-силовое противостояние становится всё менее актуальным даже не из-за противоправности с точки зрения международного права, а из-за фактической военной неэффективности» (Сазонова, 2017: 4: 181) (см. также: Дерешко, 2016).

В то же время не следует упускать из виду, что в любой гибридной войне расширение военного конфликта может стать своеобразным «поворотным пунктом» трансформации несилового воздействия к силовому, чреватому развязыванием глобального конфликта. В этом отношении необходимо подчеркнуть, что важнейшей особенностью

гибридной войны является ее нелегитимный характер — нормы международного права в случае с гибридной войной, как мы отметили, не играют роли сдерживающего агг्रेसию фактора. В связи с этим сложно не согласиться с идеями С. Э. Пфаффа, который высказывает предположение: в зоне проведения военных операций с переходом от естественного состояния мира к естественному состоянию войны меняется и моральное значение применения силы. Это означает, что когда мир и война различимы в теории морали и этики, в ходе войны солдаты, отдающие себе отчет в этом различии, получают мощный и практичный концептуальный инструмент для разрешения почти неразрешимого конфликта между должной заботой о гражданском населении, которую им предписано проявлять, и должным риском, на который они обязаны идти для достижения своих целей (Pfaff, 2017). Таким образом, Пфафф отмечает переход дилеммы применения — неприменения силы (меньшего зла) в той или иной ситуации из правовой плоскости в моральную. Однако это означает, что вместе с насилием в гибридной войне перераспределяется и ответственность за принятое решение между новыми операторами насилия.

Остается открытым вопрос о том, ведет ли это к гуманизации войны. Однако трудно возразить Пфаффу, называющему гибридные войны «войнами чужими руками»: «В то время как в биполярном мире времен холодной войны, безусловно, было немало войн чужими руками, в наше время доверенные лица могут сделать войны, которые кажутся справедливыми, более вероятными и беспорядочными. Учитывая, что цель традиции справедливой войны состоит в том, чтобы предотвратить войну или ограничить страдания, которые она причиняет, доверенные отношения рискуют подорвать эту традицию, даже если они ей соответствуют» (Pfaff, 2017: 9: 312—313). Соответственно, гибридизация

войны способствует становлению новой — распределенной — этики, мало конгруэнтной теории справедливой войны.

Как российские, так и зарубежные исследователи подчеркивают «зонтичный характер» гибридной войны для обозначения комплексности мер воздействия на противоборствующую сторону, находящихся вне классического военно-силового противостояния, запрещенного ст. 2 Устава ООН. Так, в подавляющем большинстве исследований проблем гибридной войны отмечается ее сетевой характер: циркулирующая в военных, экономических, дипломатических и иных структурах и гражданской среде информация интегрируется в единую сеть, в которой главенствующая роль отводится современным информационным технологиям, в связи с чем информационная составляющая гибридной войны становится ее стержневым элементом, милитаризируя всё информационное пространство. Иными словами, делает вывод П. А. Цыганков, «...гибридная война» втягивает в антагонизм всё население и охватывает все сферы общественной жизни: политику, экономику, социальное развитие, культуру» (цит. по: Филимонов, Данюк, 2017: 3: 20), а в информационной сфере становится ареной межгосударственного противостояния, своеобразным информационно-коммуникационным театром военных действий.

Сегодня можно констатировать, что средства массовой информации и глобальная сеть Интернет всё более приобретают ярко выраженный агрессивный характер в целях изменения общественного сознания населения противоборствующей стороны посредством так называемой *soft power* (мягкой власти). В то же время человечество стремится не только к философскому и научному осмыслению новых видов оружия массового влияния, но и к их этической оценке. Как мы отмечали, новые войны рождают новую этику, понятия и правовые нормы,

поэтому «Радио тысячи холмов», являвшееся инструментом и фактически провокатором разжигания геноцидальных расправ над тысячами жителей Руанды⁹, и его сотрудники подверглись уголовному преследованию и осуждению.

Помимо этого, к наиболее важным характеристикам информационной войны как составной части гибридной войны следует отнести: системное воздействие экономического, политического и идеологического характера, направленное на утрату государственного суверенитета противоборствующей стороны; разрушение информационных ресурсов (архивов, банков данных и др.); размещение в СМИ и Интернете заведомо ложной, деструктивной, носящей провокационный характер информации; формирование условий, способствующих конфронтации различных политических сил в стране; шантаж и клевета; создание «спящих» ячеек, вербовка (преимущественно из числа молодежи) в ряды террористических организаций и боевиков.

Выводы и дискуссия

В современном мире происходят сложные социальные трансформации, изменяющие характер внешних и внутренних вызовов и угроз национальной и международной безопасности, связанных с ведением гибридных войн — комплексным использованием военных, экономических, дипломатических, политических и иных средств и методов межгосударственного противоборства как в условиях военных действий, так и в мирное время. Используя известную формулировку Клаузевица (см., напр., Грау, 2007), можно также констатировать, что в сравнении с традиционными военными действиями она включает в себя политику «иными средствами», базирующимися на научно-практических достижениях цифро-

вой эпохи и игнорирующими нормы международного права. В этом отношении гибридная война представляет собой модель войны, скрывающей свой военно-силовой характер, выдвигающей на первый план методы и способы ведения информационной войны, вследствие чего информационный фактор безопасности приобретает особо важный характер, поскольку высокотехнологичное информационное воздействие на сознание людей (фальсификация исторической правды, искажение реальных фактов действительности, распространение клеветнических слухов и т. д.) многократно превышает опасность кризисных явлений в обществе.

Понятие и теория гибридной войны остаются спорной концепцией, и общепринятого ее определения не существует. Все теории подвергаются большой критике за отсутствие концептуальной ясности. Тем не менее эта концепция позволяет рефлексировать современные и прогнозировать будущие этические, антропологические, правовые и военные проблемы глобальной безопасности.

Гибридная война подразумевает взаимодействие или слияние традиционных и нетрадиционных форм власти, насилия и инструментов подрывной деятельности. Эти инструменты или орудия смешиваются синхронизированным образом, чтобы использовать уязвимости противника и достичь синергетических эффектов. Цель объединения кинетических инструментов и некинетических тактик — нанесение ущерба воюющему государству оптимальным образом: наиболее эффективным, максимизирующим выгоду и минимизирующим конвенциональное насилие.

Отличительными характеристиками гибридной войны является отсутствие *казус белли* и других признаков, позволяющих различить временные, правовые, этические рамки войны. Гибридная война «неуловима»,

⁹ См.: Méreuze D. “Mille Collines, la radio de la haine”. *La Croix* 13 déc. 2012. <https://www.la-croix.com/Culture/Theatre/Mille-Collines-la-radio-de-la-haine-_NG_-2012-12-13-887560>.

наблюдателю и теоретику трудно ее операционализировать. Гибридные атаки, как правило, характеризуются большой неопределенностью, с точки зрения ответственного субъекта. Такую неясность намеренно создают и усиливают гибридные акторы, чтобы усложнить атрибуцию и ответные меры. Другими словами, страна, которая является целью, или не может обнаружить гибридную атаку, или не имеет достаточных оснований приписать ее государству, которое предпо-

жительно ее совершает, организует или спонсирует. Эксплуатируя пороги обнаружения и атрибуции, гибридный субъект агрессии затрудняет для объекта агрессии разработку политики и военных ответов на гибридные атаки. Все характеристики также указывают на то, что гибридные атаки сочетают в себе архаичное насилие всех против всех с инновационными методами осуществления насилия.

Список литературы и источников / References

- Бартош А. А. «Стратегия и контрстратегия гибридной войны». *Военная мысль* 10 (2018): 5—20. EDN: NFVMMMA.
- Bartosh A. “Strategy and Counterstrategy of Hybrid War”. *Voyennaya mysl’ = Military Thought* 10 (2018): 5—20. (In Russian).
- Гапич А. Э., Лушников Д. А. *Технологии цветных революций = Technology of Color Revolutions*: монография. 2-е изд. М.: РИОР; Инфра-М, 2014. 126 с.
- Gapich A. E., Lushnikov D. A. *Technology of Color Revolutions*. 2nd ed. Moscow: RIOR; Infra-M, 2014. 126 p. (In Russian).
- Гареев М. А. «Стратегическое сдерживание — важнейшее направление обеспечения национальной безопасности России в современных условиях (доклад)». *Вестник Академии военных наук* 4 (25) (2008): 4—14.
- Gareyev M. A. “Strategic Deterrence is the Most Important Direction of National Security Protection of Russia in Present-Day Conditions (Report)”. *Vestnik Akademii voyennykh nauk* 4 (25) (2008): 4—14. (In Russian).
- Гоббс Т. *Левиафан*. М.: Мысль, 2001. 478 с. Из классического наследия.
- Hobbes Th. *Leviathan*. Rev. student ed. Ed. R. Tuck. Cambridge: Cambridge Up, 1996. 618 p.
- Гоббс Т. *О гражданине*. Гоббс Т. *Сочинения*: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 270—506.
- Hobbes Th. *Man and Citizen: (De Homine and De Cive)*. Ed. D. Gert. Indianapolis, IN: Hackett Publ. Co., 1991. 394 p. Hackett Classics.
- Дерешко Б. Ю. «Морально-психологическое обеспечение противоборства в гибридных войнах: правовые аспекты». *Вестник военного права* 1 (2016): 55—60. EDN: XHOCIZ.
- Dereshko B. Yu. “Moral and Psychological Support of Confrontation in Hybrid Warfare: Legal Aspects”. *Vestnik voyennogo prava* 1 (2016): 55—60. (In Russian).
- Егорченков Д. А., Данюк Н. С. «Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена „гибридных войн“ и „гибридных угроз“: взгляд из России». *Вестник Московского университета сер. 12 Политические науки* 1 (2018): 26—48. EDN: YPGYLZ.
- Egorchenkov D. A., Danyuk N. S. “Theoretical and Ideological Approaches to Studying the Phenomenon of ‘Hybrid Wars’ and ‘Hybrid Threats’: Russia’s Perspective”. *Vestnik Moskovskogo universiteta ser. 12 Politicheskiye nauki = Lomonosov Political Science Journal* 1 (2018): 26—48. (In Russian).

- Ковалев А. А. «Антропологические аспекты гибридной войны как войны нового поколения». *Вестник Вятского государственного университета* 2 (152) (2024a): 7—17. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.24.017>. EDN: PJEAFG.
- Kovalev A. A. “Anthropological Aspects of Hybrid Warfare as a New Generation War”. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Vyatka State University* 2 (152) (2024a): 7—17. (In Russian). <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.24.017>
- Ковалев А. А. «Информационная война: ценности, идеологические противостояния и пути защиты». *Социум и власть* 3 (101) (2024b): 7—23. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-3-07-23>. EDN: NINMCK.
- Kovalev A. “Information Warfare: Values, Ideological Confrontations and Ways of Defense”. *Sotsium i vlast = Society and Power* 3 (101) (2024b): 7—23. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-3-07-23>
- Ковалев А. А. «Международное гуманитарное право в эпоху нетрадиционных войн: вызовы и перспективы». *Вестник Тверского государственного университета сер. Философия* 1 (67) (2024c): 49—61. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2024.1.049>. EDN: DWZSOQ.
- Kovalev A. A. “International Humanitarian Law in the Era of Unconventional Wars: Challenges and Prospects”. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta ser. Filosofiya = Vestnik Tver State University ser. Philosophy* 1 (67) (2024c): 49—61. (In Russian). <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2024.1.049>
- Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*. М.: Госполитиздат, 1955. 72 с.
- Marx K., Engels F. *The Communist Manifesto*. 1888 transl. ed. Transl. S. Moore. San Diego, CA: Booklover’s Library Classics, 2022. 103 p.
- Месснер Е. Э. *Всемирная мятежевойна*. М.; Жуковский: Кучково поле, 2004. 511 с. Геополитический ракурс.
- Messner E. E. *The World Insurgency*. Moscow: Kuchkovo pole, 2004. 511 p. (In Russian). Geopoliticheskiy rakurs.
- Сазонова К. Л. «„Гибридная война“: международно-правовое измерение». *Право. Журнал Высшей школы экономики* 4 (2017): 177—187. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.4.177.187>. EDN: YNTQCG.
- Sazonova K. “Hybrid Warfare: International Law Dimension”. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics* 4 (2017): 177—187. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.4.177.187>
- Уизер Джеймс К. «Смысл гибридной войны». *Connections QJ* 15.2 (2016): 84—100. <https://doi.org/10.11610/Connections.rus.15.2.06>
- Wither James K. “Making Sense of Hybrid Warfare”. *Connections QJ* 15.2 (2016): 73—87. <https://doi.org/10.11610/Connections.15.2.06>
- Филимонов Г., Данюк Н. «„Гибридная война“: интерпретации и реальность». *Свободная мысль* 3 (1663) (2017): 17—24. EDN: ZDNAAX.
- Filiminov G., Danyuk N. “ ‘Hybrid War’: Interpretations and a Reality”. *Svobodnaya mysl = Free Thought* 3 (1663) (2017): 17—24. (In Russian).
- Фридман О. «„Гибридная война“ понятий». *Вестник МГИМО-Университета* 5 (50) (2016): 79—85. EDN: YGCOSF.
- Fridman Ofer. “A ‘Hybrid War’ of Terms”. *Vestnik MGIMO-Universiteta* 5 (50) (2016): 79—85. (In Russian).
- Харитонов Н. И. «ОДКБ и проблема гибридных войн». *Международная жизнь* 2 (2024): 28—37. EDN: PWHGEB.
- Kharitonova N. I. “CSTO and the Problem of Hybrid Warfare”. *Mezhdunarodnaya zhizn’ = International Affairs* 2 (2024): 28—37. (In Russian).

- Цыганков П. А. (авт., ред.), Радиков И. В., Ачкасов В. А. и др. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: [коллект. монография]. М.: Изд-во МГУ, 2015. 384 с. EDN: XAVYJR.
- Tsygankov P. A. (auth., ed.), Radikov I. V., Achkasov V. A. et al. “Hybrid Warfare” in the Chaotizing World of the 21st Century: [joint monograph]. Moscow: Moscow State Up, 2015. 384 p. (In Russian).
- Чварков С. В., Лихоносов А. Г. «Новый многовекторный характер угроз безопасности России, возросший удельный вес „мягкой силы“ и невоенных способов противоборства на международной арене». *Вестник Академии военных наук* 2 (59) (2017): 27—30. EDN: XPHUZN.
- Chvarkov S. B., Lihonosov A. G. “New Polivectoral Character of the Russia Security Threats, the Increasing Specific Weight of the ‘Soft Force’ and the Ways of Contradiction on the International Arena”. *Vestnik Akademii voyennykh nauk* 2 (59) (2017): 27—30. (In Russian).
- Чекинов С. Г., Богданов С. А. «О характере и содержании войны нового поколения». *Военная мысль* 10 (2013): 13—24. EDN: RGYZOX.
- Chekinov S. G., Bogdanov S. A. “About Nature and Contents of New Generation War”. *Voyennaya mysl’* 10 (2013): 13—24. (In Russian).
- Aron R. “The Evolution of Modern Strategic Thought”. *The Adelphi Papers* 9 (54) (1969): 1—17.
<https://doi.org/10.1080/05679326908448124>
- Boda Mihály. “A hibrid háború etikája: az igazságos hibrid háború elmélete”. *A hadtudomány aktuális kérdései I*. Ed. Miklós Szabó. Budapest: Ludovika Egyetemi Kiadó, 2022. 95—109. (In Hungarian).
- Gray C. S. “Carl von Clausewitz and the Theory of War”. *War, Peace and International Relations: An Introduction to Strategic History*. By C. S. Gray. London: Routledge, 2007. 15—30.
- Hoffman Frank G. *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. iv, 72 p.
- Johnson James Turner. “Chapter VI — Just War Tradition and Low-Intensity Conflict”. *Legal and Moral Constraints on Low-Intensity Conflict*. Eds A. R. Coll, J. C. Ord, S. A. Rose. Newport, RI: Naval War College, 1995. 147—170.
- Mansoor Peter R. “Hybrid Warfare in History”. Introduction. *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Eds W. Murray, P. R. Mansoor. Cambridge: Cambridge Up, 2012. 1—17.
- Liang Qiao, Xiangsui Wang. *Unrestricted Warfare: China’s Master Plan to Destroy America*. Transl. S. Pollak. Brattleboro, VT: Echo Point Book & Media, 2015. 212 p.
- Pfaff C. Anthony. “Proxy War Ethics”. *Journal of National Security Law and Policy* 9 (2) (2017): 305—353.

Информация об авторах

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, профессор Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), aipirogov2013@gmail.com, SPIN-код: 1175-9640.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «ЭСГИ» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1); профессор кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета (Россия, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4/1), rast-v2012@yandex.ru, SPIN-код: 6991-7190, ORCID: 0009-0003-9186-2393, ResearcherID: HXT-6334-2023.

Авторский вклад

Пирогов А. И. — изучение концепции; подготовка начального варианта текста.

Растимешина Т. В. — теоретическое осмысление концепции; проведение сравнительно-исторического исследования; развитие методологии; критический анализ и доработка текста.

Information about the authors

Alexander I. Pirogov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), aipirogov2013@gmail.com, SPIN code: 1175-9640.

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Editor-in-Chief of “ESGI” journal, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1); Professor at the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University (Russia, 129226, Moscow, Wilhelm Pieck st., 4/1), rast-v2012@yandex.ru, SPIN code: 6991-7190, ORCID: 0009-0003-9186-2393, ResearcherID: HXT-6334-2023.

Author Contributions

A. I. Pirogov — study of the concept; writing — preparation of the initial text.

T. V. Rastimeshina — conceptualization; conducting a comparative historical study; development of methodology; writing — critical analysis and revision of the text.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025, одобрена после рецензирования 29.05.2025.
The article was submitted 05.03.2025, approved after reviewing 29.05.2025.

Неомарксизм и постмарксизм как идейная основа современного института государства

Н. Н. Равочкин^{1, 2}

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

² Кузбасский государственный аграрный университет им. В. Н. Полецкого,
г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Аннотация. С позиции философии автор рассматривает концепции неомарксизма и постмарксизма в качестве идейной основы современного института государства. Разграничено понимание социальных феноменов в классическом марксизме, неомарксизме и постмарксизме. Рассмотрены основные траектории трансформации идей классического марксизма. Проанализированы ведущие марксистские подходы к рассмотрению политического. Систематизировано содержание понятийного аппарата современных концепций постмарксизма, в единстве политических связей и отношений, проанализировано преобразование идей марксизма. Показана экспликация идей в объеме парадигмы государства. Сделан вывод о сохранении идеи антагонизма субъектов и образа врага как антагониста, необходимого для реализации конструктивистской природы человеческого и политического, для создания норм взаимодействия.

Ключевые слова: экспликация идей, социальный институт, классический марксизм, неомарксизм, постмарксизм, парадигма государства, антагонизм субъектов, образ врага, практики, порядок, норма, политическое

Для цитирования: Равочкин Н. Н. «Неомарксизм и постмарксизм как идейная основа современного института государства». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 108–120. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-108-120>
EDN: MWODQA.

Original article

Neo-Marxism and post-Marxism as the ideological foundation of modern institution of the state

N. N. Ravochkin^{1, 2}

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

² Kuzbass State Agricultural University named after V. N. Poletskov, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

Abstract. From a philosophical perspective, the author examines the concepts of neo-Marxism and post-Marxism as the ideological foundation of modern institution of the state. The understanding of social phenomena in classical Marxism, neo-Marxism and post-Marxism is distinguished. The main trajectories of transformation of the ideas of classical Marxism are considered. The leading Marxist approaches to the consideration of the political are analyzed. The content of the conceptual apparatus of modern concepts of post-Marxism is systematized, in the unity of political connections and relations, and the transformation of the ideas of Marxism is analyzed. The explication of ideas in the volume of the state paradigm is shown. The conclusion has been made about the preservation of the idea of antagonism of subjects and the image of the enemy as an antagonist, necessary for the implementation of the constructivist nature of the human and the political, for the creation of norms of interaction.

Keywords: ideas explication, social institution, classical Marxism, neo-Marxism, post-Marxism, state paradigm, subjects antagonism, image of enemy, practices, order, norm, the political

For citation: Ravochkin N. N. "Neo-Marxism and Post-Marxism as the Ideological Foundation Of modern Institution of the State". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 108–120. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-108-120>

Введение.

Трансформация парадигм анализа государственной власти

Проблемность сущности и процессов формирования и развития социальных институтов, в том числе государства, определяется самим фактом нормирования определенных типов отношений, которые закрепляются на конкретном этапе развития связей и отношений между людьми и оказываются доминирующими: определяют необходимые и приемлемые практики коллективной интеракции. На этом основании значимым оказывается анализ причин, условий

возникновения и реализации социальных институтов, а также перспектив их существования в новых исторических, технических и иных условиях. Как следствие, трансформация внешних требований к институтам, в том числе государству, приводит к смене парадигм их анализа, в том числе появлению новых концепций, предлагающих их толкование. Так, в рамках классического марксизма утверждается, что государство представляет собой инструмент доминирования экономически господствующего класса. Принципиальной является мысль о выполнении государством ряда значимых

© Равочкин Н. Н.

функций, сопряженных с развитием экономических связей и отношений, что предполагает два исторически сложившихся условия. Одно из них отсылает к положению дел, при котором определенные общества не имели государства в силу своей экономической неразвитости. Другое определяется необходимостью организации общественно-экономических отношений, выраженных в доминировании одного класса над другим, что в конечном счете приводит к нормативному закреплению функционала социально-политических институтов. При этом существенным для марксизма оказывается признание распределения подданных по территориальному признаку, а также наличие публичной власти (не совпадающей непосредственно с волей населения), принципиальная функция которой состоит в поддержании подданных в подчинении.

Представленная точка зрения логично подвергается критике, что связано с экономическим редукционизмом государства как социально-политического института, а также временной его природой, определяемой фактом существования классов и прекращения их существования по экономическим причинам. На место классического марксизма приходит ряд концепций, в которых проводится содержательная критика и переосмысление идеи классового доминирования как базового принципа формирования государственности. Сообщество мыслителей-марксистов в той или иной степени разделяют данное положение, однако модифицируют его в соответствии с актуальными реалиями. Так, А. Грамши утверждает, что господство класса обеспечивается не только принуждением, но и согласием подчиненных. Государственная власть не может опираться лишь на экономическое доминирование: собственность сама по себе не гарантирует устойчивости системы. Важнее — способность правящего класса формировать культурную гегемонию, навязывая

свои ценности как общепринятые. На этом основании представляется существенным утверждение о том, что согласие со стороны подчиненных определяет возможность для отдельных граждан позитивно воспринимать доминирование государственной машины принуждения (Мармазова О. И., Мармазова Т. Р., 2018: 75).

При этом сферы доминирования распределяются на экономическую, политическую и доминацию в сфере гражданского общества, или доминацию, связанную со всеми возможными формами интеллектуальной деятельности. А. Грамши в целом признает наличие прямой зависимости всех элементов надстройки от экономических факторов (базиса), однако трансформирует эту идею в пользу признания возможности фундаментального обратного влияния на экономическую составляющую общества. Таким образом, государство на идеологическом, нормативном, концептуальном уровнях вполне оказывается способным к трансформации общественно-экономических отношений. Мыслитель задается вопросами: «возможна ли пролетарская революция в государстве, которое экономически „не дошло“ до необходимого уровня?» и «является ли революция, совершенная пролетариями, именно пролетарской революцией?» Здесь существенными оказываются вовсе не внешние признаки, определяющие практическую реализацию. Речь скорее должна идти о внутренних, интеллектуальных основаниях подобной практики (в частности революционных действий). Для определения революции как пролетарской необходим факт, свидетельствующий, что действия представляют собой не только феномен силы, но также и обновление всех возможных привычек, принципов мышления и норм, регламентирующих общественные отношения. Первичной оказывается именно интеллектуальная установка, следствием которой становится действие (Савино, 2017). Для итальянского

неомарксиста было очевидным, что «философия практики», которую он создавал, содержала в себе примат интеллектуального над материальным, а значит, возможность интеллектуалов доминировать над практиками, реализующими конкретные действия. По этой причине позиция А. Грамши представляется разумной, так как мыслитель признает опережающую деятельность политической надстройки по захвату власти. Именно благодаря такому способу влияния и руководящей роли соответствующих государственных структур становится возможным преобразование экономических оснований коллективного бытия. Вследствие этого деятельность государственных структур можно считать фактором преобразования всех возможных (в том числе экономических) общественных отношений. Данная идея распространяется не только на уровне отдельного конкретного государства, но и на международном уровне.

Идеи неомарксистов против гегемонизации буржуазии в современном миропорядке

Сохраняется центральная идея доминирования отношений для конкретной формы собственности. В частности, последователи А. Грамши, анализируя современную буржуазную формацию, признают, что она обслуживает гегемонизацию буржуазии — через язык, технологии, искусство, образование, моду и т. д. (Пую, 2008). Установление такого гегемонического порядка не устраивает неомарксистов, которые предлагают идею его деконструкции в пользу формирования контргегемона, который мог бы содержательно противостоять действующему миропорядку.

Известна ставшая традиционной идея Ф. Фукуямы о конце истории. Идея содержит положение о прекращении противоборства между капиталистическим лагерем во

главе с США и социалистическим блоком во главе с СССР — по причине распада последнего. Традиционность идеи Ф. Фукуямы связывается с тем, что она отошла в историю интеллектуальной мысли и передается поколениям. Однако содержательно вопрос о противостоянии миров закрепляется в обозначенных принципах борьбы с гегемоном в неомарксизме. Фундаментальным признается положение о существовании миров, которые различаются идеологически, концептуально, а следовательно — социально-политически. Сообщество мыслителей, принадлежащих к данному направлению, критикует образ Запада — как собрание всеобщих благ и прогресса — и навязанный им образ остального мира — как нуждающийся в модернизации и вестернизации. Общий смысл критики заключается в том, что подобное мировоззрение — не единственно возможное, а значит, потенциально содержит недостатки и конкурирующие идеологические проекты. Мыслители, которых можно отнести к неомарксизму (в частности Р. Кокс), высказывают идею необходимости создания такого контробщества, которое будет альтернативой гегемону. В его главе «должна стоять глобальная революционная элита („депутаты глобального общества“¹), чья открытая политическая философия станет платформой для объединения рабочего класса, членов антилиберальных партий, движений, представителей традиционных религий со всего мира» (Мармазова О. И., Мармазова Т. Р., 2018: 76). Подобные решения апеллируют к ряду принципов. Один из них состоит в признании противопоставления ценностных оснований классического либерализма, капитализма и в необходимости обслуживать интересы и приоритеты буржуа, с одной стороны, и «антилиберальные» (в частности «левые») приоритеты, с другой стороны. В рамках данного принципа представленные

¹ Дугин А. Г. «Контргегемония». *Левифан*. Вып. 5: *Контргегемония и евроцентризм*. [Под ред. А. Г. Дугина. Ред.-сост. Л. В. Савин]. М.: Евразийское Движение, 2013. 7—27.

проекты оказываются не только и не столько экономически детерминированными, сколько обусловленными идеологическими (ценностными) основаниями. На государственном уровне приоритет отдается не только экономике, но также идеологии как способу объяснения картины мира в конкретных политических, мировых и иных условиях.

Влияние интеллектуалов на государственность как систему противоборства идеологий

На этом основании в среде неомарксистов считаются особенно ценными идеи И. Валлерстайна о мир-системном анализе. Мыслитель разделил мир на «ядро» (капиталистический мир), полупериферию (социалистический блок) и периферию (страны третьего мира), что привело к пониманию истории «ядра» именно как борьбы за гегемонию. Неомарксисты реализацию такого положения дел ставят на внутригосударственный уровень — уровень противостояния между элитами и интеллектуалами. При этом значимым оказывается наличие небуржуазных элит, способных выйти за пределы именно экономического доминирования.

Вместе с тем среди выведенных выше трех сфер доминирования — экономической, политической и гражданской — последняя оказывается крайне важной, поскольку высокая роль принадлежит интеллектуалам, способным сделать выбор между гегемонией и контргегемонией, между обслуживанием статус-кво и выбором революционных действий. Представители неомарксизма высказывают также идею о том, что помимо экономических (классический марксизм) и политических (ленинизм) способов влияния крайне ценным является интеллектуальное влияние на государственность как систему противоборства. Именно в таких системах в полной мере реализуется ценность идеологических конструктов, а история политических структур — как на внутригосударственном, так и на международном

уровне — представляет собой противостояние идеологий. При этом идеологии мыслятся не только как ушедшие в века (как постулировал Ф. Фукуяма), а в первую очередь как создаваемые в актуальный момент интеллектуалами.

Трансформация марксизма в русле неомарксизма реализуется через признание крайне высокой роли интеллектуалов, способных на концептуализацию, а также на продвижение идеологии и даже пропаганду, — способных отстоять необходимую идеологию. Поскольку история «ядра» трактуется как история борьбы идеологий, постольку развитие марксистских идей должно связываться с продвижением положений и концептов, ценных для антигегемонистских сил (Михайловский, 2017).

Ученые, исследующие идеи А. Грамши, указывают на весьма справедливое историческое разделение в его философии воззрений марксистов, выходящих к идеалистической интерпретации концепции К. Маркса (например Б. Кроче), и тех, кто редуцировал концепцию немецкого мыслителя к материалистическим основаниям (Г. Плеханов). Минимизировать противостояние данных интерпретаций возможно через «введение в эксплуатацию» именно интеллектуалов, способных к анализу и продвижению «высоких материй» в форме идеологии, а также к максимально простому (в частности материалистическому) методу донесения основных нарративов идеологии до ее «потребителей» (Рагозин, 2016). Вся история человечества, начиная с эпохи Возрождения, — это восхождение идеологии буржуа (по А. Грамши), с которой приходится считаться и бороться как с гегемоном. Как следствие, кратко возрастает роль в общественном развитии (в том числе на политическом, государственном уровне) именно интеллектуалов, которые далеко не всегда так или иначе связаны с функционерами и государственными служащими.

От экономического субстанциализма к символической природе общественных отношений в анализе политических дискурсов

Иным представляется понимание государства как института, а также его роли в ряде концепций постмарксизма. Если для классического марксизма функционал государства определяется как регулятор противостояния социальных групп, партий и других участников политического процесса, что позволяет отнести государство в область надстройки, то в рамках постмарксизма реализуется отход от представленного понимания соотношения общественного и политического (как государственного) в иные плоскости. Так, принципиальный отрыв от классического марксизма был реализован в концепциях Э. Лакло и Ш. Муфф, для которых был принципиален отказ от экономического субстанциализма К. Маркса и его детерминации всех остальных сфер социальной действительности в пользу признания символической природы общественных отношений. Общество в концепции названных мыслителей представляет собой дискурсивную (семиотическую) систему. Данное признание не подразумевает полного отказа от экономического детерминизма, что связано с фундаментальной идеей самого К. Маркса. Главная задача, стоящая перед его последователями, определяется потребностью преобразования основных положений базовой концепции в пользу ее приложения к актуальным условиям социально-политического бытия. Так, наличие объективного существования материального мира и соответствующих связей и отношений не отрицается неомарксистами. Значимой выглядит следующая идея: «...Присутствие в нашем опыте объектов всегда опосредовано символически и всякая материальная практика эффективно функционирует лишь в том случае, если она включена в поле осмысленного, нагружена определенным значением» (Оришева, 2010: 5 (XVIII): 137). Представленная идея свидетельствует

о признании высокой значимости интерпретаций тех фактов, в системе которых человек существует. Не только и не столько факты экономических детерминант определяют вектор реализации политического (в частности государственного) и общесоциального бытия. Намного более приоритетным следует считать формирование представлений о связях и интерпретациях этих фактов. Систему общественных отношений, как полагали Э. Лакло и Ш. Муфф, эффективнее рассматривать через призму семиотического анализа, в рамках которого отдельные объекты экономической детерминации трактуются как денотаты, предполагающие наличие необходимого знака и соответствующего коннотата. Как следствие, в отношении общества представленная логика с необходимостью вводит в оборот «общее поле дискурсивности», в рамках которого понятия денотата и коннотата позволяют описывать и формировать системы коллективных (социальных) отношений. Отсюда единственно доступной для анализа системой оказывается пространство совместного существования и взаимного влияния дискурсов: множество представлений в той или иной степени позволяют объяснять множество отношений между элементами экономических, политических систем, равно как любыми другими. Полагается отказ от экономических оснований как фундаментальной детерминанты общественных отношений. В приоритете — система интерпретаций и связей между дискурсами. Более того, в соответствии с представленным положением, задачей социального теоретика становится поиск и установление регулярно повторяющихся связей между элементами общественных отношений, а также «логик», т. е. принципов регламентации, которым последние подчиняются (Гололобов, 2003).

Систематизация понятийного аппарата концепции постмарксизма в отношении общества и государства

Содержание предметов, равно как и политической среды, и государства, определяется в концепции постмарксистов системой понятий, среди которых особое значение приобретают: «логика различия», «логика эквиваленции», «узловая точка», «плавающее означающее», «антагонизм» и «гегемония».

Понятие «логика различия» отсылает Э. Лакло и Ш. Муффа к утверждению, что любой объект становится объектом нашего восприятия только в системе отношений с другими соответствующими объектами. Идентифицировать его можно только в системе различий с другими элементами соответствующего класса. На этом основании содержание конкретного предмета (человека, его статуса, роли в обществе) определяется не только субстанциальными свойствами, но также и релятивными характеристиками, позволяющими описать относительность положения человека в системе общественных связей и отношений. Как следствие, любая дискурсивная практика оказывается всегда открытой, т. е. предполагает любые иные интерпретации и включения системы предметов в иные системы отношений. Поэтому статусы, роли, положения человека могут определяться именно «логикой различия», что дает основание дифференцировать все возможные отношения субъектов общественной интеракции.

Понятие «логика эквиваленции» отсылает к необходимости связывать множество разрозненных элементов в единую систему значений. В результате этого так называемые *плавающие означающие* получают место в системе отношений между элементами. Э. Лакло и Ш. Муфф пишут, что «всякий дискурс конституируется как попытка подчинить себе поле дискурсивности, приостановить поток различий, утвердить некий центр. Мы будем называть привилегированные дискур-

сивные точки этой частичной фиксацией узловыми точками» (Laclau, Mouffe, 1985: 112). На уровне идеологии представленное положение будет детерминировать центральный концепт, определяющий содержательное единство конкретной идеологии. Речь идет о политическом (в частности государственном) дискурсе, где центр принятия решений доминирует над периферией — как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Все возможные различия, а именно субъекты интеракции, должны подчиняться единому центру, который позволяет разнородным структурным элементам существовать, однако определяет вектор становления системы в целом (Матвеев, 2009).

С использованием «логики различий» и «логики эквиваленции» общество трактуется как вечно становящийся феномен и предмет приложения разнонаправленных сил — самоопределения отдельных его элементов и доминирующего субъекта, чье стремление состоит в претворении единых нормативных оснований, социальных стандартов. Кроме того, общество, равно как и государство, суть некий воображаемый конструкт, который был утвержден в определенный промежуток времени. Как следствие, совершенно иначе, чем у К. Маркса, концепция постмарксистов объясняет становление, развитие, выполнение функций и отход в историю государственности как таковой: государство понимается как результат конструктивистской природы отдельных социальных субъектов, которые в определенный период считают необходимым создать механизм коллективного принуждения и избавляются от него, если в нем более нет необходимости. Такая форма государства оказывается чем-то вроде кантовских «трансцендентальных идей», которые задают единство социального опыта, однако сами по себе в опыте не даны.

Государство возникает из борьбы социальных групп, каждая из которых стремится

навязать свое видение общества и переустроить его согласно своим ценностям и интересам. Как следствие, отсутствуют объективные основания для существования в социальном как таковом и государственном как его частном проявлении.

Также логичным представляется следующее положение Э. Лакло и Ш. Муффа: общество суть результат попытки творения — через политического субъекта — унифицированного символического пространства, единство которого «раздирается» антагонистами. При этом такое символическое пространство в попытках унификации наделяется едиными смыслами и значениями, которые претендуют на уровень всеобщей значимости для всех участников социального процесса. Однако поскольку каждая отдельная группа вполне способна к символизации самостоятельно, антагонизм множества групп приводит к невозможности достичь единых и неизменных оснований в социальном процессе. В этом отношении вопрос о доминировании решается довольно просто: поскольку отдельный социальный субъект не в силах самостоятельно преодолеть основания антагонизма между субъектами, то для формирования, поддержания и сохранения универсального общества требуется консенсус в распределении универсальных ценностей, закрепляющий легитимный порядок действующих институтов. Как следствие, общество и государство как социальный институт суть результат консенсуса, который доминирует над разрозненными и враждующими структурными элементами (социальными акторами).

Духовный гегемон — от противоборства к идее борьбы. Трансформация категории врага в правопорядке

Для закрепления подобного положения дел используются ресурсы так называемого духовного гегемона, выраженного идеологическим измерением — тем фактором, кото-

рый позволяет в полной мере закрепить в позиции каждого из субъектов — участников отношений согласие именно на конкретный способ организации государственной среды. Такой роли идеологического измерения соответствует мысль о том, что постмарксистская концепция политического определяется наличием категорий «друга» и «врага», причем последняя обладает свойствами сугубо политического, но никак не личностно-экзистенциального. Наличие политического единства (государства) устанавливает существующий нормативный порядок, нарушение которого носит до известной степени позитивный характер, поскольку указывает на регламентирующую функцию всех участников процесса интеракции с государственным устройством. Враг в таком случае обуславливает саму онтологическую возможность выхода за пределы непосредственного порядка, создает такую возможность, поэтому его «персона» преследует цель возвращения в свои границы. На этом основании в области политического «конститутивная для нее категория врага не является свидетельством ее агрессивно-экспансионистского характера, но, напротив, рассматривается в качестве средства деэскалации насилия» (Балаклеец, Бакшутова, Мухаметшина, 2023: 5.2: 52). Враг здесь понимается скорее позитивно. Признание врага создает нормы взаимодействия, удерживая насилие в рамках. Нарушая эти границы, «незаконный враг» разрушает политический порядок, возвращая людей в естественное, доправовое состояние. На международном уровне представленная идея реализуется достаточно эффективно. Речь идет о том, что классическая для марксизма диалектика единства и борьбы противоположностей в идеях постмарксистов (в частности К. Шмитта) предполагает, что в политическом в его нормативном измерении организуется инклюзивный антагонизм.

Проблемной оказывается всё та же концепция конца истории Ф. Фукуямы,

в соответствии с которой разрушение bipolarного мира и противостояния СССР и США приводит к отсутствию противоречий, антагонизма. Для К. Шмитта оказывается принципиальным, что концептуальная привычка давать преимущество единству перед множественностью, мягко говоря, не обоснована (Артамошин, 2009). Мыслитель проводит содержательный анализ и критикует принцип единства, указывая на тот факт, что наличие доминирования одной из сторон конфликта не влечет за собой гарантии, что такое доминирование осуществляется в интересах всех подчиненных элементов. В частности, К. Шмитт приводит аргумент, согласно которому доминирование Сатаны наравне с Христом является единством, гегемонией одной из сторон конфликта. Единодушие и единогласие в таком случае оказывается не всегда оправданным и порой бесперспективным.

На основании представленной логики анализ политического единства в моноцентричном и полицентричном политических порядках приводит мыслителя к идее о приоритете, большей эффективности полицентричности. Суть концепта международного политического плюриверсума, определяемого К. Шмиттом, — в способности каждого из участников международного политического процесса сдерживать попытки других государств установить глобальный суверенитет (Савин, 2015). Отдельное государство не имеет, таким образом, возможности достигнуть самостоятельности и независимости от системы международных отношений, поскольку включено в антагонизм «друг — враг» по отношению ко всем остальным государствам. Наличие вражеского в такой системе берется в позитивном значении: каждый отдельный элемент политического плюриверсума сам по себе не может воспринимать себя удерживающим фактором, служить предотвращению наступления «конца истории». Как результат, признает-

ся наличие регламентирующего политического насилия, которое, однако, регулируется не признанием наличия у государства единственного («абсолютного») врага, а правом самостоятельно определять законных, т. е. «справедливых», врагов, каждый из которых подчиняется установленным правилам борьбы. Такое положение содержит в себе принцип, согласно которому «Шмиттова оппозиция друга и врага сохраняет свое позитивное политическое значение при открытой возможности ее конституирования, т. е. при наличии *выбора* друзей и врагов» (Балаклеев, Бакшутова, Мухаметшина, 2023: 5.2: 53). Представленная логика определяет политико-онтологическую характеристику нормативного измерения международных отношений, основанных не на факте противоборства, а на самой идее борьбы.

Последнее выдвинутое положение содержит в себе идею о том, что физическое противостояние, отражающее марксистский принцип единства и борьбы противоположностей, оказывается устаревшим методом борьбы в политической сфере. Государство как один из главных политических институтов вполне может вступать в противоборство с иными своими «конкурентами» не только и не столько на экономическом или политическом уровне. Речь скорее идет о нормативистском понимании противоборства, в котором идеология определяет вектор восприятия образа врага. Более того, последний может быть назначен в соответствии с текущими или перспективными интересами. Сам образ врага как антагониста, преодолевающего гегемонию, имеет смысл трактовать через принцип равноправия, как необходимый элемент любого политического процесса. Именно такой враг позволяет реализовать конструктивистскую природу человеческого и политического, поскольку мыслится в качестве одного из антагонистов, поддерживающих существующий миропорядок (Гурин, 2014).

Критика агрегативной и делиберативной парадигм. Неполитические формы социальной интеракции

Кроме того, такой образ врага имплицитно включает в себя необходимость изменения статуса политической интеракции. Речь идет о способности и возможности субъектов данной формы взаимодействия реализовывать необходимые действия не «сверху», как это было в классическом марксизме, а «снизу» — через использование ресурсов, в том числе негосударственных институтов (Дорогов, 2014). При этом Ш. Муфф указывает на невозможность полноценного исключения конфликтогенных ситуаций, что влечет за собой необходимость сохранения образов «друга» и «врага». Однако мыслитель предлагает сместить акценты политической, равно как любых других форм социальной интеракции, в сторону экономико-политического и этико-политического взаимодополняющего сотворчества.

По мере раскрытия данного положения Ш. Муфф последовательно критикует существующие либеральные парадигмы политической философии — агрегативную и делиберативную. Первая парадигма предполагает рассмотрение индивидов как рациональных существ: каждый индивид стремится максимально удовлетворить собственные интересы и тем самым преобразовать политический мир. Такой подход определяет экономико-политический аспект образа «врага»: враг мыслится как соперник в удовлетворении собственных, частных интересов. Вторая парадигма, сформированная Ю. Хабермасом, утверждает возможность достижения в политической сфере рационального этического консенсуса на основании свободной дискуссии. В рамках данных подходов политическое утрачивает свою автономию и редуцируется к неполитическим осно-

ваниям и формам социальной интеракции². Такое понимание политического реализуется в конкретных формах и методах борьбы. В условиях современности более не существует непосредственно политического противостояния, речь идет скорее о замене этой формы борьбы иными способами влияния. Так, Ш. Муфф, подразумевая систему «мы — они», говорит о маскировке политических значений в моральных категориях. Речь идет в данном случае не о «признанных врагах», а о борьбе добра со злом. Это трансформирует принципы отношений между субъектами международной антагонистской системы: на место реальной политической борьбы встает система моральных оценок, позволяющая скрыть отказ признавать *другого* в качестве политически равного мне, но также утвердить себя в статусе катехона, субъекта, способного отсрочить наступление конца.

Как итог, становится возможным разделение понятий *политического* и *политики*. Первое понятие позволяет выразить систему конститутивных начал, способностей «врагов» устанавливать нормативные основания для организации пространства интеракции по множеству соответствующих вопросов. Политика как понятие «представляет собой совокупность практик и институтов, посредством которых создается социальный порядок, организующий человеческое событие в соответствии с конфликтной моделью, задаваемой политическим» (Mouffe, 2005: 9) (цит. по: Балаклеец, Бакшутова, Мухаметшина, 2023: 5.2: 57). Так понимаемые институты определяются как инаковые, в трактовке могут трансформироваться в антагонистские и, как следствие, могут определяться как противоборствующие. В таком случае любой коллективный институт есть угроза для коллективной идентичности, которая может быть утрачена в результате противоборства

² Лядова Е. В. «Проблема политического в постмарксизме». *Практическая и прикладная философия: семинар (28 мая 2024)*. Институт философии РАН. 14.05.2025. <https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2024/28_05_24_2.pdf>.

с другими — коллективными (позитивно воспринимаемыми) врагами. Отношения между так понимаемыми врагами не могут быть разрешены исключительно через переговоры. Вместе с тем врагами, чье прямое отношение предполагает полное исключение, взаимное истребление, участники противоборства не являются. Таким образом, сохраняется антагонизм — если есть способность сохранять высокую стабильность при определенном уровне противоречий.

В целом в рамках постмарксизма Э. Лакло и Ш. Муфф превалирует идея гражданского самоуправления, которая может привести к отрицанию плюрализма, отсутствию границы между приватным и публичным, моралью и правом в развитии парадигмы гражданского общества и ряда связанных с ней положений (Фомин, 2017: 2: 94).

Заключение.

Значение принципов марксизма для современной политики и факторы их трансформации

Все представленные идеи служат основанием для обеспечения современной плюралистической публичной политики, что делает возможным сохранение основных принципов классического марксизма и его трансформации — с учетом современных реалий в политической сфере и смежных областях.

Факторы, свидетельствующие о трансформации марксистской концепции социальных институтов в XX в., таковы: отказ от экономического детерминизма, заложенного в классических идеях К. Маркса и Ф. Энгельса, в пользу доминирования идеологии, политической надстройки и ряда этических и социально-экономических оснований. Делается акцент на том, что именно политические институты оказываются едва ли не определяющими в процессе становления общественных отношений.

Вместе с тем сохраняется ряд центральных принципов марксистской диалектики. Так, в нео- и постмарксизме сохраняется идея антагонизма субъектов как фундаментальное выражение закона единства и борьбы противоположностей. В рамках концепций, принадлежащих постмарксизму, отчетливо видно стремление ученых сохранить антагонизм субъектов — участников политических и социально-экономических отношений. Такое стремление предполагает необходимость закрепления идеи борьбы при дезавуировании взаимного исключения субъектов — участников такой борьбы. Как следствие, признается факт существования «позитивного» врага как образа, подчиненного единым правилам и нормам интеракции в различных областях публичности.

Список литературы и источников / References

- Артамошин С. В. «Проблема политического в консервативной публицистике Карла Шмитта». *Вестник Тамбовского университета сер. Гуманитарные науки* 7 (75) (2009): 350—356. EDN: KYRNQJ.
- Artamoshin S. V. “The Problem of the Political in Carl Schmitt’s Conservative Writings”. *Vestnik Tambovskogo universiteta ser. Gumanitarnyye nauki = Tambov University Review ser. Humanities* 7 (75) (2009): 350—356. (In Russian).
- Балаклеец Н. А., Бакшутова Е. В., Мухаметшина Н. С. «Антагонистическое измерение политического: от Карла Шмитта к Шанталь Муфф». *Вестник Самарского государственного технического университета сер. Философия* 5.2 (2023): 51—60. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.6>. EDN: EFMAUX.
- Balakleyets N. A., Bakshutova E. V., Mukhametshina N. S. “The Antagonistic Dimension of the Political: From Carl Schmitt to Chantal Mouffe”. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta ser. Filosofiya* 5.2 (2023): 51—60. (In Russian). <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.6>

- Гололобов И. В. «Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: введение». *Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм* 3 (2003): 129—135.
- Gololobov I. V. “Ernesto Laclau’s theory of political discourse: Introduction”. *Byulleten’: antropologiya, men’shinstva, mul’tikul’turalizm* = *Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism* 3 (2003): 129—135. (In Russian).
- Гурин К. Е. «Анализ дискурсов как способ изучения социальных структур, идентичностей и процессов в теории Эрнесто Лакло и Шантеля Муффа». *Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: материалы XVII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана (20—21 марта 2014)*. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 185—192.
- Gurin K. E. “Analysis of discourses as the way of studying social structures, identities and processes in the theory of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe”. *Kul’tura, lichnost’, obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: materialy XVII Mezhdunar. konf. pamyati prof. L. N. Kogana (20—21 marta 2014)*. Yekaterinburg: UrFU, 2014. 185—192. (In Russian).
- Дорогов Д. А. «От политики к критике и обратно: деконструкция универсалистской политической онтологии в философии постмарксизма». *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина* 2.3 (2014): 155—163. EDN: TEWHLV.
- Dorogov D. A. “From Politics to Critique and Back: Deconstruction of Universalist Political Ontologies in Post-Marxist Philosophy”. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = *Pushkin Leningrad State University Journal* 2.3 (2014): 155—163. (In Russian).
- Мармазова О. И., Мармазова Т. Р. «Контргегемония Антонио Грамши как неотъемлемая часть неомарксистской политической теории». *Культура и цивилизация (Донецк)* 1 (7) (2018): 74—78. EDN: OTXCTW.
- Marmazova O. I., Marmazova T. R. “Contra-Supremacy of Antonio Gramsci’s as an Integral Part of the Neomarkst Political Theory”. *Kul’tura i tsivilizatsiya (Donetsk)* = *Culture and Civilization (Donetsk)* 1 (7) (2018): 74—78. (In Russian).
- Матвеев И. А. «Политико-дискурсивный анализ Эрнесто Лаклау». *Вестник Московского университета* сер. 12 *Политические науки* 3 (2009): 69—74. EDN: KYHFIF.
- Matveev I. A. “Ernesto Laclau’s Political Discourse Analysis”. *Vestnik Moskovskogo universiteta* ser. 12 *Politicheskije nauki* = *Lomonosov Political Science Journal* 3 (2009): 69—74. (In Russian).
- Михайловский В. С. «Неомарксистский поиск революции и ее агентов». *История и современность* 2 (26) (2017): 247—264. EDN: YLSNNV.
- Mikhaylovskiy V. S. “Neo-Marxis Quest for Revolution and Its Agents”. *Istoriya i sovremennost’* 2 (26) (2017): 247—264. (In Russian).
- Оришева О. Ф. «„Политическое“ и „социальное“ в постмарксистской теории гегемонии». *Труды БГТУ № 5 История. Философия. Филология* 5 (XVIII) (2010): 136—139. EDN: VEENBV.
- Orisheva O. F. “‘Political’ and ‘Social’ in Post-Marxist Theory of Hegemony”. *Trudy BGTU No. 5 Istoriya. Filosofiya. Filologiya* = *Proceedings of BSTU ser. V History. Philosophy. Philology* 5 (XVIII) (2010): 136—139. (In Russian).
- Пулю Ю. В. «Проблема манипуляции и власти в теоретическом наследии А. Грамши». *Философия права* 6 (31) (2008): 10—16. EDN: NAXBAH.
- Puyu U. V. “The Problem of Manipulation and Power in the Theoretical Heritage of A. Gramshi”. *Filosofiya prava* = *Philosophy of Law* 6 (31) (2008): 10—16. (In Russian).
- Рагозин Н. П. «„Философия практики“ А. Грамши как теоретическая предпосылка концепции духовного производства». *Культура и цивилизация (Донецк)* 2 (4) (2016): 7—25. EDN: XAALBJ.
- Ragozin N. “A. Gramsci’s ‘Philosophy of Practice’ as Theoretical Basis of the Concept of Spiritual Production”. *Kul’tura i tsivilizatsiya (Donesk)* = *Culture and Civilization (Donetsk)* 2 (4) (2016): 7—25. (In Russian).

Савин Н. «Порывая с Карлом Шмиттом: понятие политического в теории агонистического плюрализма». *Логос* 25.6 (108) (2015): 163—179. EDN: XCSYRF.

Savin N. “Breaking With Carl Schmitt: The Concept of the Political in Chantal Mouffe’s Agonistic Pluralism”. *Logos* 25.6 (108) (2015): 163—179. (In Russian).

Савино Дж. «Норма политической морали: интеллектуальный проект Антонио Грамши». *Социология власти* 29.2 (2017): 84—96. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-2-84-96>. EDN: ZWUEOT.

Savino G. “The Norm of Political Moral: The Intellectual Project of Antonio Gramsci”. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power* 29.2 (2017): 84—96. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-2-84-96>

Фомин К. В. «Модели политической идентификации (Ч. Тейлор, Э. Лакло, Ш. Муфф)». *Вестник Северного (Арктического) федерального университета сер. Гуманитарные и социальные науки* 2 (2017): 90—98. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.90>. EDN: YKORVX.

Fomin K. V. “Models of Political Identification (C. Taylor, E. Laclau, C. Mouffe)”. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta ser. Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University ser. Humanitarian and Social Sciences* 2 (2017): 90—98. (In Russian). <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.90>

Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy*. London; NewYork: Verso, 1985. 197 p.

Mouffe Ch. *On the Political*. New York: Routledge, 2005. 150 p.

Информация об авторе

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В. Н. Полецкого (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1247-8231.

Information about the author

Nikita N. Ravochkin — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor at the History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya st., 28); Professor at the Educational Technologies Department, Kuzbass State Agricultural University named after V. N. Poletskov (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva st., 5), nickravochkin@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1247-8231.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025, одобрена после рецензирования 07.07.2025.

The article was submitted 27.06.2025, approved after reviewing 07.07.2025.

**ИТОГИ КРУГЛОГО СТОЛА ИНСТИТУТА
ВП СГН «КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ» (Ч. 2)**

**RESULTS OF THE ROUND TABLE OF THE
INSTITUTE OF HIGH-TECH LAW, SOCIAL
SCIENCES AND HUMANITIES “COGNITIVE
TECHNOLOGIES: PHILOSOPHICAL ASPECT”
(PART 2)**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 121–127.

Economic and Social Research. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 121–127.

Научная статья

УДК 165 + 37.01

DOI: 10.24151/2409-1073-2025-12-2-121-127

EDN: QLEUOV

**Эпистемология образования как философская основа развития
социальных технологий обучения**

С. А. Гершунин

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

finbaricus@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает взаимосвязь между исследованиями социальных технологий и применением их итогов в системе образования через проблематику формирования знания в образовательном процессе. Обсуждается проблема развития познавательных способностей обучаемых посредством научных методов и технологий. Поскольку эпистемология образования развивается во взаимодействии с идеей учебной трансформации, релевантной потребностям современного общества знаний, автор предлагает принципы перспективного совершенствования учебного процесса с учетом эпистемологических аспектов личности обучающихся.

Ключевые слова: эпистемология образования, социальная технология, социальная эпистемология, учебная трансформация

Для цитирования: Гершунин С. А. «Эпистемология образования как философская основа развития социальных технологий обучения». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 121–127. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-121-127>
EDN: QLEUOV.

Original article

Epistemology of education as a philosophical basis for the development of social technologies for learning

S. A. Gershunin

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

finbaricus@yandex.ru

Abstract. The author examines the relationship between the research of social technologies and the application of their results in the education system through the problematics of knowledge formation in the educational process. The problem of developing students' cognitive abilities through scientific methods and technologies is discussed. Since the epistemology of education develops in interaction with the idea of educational transformation relevant to the needs of the modern knowledge society, the author has suggested the principles for the long-term improvement of the teaching/learning process, taking into account the epistemic aspects of the personality of students.

Keywords: epistemology of education, social technology, social epistemology, educational transformation

For citation: Gershunin S. A. "Epistemology of Education as a Philosophical Basis for the Development of Social Technologies for Learning". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.2 (2025): 121–127. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-121-127>

Введение

Проникновение научных методов и технологий в учебные процессы создает новые возможности для улучшения качества образования и непосредственно влияет на формирование познавательных способностей обучающихся индивидов и общества в целом. В свою очередь, эпистемология образования как область философии, занимающаяся изучением природы, источников и границ познания в контексте образовательной практики, становится всё более актуальной в условиях стремительного развития науки и технологий, характерного для общества знаний.

Эпистемология образования изучает, как формируется знание в рамках образовательного процесса, какие методы используются для его передачи и как критическое мыш-

ление и рефлексия влияют на его усвоение. Классические эпистемологические вопросы, такие как: «Что такое знание?», «Как мы можем его получить?», «Как знание связано с истиной?», — становятся особенно актуальными в контексте образовательных технологий, где источники знаний разнообразны и порой противоречивы. Эпистемологические исследования также поднимают вопросы о взаимосвязи преподавателя и обучающегося: какова ее роль в процессах создания и усвоения знания и как современные технологические инновации могут повлиять на динамику этих процессов.

Эпистемология в исследовании социальных практик

Сегодня эпистемология как область философского знания занимает центральное

© Гершунин С. А.

место в понимании процессов познания и, в частности, когнитивных функций. Не случайно философский термин «эпистемология», введенный шотландским ученым Дж. Феррьером (Ferrier, 1854), стал основополагающим для будущих исследований теоретических оснований познания. Термин ассоциируется с современными когнитивными науками, которые исследуют наряду с природой разума также механизмы познавательных процессов (Фуллер, 2018).

В российской философской традиции эпистемология всегда была неотъемлемым компонентом всякой философской концепции с тех пор, как существует философия. «Эпистемологический поворот» XVII в., инициатором которого считается Р. Декарт (Wolenski, 2004), означал превращение эпистемологии в «первую философию». А в конце XIX — начале XX в. многие ученые приняли утверждение, что вся философия есть не что иное, как теория познания (эпистемология) (Лекторский, 2010).

Начиная с XVII в. наука и технологии, основанные на научных открытиях, стали одним из ключевых факторов, способствующих быстрому развитию западной культуры. Познание мира методами научного исследования способствовало созданию новой реальности, а эпистемология как философская дисциплина играла важную роль в осмыслении этой новой реальности, в ее интеграции в культурные и социокультурные контексты. Понимание эпистемологических основ позволяло не только глубже вникать в природу знаний, но и строить более сложные и многогранные отношения между наукой и культурой. Так, эпистемология занимала и продолжает занимать центральное место в системе философии — помогает анализировать, каким образом знания формируют наше восприятие мира, а философские размышления могут влиять на прогресс науки и развитие технологий.

Однако притом что сегодня наука зада-

ет стандарт рациональности в современном мире, отношение к ней исследователей социальных технологий (Science and Technology Studies, STS) едва ли можно назвать рациональным. Этот парадокс отражает то волнение, которое сегодня окружает тех, кто изучает социальные и культурные основания науки и технологий в рамках STS (Fuller, 2013; Касавин, 2014). Согласно С. Фуллеру, в рамках направления STS философы: а) применяют теории и методы гуманитарных и социальных наук в изучении работ ученых-естествоиспытателей и технологов; б) в социальных исследованиях изучают их как людей, а не как «второстепенных божеств»; в) наблюдают за этими учеными на рабочих местах, интерпретируют их научно-технические документы и предлагают объяснения их деятельности, имеющие смысл с учетом аспектов, присущих именно человеку (Fuller, 2013).

По мнению отечественного социального эпистемолога И. Т. Касавина, «социальная эпистемология — это такое философское учение, которое базируется на деятельностном, коммуникативно-семиотическом и культурно-историческом подходах к анализу *субъекта познания*» (Касавин, 2010: 59), наука «целенаправленно занята анализом и переосмыслением классических эпистемологических категорий (знание, познание, истина, заблуждение, рациональность, субъект познания и т. п.), а также введением в эпистемологический оборот новых понятий (традиция, архетип, текст, контекст, дискурс, вненаучное знание, повседневность, миграция)» (Касавин, 2010: 59). В практическом плане социально-эпистемологические концепции непосредственно влияют на развитие социальных технологий, в том числе образовательных (Касавин, 2018).

Стоит упомянуть, что, по замечанию А. А. Аргамаковой, «в большинстве случаев социальные технологии понимались вполне привычным нам образом: как рациональное,

научно обоснованное проектирование того, „что должно быть“, а также „метод достижения того, что должно быть“» (Аргамасова, 2015: 79—80)¹. Разработка социальных технологий входит в круг задач, ориентированных на практику социогуманитарных дисциплин, в том числе и педагогических. Исходя из этого, проблематика социальных технологий часто связывалась с вопросами разработки принципов, целей и методов образовательного администрирования, осуществляемого в рамках научных университетов.

Основной вывод, который можно сформулировать в отношении динамики исследований STS и социальной эпистемологии: в эпоху неразрывной связи науки и технологий с общественными институтами отечественные и западные ученые солидарны в том, что в контексте социальных технологий и их применения (в частности, в образовательной практике) исследование знания и его функций остается центральной проблемой. И это, в свою очередь, свидетельствует о крайней необходимости учета эпистемических аспектов при разработке и оценке эффективности современных технологий обучения.

Эпистемология образования в контексте учебной трансформации

Сегодня университетское образование переосмысливает свою сущностную задачу, интегрируя исследовательскую деятельность в образовательный процесс. Речь идет, уточняет А. О. Карпов, «об особой, *генеративной дидактике*, об особом *когнитивном многообразии* личности учащегося новой познавательной генерации» (Карпов, 2010: 92). Формирование когнитивных, социальных и эмоциональных компетенций посредством исследовательских практик становится ключе-

вым механизмом подготовки специалистов, востребованных в обществе знаний.

Педагогические исследования, коррелирующие с проблематикой эпистемологии образования, опираются на идею учебной трансформации, которая подразумевает, что обучение должно предполагать самодвижение обучающегося к познанию, а учебный процесс может функционировать как открытая и самоорганизующаяся дидактическая система, обладающая способностью к самогенерации учебных действий, аутентичных познавательной ситуации (Карпов, 2010). В основу познавательного процесса закладывается динамическая обратная связь между дидактикой и познавательной компетентностью личности. В данном контексте учебная программа представляет собой большее, нежели статичный набор материалов, так как открыта к адаптации и эволюции и направлена на создание условий, в которых когнитивный рост личности происходит естественным образом через исследование знания и решение проблемных ситуаций.

Следует упомянуть, что эпистемологические исследования в области образования начались еще в середине 1950-х гг. и за прошедшие десятилетия выделились в три ключевых направления. Ученые в рамках первого направления были в значительной степени заинтересованы тем, как люди интерпретируют свой образовательный опыт (Hofer, Pintrich, 1997; Perry, 1970).

Вторую группу исследователей интересовало, как эпистемологические убеждения индивидов влияют на ход их мышления, процессы рассуждения (Baxter Magolda, 1992; King, Kitchener, 1994; Kitchener et al., 1993) и навыки аргументации (Kuhn, 1993). Принимая во внимание работы У. Перри

¹ Ср.: «...Социальная технология решает оба типа вопросов: связанных и с тем, что существует и тем самым обнаруживает, как должно быть, и с методом достижения того, что должно быть. Большая часть должного на самом деле уже есть... <...> Но подспудно существуют указание на лучшее и движение к нему; и конечная цель, и метод подсказываются опытом. Социальная технология имеет дело с этим движением, с этим становлением...» (Henderson C. R. "The Scope of Social Technology". *American Journal of Sociology* 6.4 (1901): 645—486. Web. 10 June 2025. <<https://www.jstor.org/stable/2762288>>.)

(Perry, 1970), а также Дж. Дьюи (Dewey, 1933) о рефлексивном мышлении, П. Кинг и К. Китченер с соавторами вывели эпистемологические допущения, лежащие в основе человеческих рассуждений. Исследования, проводившиеся на протяжении 15 лет посредством интервьюирования подростков и взрослых — от старшеклассников до людей среднего возраста, — привели к усовершенствованию модели рефлексивного суждения, которая фокусируется на эпистемологическом познании, или «способах, которыми люди понимают процесс познания, и соответствующих способах, которыми они обосновывают свои убеждения о неструктурированных проблемах» (Baxter Magolda, 1992: 10). К. Китченер с соавторами утверждают, что рефлексивное суждение — это конечный результат и конечная точка развития рассуждения и формирования способности оценивать требования к знаниям (Kitchener et al., 1993).

Третье и самое современное направление исследований исходит из признания того, что эпистемологические идеи представляют собой системы убеждений, которые могут быть более или менее независимыми от структуры психического развития людей (Dewey, 1933; Schommer, 1990). Заинтересовавшись тем, как эпистемологические убеждения влияют на понимание и академическую успеваемость, М. Шоммер (Schommer, 1990; Schommer, 1994) разработала исследовательскую программу, используя количественный метод в большей степени, чем ее предшественники, — более аналитический подход к изучению эпистемологических убеждений.

Обозначенные исследования также косвенно свидетельствуют о том, что знание во взаимодействии субъектов образовательного процесса представляется не просто абстрактным продуктом познания, но живым ресурсом социальной практики, а познавательная деятельность в рамках учебного со-

циума подразумевает наличие социально-технологических предписаний. К ним относятся требования, предъявляемые к содержанию образования, и методы получения знания. Методы в связи с этим необходимо строятся на основании базовых мыслительных способностей: индукции, дедукции, абстракции, обобщения, идеализации, моделирования и т. д. (Розов, 2010), что составляет неотъемлемый базис любых образовательных практик. Проблематика эпистемологии образования, таким образом, включает в себе комплексный междисциплинарный подход, учитывающий не только когнитивные функции, но и социокультурные аспекты современного общества, и технологические возможности.

Таким образом, эпистемологические исследования в контексте образования утверждают значимость динамического, открытого, адаптивного учебного процесса, в основе которого лежит синтез следующих технологий: соединение рефлексивного суждения и оценки; развитие когнитивных способностей и социальная практика; формирование познавательной компетентности и способности к генеративному мышлению.

Выводы

Подводя итог рассмотрению эпистемологии образования в соотношении с социальными технологиями и идеей учебной трансформации, предлагаем следующие принципы перспективного развития учебного процесса:

- принцип генеративности обучения: основной акцент в обучении делается на развитии генеративного мышления, способного к созданию нового знания, что подразумевает активность обучающихся в процессе обучения;
- принцип адаптивности: гибкие учебные программы, которые адаптируются к текущему уровню знаний и потребностям обучающихся так, что они имеют возмож-

- ность перестраивать структуру и схемы познавательной деятельности;
- принцип когнитивной гибкости: учебная программа адаптируется к когнитивным предпочтениям обучающихся так, чтобы она способствовала раскрытию индивидуального разума и формированию когнитивного разнообразия.
- Данные принципы отвечают синтезу эпистемологии, образования, науки и технологий, который представляет собой многообещающую область для исследований и практического применения, что требует глубокого понимания взаимосвязей между знанием и социумом. Сегодня очевидно, что только активная интеграция социальных технологий в программы обучения способствует совершенствованию механизмов распространения и приращения знаний, отвечающих потребностям общества знания.

Список литературы и источников / References

- Аргамакова А. А. «Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия». *Эпистемология и философия науки* 46.4 (2015): 70—84. EDN: VJURBL.
- Argamakova A. A. “Applied Socio-Humanitarian Knowledge, Social Technologies and Engineering”. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science* 46.4 (2015): 70—84. (In Russian).
- Карпов А. О. «Образовательная эпистемология и трансформация знаний». *Вестник Московского университета сер. 7 Философия* 6 (2010): 79—92. EDN: NCPCCF.
- Karpov A. O. “Educational Epistemology and Knowledge Transformation”. *Vestnik Moskovskogo universiteta ser. 7 Filosofiya = Moscow University Bulletin ser. 7 Philosophy* 6 (2010): 79—92. (In Russian).
- Касавин И. Т. «STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация?». *Эпистемология и философия науки* 39.1 (2014): 5—17. EDN: RYLTHV.
- Kasavin Ilya. “STS: Anticipatory Naturalization or Catching Up Modernization?”. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science* 39.1 (2014): 5—17. (In Russian).
- Касавин И. Т. «О поисках философской предметности в исследованиях науки». *Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии*: монография. Под ред. И. Т. Касавина, Н. Н. Ворониной. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2018. 406—413. EDN: ZDRTJJ.
- Kasavin I. “Science Studies: A Quest for the Subject Matter”. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii*: monograph. Eds I. T. Kasavin, N. N. Voronina. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State U of Nizhni Novgorod, 2018. 406—413. (In Russian).
- Касавин И. Т. «Об одном ли предмете мы спорим?». *Эпистемология и философия науки* 24.2 (2010): 54—60. EDN: NCJWOT.
- Kasavin I.T. “Are We Disputing on the Same Subject?”. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science* 24.2 (2010): 54—60. (In Russian).
- Лекторский В. А. «Эпистемология и исследование когнитивных процессов». *Эпистемология вчера и сегодня*: сб. статей. Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2010. 3—30.
- Lektorskiy V. A. “Epistemology and Study of Cognitive Processes”. *Epistemologiya vchera i segodnya*: collection. Publ. ed. V. A. Lektorskiy. Moscow: RAS Institute of Philosophy, 2010. 3—30. (In Russian).
- Розов М. А. «Познание как предмет эпистемологии. Основные тезисы и проблемы». *Эпистемология вчера и сегодня*: сб. статей. Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2010. 31—50.
- Rozov M. A. “Cognition as Subject of Epistemology. Core Messages and Problems”. *Epistemologiya vchera i segodnya*: collection. Publ. ed. V. A. Lektorskiy. Moscow: RAS Institute of Philosophy, 2010. 31—50. (In Russian).
- Фуллер С. *Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии*. Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозов, П. Ханова; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. 384 с. EDN: AQKGKW.

- Fuller S. *The Sociology of Intellectual Life: The Career of the Mind in and Around the Academy*. Los Angeles: SAGE, 2009. 192 p.
- Baxter Magolda M. B. *Knowing and Reasoning in College: Gender-Related Patterns in Students' Intellectual Development*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1992. 480 p.
- Dewey John. *How We Think: A Restatement of the Relation of Reflective Thinking to the Educative Process*. Chicago: D. C. Heath & Co., 1933. 301 p.
- Ferrier J. F. *Institutes of Metaphysic: the Theory of Knowing and Being*. Edinburgh: W. Blackwood and Sons, 1854. 584 p.
- Fuller S. *The Philosophy of Science and Technology Studies*. New York: Routledge, 2013. 208 p. <https://doi.org/10.4324/9780203953976>
- Hofer B. K., Pintrich P. R. "The Development of Epistemological Theories: Beliefs about Knowledge and Knowing and Their Relation to Learning". *Review of Educational Research* 67.1 (1997): 88—140. <https://doi.org/10.3102/00346543067001088>
- King Patricia M., Kitchener Karen Strohm. *Developing Reflective Judgment: Understanding and Promoting Intellectual Growth and Critical Thinking in Adolescents and Adults*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1994. 323 p.
- Kitchener K. S., Lynch C. L., Fischer K. W., Wood Ph. K. "Developmental Range of Reflective Judgment: The Effect of Contextual Support and Practice on Developmental Stage". *Developmental Psychology* 29 (5) (1993): 893—906. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.29.5.893>
- Kuhn D. "Science as Argument: Implications for Teaching and Learning Scientific Thinking". *Scientific Education* 77.3 (1993): 319—337. <https://doi.org/10.1002/sce.3730770306>
- Perry W. G. *Forms of Intellectual and Ethical Development in the College Years: A Scheme*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970. 256 p.
- Schommer M. "Effects of Beliefs about the Nature of Knowledge on Comprehension". *Journal of Educational Psychology* 82.3 (1990): 498—504. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.82.3.498>
- Schommer M. "Synthesizing Epistemological Belief Research: Tentative Understandings and Provocative Confusions". *Educational Psychology Review* 6.4 (1994): 293—319. <https://doi.org/10.1007/BF02213418>
- Wolenski J. "The History of Epistemology". Niiniluoto I., Sintonen M., Wolenski J., eds. *Handbook of Epistemology*. Dordrecht: Springer, 2004. 3—54. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-1986-9_1

Информация об авторе

Гершунин Сергей Аркадьевич — аспирант Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1), finbaricus@yandex.ru, SPIN-код: 4872-6878.

Information about the author

Sergei A. Gershunin — Postgraduate Student at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), finbaricus@yandex.ru, SPIN code: 4872-6878.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024, одобрена после рецензирования 19.04.2025.
The article was submitted 10.12.2024, approved after reviewing 19.04.2025.

Создание «искусственной личности»: возможность постановки задачи и ее реализации в образовании

В. М. Мапельман

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

mapelman@mail.ru

Аннотация. Обозначаются проблемные зоны, проявившие себя в ходе постановки задачи по созданию «искусственного человека», «искусственной личности». Раскрывается связанный с применением искусственного интеллекта аспект моральных и нравственных оценок виртуальной образовательной деятельности. Рассматриваются терминологические особенности и соотношения таких понятий, как «сознание» и «интеллект», «человек» и «личность». Сделан вывод об определенной произвольности их трактовок в современном научном и особенно естественно-научном знании и техникзнании и об условности использования терминов «искусственный интеллект» и «сильный искусственный интеллект», что свидетельствует о сложности формулирования задачи по созданию искусственной личности.

Ключевые слова: сознание, интеллект, искусственный интеллект, человек, личность, искусственная личность, общество, культура, творчество, моральная оценка, нравственная оценка

Для цитирования: Мапельман В. М. «Создание „искусственной личности“: возможность постановки задачи и ее реализации в образовании». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 128–136.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-128-136> EDN: QLEUOV.

Original article

Creating an “artificial personality”: The possibility of setting a task and its realization in education

V. M. Mapelman

Moscow City University, Moscow, Russia

mapelman@mail.ru

Abstract. In this work, the problem areas that have manifested themselves in the course of setting the task of creating an artificial human, artificial personality are outlined. The aspect of moral and ethical assessments of virtual educational activities related to the application of artificial intelligence is revealed. The terminological features and correlations of such concepts as ‘consciousness’ and ‘intelligence’, ‘human’ and ‘personality’ are considered. The conclusion has been made about a certain arbitrariness of their interpretations in modern scientific and especially natural science knowledge and technical science and about the conventionality of using the terms ‘artificial intelligence’ and ‘generative artificial intelligence’, which indicates the difficulty of formulating the task of creating an artificial personality.

Keywords: consciousness, intelligence, artificial intelligence, human, personality, artificial personality, society, culture, creation, moral assessment, ethical assessment

For citation: Mapelman V. M. “Creating an ‘Artificial Personality’: The Possibility of Setting a Task and Its Realization in Education”. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 128–136. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-128-136>

Введение. Научные подходы к пониманию искусственного интеллекта, интеллекта, человека, личности

Уровень популярности термина «искусственный интеллект» в настоящее время сложно сравнить по частоте использования с каким-либо иным понятием. Без его упоминания в наши дни не обходятся ни научные сообщения, ни популярные сведения в средствах массовой информации, ни политические документы, ни учебные материалы. Однако оправданность его включения в теоретический и, тем более, в философский контекст нуждается в определенном обосновании. Философы, ссылаясь на английский первоисточник понятия, названного термином artificial intelligence

(AI), приводят три трактовки: «1) научное направление, ставящее целью моделирование процессов познания и мышления, использование применяемых человеком методов решения задач для повышения производительности вычислительной техники; 2) различные устройства, механизмы, программы, которые по тем или иным критериям могут быть названы „интеллектуальными“; 3) совокупность представлений о познании, разуме и человеке, делающих возможным саму постановку вопроса о моделировании интеллекта» (Степин и др., 2010: 2: 159). При этом выделяются три этапа развития исследований в области искусственного интеллекта. Первый — «формирование круга задач, относящихся к данному

научному направлению <...>. Следующий этап связан с приобретением искусственным интеллектом статуса „классической“ научно-технической дисциплины <...>. Третий этап связан с практическим (коммерческим) использованием достижений искусственного интеллекта в разных сферах деятельности» (Степин и др., 2010: 2: 159).

За пределами философского знания искусственный интеллект трактуют как:

- направление в информатике, решающее задачу воспроизведения разумных операций с помощью вычислительных устройств;
- систему интерпретации данных, направленную на достижение поставленных целей;
- технологические приемы, имитирующие интеллектуальную деятельность людей;
- программное и аппаратное обеспечение по сбору и анализу данных;
- способность машины выполнять характерные для человека творческие функции.

Почти все вариации приведенных определений можно объединить одной тавтологичной по своей форме фразой: искусственный интеллект — это интеллект, демонстрируемый машиной. Следовательно, не определив понятие «интеллект», невозможно даже в самых общих чертах сформулировать задачу по созданию искусственной модификации интеллекта. «Интеллект — в общем смысле способность мыслить; в гносеологии — способность к опосредованному, абстрактному познанию, включающая в себя такие функции, как сравнение, абстрагирование, образование понятий, суждение, умозаключение; <...> в психологии — рациональное, подчиненное законам логики мышление; противостоит нерациональным сферам психики — эмоциям, воображению, воле и т. д.» (Степин и др., 2010: 2: 127). Сегодня основные направления исследования интеллекта всё более сосредотачиваются в обла-

стях психологии и зоопсихологии. На полученные в этих сферах научной деятельности результаты прежде всего и ориентируется кибернетика.

А как же сознание, которое нередко трактуется как «состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях» (Степин и др., 2010: 3: 589)? Разнообразие взглядов на сознание тоже велико (его интерпретации замыкаются на знание, интенцию, внимание, самосознание, совокупность идей), в качестве более общего понятия обычно используют «психический процесс». При этом фактически никто не отрицает, что сознание — это не просто работа мозга и продукт высшей нервной деятельности, а еще и результат принципиального влияния на человека социальной среды, в которой он пребывает и действует, а также способность к рефлексии, позволяющей реализовывать процесс самосовершенствования. Сознание является когнитивной основой интеллекта. Интеллект же, в свою очередь, содействует формированию внутреннего мира человека, включенности его в культурную среду, выработке способности к обучению, решению разного рода проблем, адаптации к нестандартным ситуациям.

Однако создается впечатление, что одним из распространенных принципов при рассмотрении вопросов, связанных с сознанием и интеллектом, в последнее время становится принцип вульгаризации (от лат. *vulgaris* — доступное, упрощенное), использование которого путем сведения сложного к простому, последующего к предшествующему позволяет трансформировать смысл этих понятий. В частности, в апреле 2024 г. в Нью-Йорке была принята «Декларация о наличии сознания у животных». Одно из трех ее основных положений гласит: «...эмпирические данные указывают как минимум на реальную возможность сознательного

восприятия у всех позвоночных (включая рептилий, земноводных и рыб) и многих беспозвоночных (включая, как минимум, головоногих моллюсков, десятиногих ракообразных и насекомых)¹. При этом эксперты, подписавшие Декларацию, признают понятие сознания «неуловимым», а примеры, иллюстрирующие включенный в Декларацию вывод, в редком случае доводят до восприятия, ограничиваясь в основном ощущениями. Приводимые свидетельства не выходят за пределы чувственного познания и субъективных переживаний, но сторонники Декларации уверены в наличии «богатой внутренней жизни» у перечисленных живых существ.

Аналогичный подход наблюдается и в отношении представлений о человеке и личности. «Можно разграничить по меньшей мере четыре подхода к определению того, что такое человек: 1) человек в естественной систематике животных, 2) человек как сущее, выходящее за рамки живого мира и в известной мере противостоящее ему, 3) человек в смысле „человеческий род“ и, наконец, 4) человек как индивид, личность» (Степин и др., 2010: 4: 344). В философии традиционно человек трактуется как воплощенное триединство тела, души и духа. Предлагаемая же современной эволюционной биологией модель человека ограничивает его тело плотью, а сознание — психикой. По сути дела, человек рассматривается как высшая из известных ступень развития животного, наделенного дополнительно сознанием, речью, способностью к труду и потребностью общения с подобными себе. На фоне человека, практически осваивающего действительность, личность трактуется рядом философов (в частности, Н. А. Бердяевым, Г. Марселем, М. Бубером) как уникальный индивид, который рассматривается как общественное существо с соответствующими персонифи-

цированными качествами. Однако «в 20 в. в связи с осмыслением феноменов „массового человека“, „бегства от свободы“, „общества потребления“ и т. п. традиционная концепция личности была поставлена под вопрос. Проблематичность „бытия личностью“ в дегуманизированном мире является главной темой в философии» для многих мыслителей (Степин и др., 2010: 2: 401).

Проблема объема понятия искусственного интеллекта

Так чего же ожидают в наше время при постановке задач создания искусственного интеллекта, а в перспективе — «искусственной личности»? Отождествив разум человека с программным обеспечением, а мозг с компьютером, *искусственный интеллект* всё больше стремятся представить в качестве комплекса программ, имитирующих навыки человека в определенных, поддающихся формализации видах деятельности. Это планирование, решение задач, анализ и систематизация данных, игра, управление механизмами, распознавание объектов, пополнение своего функционала. Среди главных достоинств искусственного интеллекта подчеркивают в основном количественные характеристики — максимально высокую скорость выполнения поставленных задач и охват значительного объема сведений. Общепринятой трактовки понятия «искусственный интеллект» нет. Даже те, кто предлагал этот термин (Дж. Маккарти, А. Тьюринг, Дж. фон Нейман), сознание от интеллекта не отличали.

Довольно активно сегодня используются также понятия слабого и сильного искусственного интеллекта. Считается, что для слабого искусственного интеллекта характерны упомянутые выше формализованные акты, не выходящие за пределы поставленных задач, когда сведения извлекаются из ограниченного набора работающих

¹ Andrews K., Birch J., Sebo J., Allen C., Anokhin K. et al. “The New York Declaration on Animal Consciousness”. April 19, 2024. *New York University*. Web. May 13, 2025. <<https://sites.google.com/nyu.edu/nydeclaration/declaration>>.

в заданном диапазоне данных. Вместе с тем сильный искусственный интеллект трактуется как равный естественному и даже превосходящий его. Например, это могут быть роботы, умеющие выражать мысли, чувства, обучаемые, помимо прочего, обладающие элементами самосознания. В качестве перспективных шагов в этом направлении рассматриваются чат-боты или игра *Detroit: Become Human*. Разработчики рассчитывают на то, что в ходе реализации этой игры будет продемонстрирована способность искусственной системы к творческому действию и моральному поведению, однако при этом они не дают никакого объяснения, что в данном случае они подразумевают под творчеством и поведением, тем более моральным.

Проблемная зона: искусственный интеллект и «человек разумный»

Американский философ Хьюберт Дрейфус в свое время обратил внимание на особенность решения задач по созданию искусственного интеллекта: такие решения строятся в рамках биологических, психологических, эпистемологических и онтологических допущений, принятых на основе метода аналогии (от частного к частному). При этом у него вызвал сомнение постулат о том, что все виды человеческой активности могут быть разобраны на атомарные состояния и математически формализованы: «Даже если бы удалось с помощью техники сканирования, использующей логически независимые элементы, загнать весь мир в вычислительную машину, это еще не означало бы а priori, что его можно снова воссоединить в единое целое. Фактически сами попытки обосновать а priori тезис, что, поскольку мир может быть разложен на элементы, его можно интерпретировать с помощью формальных правил, приводят как раз к обратному заключению» (Дрейфус, 2010: 262—263).

Сегодня искусственный интеллект никак не может проявить себя в неструктурирован-

ном или неизвестном пространстве, в действиях, требующих от человека постоянно развивающейся зрительно-моторной координации, или при решении задач разноприродного стратегического планирования.

Так к чему же стремится сегодня наука — к созданию «искусственного человека», нового субъекта истории или иного, технического обитателя Вселенной? Как ни странно, особая активность в «выпячивании» этой проблемы проявляется политиками, средствами массовой информации и представителями массовой культуры.

Проблемная зона: «искусственный человек» и творческая активность естественного человека

Невозможно отрицать, что искусственный интеллект позволяет освободить человека от рутинных занятий, принципиально сократить время на обработку собранной информации, предлагает оптимальные выходы из проблемных ситуаций. Однако пока он не может компенсировать творческий процесс, богатство межличностного общения, способность к эмоциональному сопереживанию в отношениях с другим человеком. Возможно, решение подобных проблем — дело времени? Не стоит забывать, что совершенствование информационных технологий — это не спонтанный природный процесс, а дело рук человека и реализация социального запроса, а следовательно, пора задуматься, каких целей мы планируем достичь, развивая технологии искусственного интеллекта. Собирается ли человечество вводить этические регуляторы подобных видов деятельности? Правомочно ли вообще любые научно-технические процессы квалифицировать как прогрессивные? Очевидно, что не случайно еще в незапамятные времена было выработано «золотое правило нравственности» (по сути — универсальное требование морали), И. Кант в XVIII в. сформулировал принцип категорического

императива, представив его моральную суть в логически строгой форме, а современный ученый А. Азимов предложил правила робототехники.

Однако очевидно и то, что искусственный человек как беспроблемный *объект* манипуляций и управления необходим современной политической элите. И в еще большей степени ей необходима «искусственная личность» как *субъект* творчества. Между тем еще Н. А. Бердяев предупреждал: «Человек глубже и первичнее своего психологического и биологического», а его самосознание «трансцендентно природному миру и не объяснимо из него» (Бердяев, 1989: 297). Едва ли подобный эффект достижим в условиях информационного и тем более цифрового общества, для которых характерно «стирание» индивидуального лица и появление персонажа с «приросшей» к нему конкретной маской, заданной социальной ролью и функциями (другими словами, утратившего личностную, но не человеческую, уникальность).

Личность — это не машинный код и не персонаж, способный исключительно мыслить и анализировать. У нее нет прописанной программы и потому она полна эмоций, переживаний, впечатлений, заблуждений, интересов, вкусов, нестандартностей, нелогичности и многого другого, в том числе и чувства юмора. Кроме того, характерное для личности творчество распространяется не только на материальную жизнь общества, но и на духовную.

Даже в прикладных сферах жизни и деятельности творчество может быть не только производственно-техническим, но и предпринимательским, изобретательским, игровым, повседневно-бытовым, спортивным, правовым, политическим, организаторским, педагогическим и др. А эмоционально-интеллектуальная и духовная сферы отличаются особыми видами проявлений творчества: научное, философское, художественное, мифологическое, религиозное,

музыкальное и т. д. Именно поэтому при форсировании реализации задачи создания «искусственной личности», во-первых, обязательно возникнут проблемы морально-нравственного характера, а во-вторых, не просто сохранятся, а даже усугубятся все мешающие творческому процессу психологические препятствия. Американский психолог Гарднер Линдсей выделил четыре таких препятствия: «*Конформизм* — желание быть похожим на другого — основной барьер для творческого мышления <...>. *Цензура* — в особенности внутренняя цензура <...>. Третий барьер творческого мышления — это *ригидность*, часто приобретаемая в процессе школьного обучения <...>. Четвертым препятствием для творчества может быть *желание найти ответ немедленно*. Чрезмерно высокая мотивация часто способствует принятию непродуманных, неадекватных решений <...>».

Конечно, эффективность результатов свободной творческой фантазии и воображения далеко не очевидна; может случиться так, что из тысячи предложенных идей только одна окажется применимой на практике. Разумеется, открытие такой идеи без затрат на создание тысячи бесполезных идей было бы большой экономией. Однако эта экономия мало вероятна, тем более что творческое мышление часто приносит удовольствие независимо от использования его результатов» (цит. по: Гиппенрейтер, Петухов, 1981: 150—151). К перечисленным барьерам творческого мышления можно добавить и элементарную лень, и положительный консерватизм.

Проблемная зона: оценка практик применения искусственного интеллекта в образовании

Несмотря на то что планируемый «искусственный персонаж» («искусственная личность») сложно квалифицировать как личность, его создание уже начинает осуществляться через систему образования путем

пересмотра ценностных ориентиров поведения в обществе (нравственных составляющих), с помощью внедрения соответствующих методов и приемов обучения и воспитания, при этом значимость моральных ценностей сохраняется и поддерживается.

Необходимо отметить, что практически всем технологиям искусственного интеллекта, используемым в образовании, можно дать двойственную оценку, хотя обычно подчеркивается только их позитивный эффект.

1. *Адаптивное обучение.* С одной стороны, данная форма обучения позволяет приспособить учебный материал к способностям отдельного ученика, а с другой стороны — препятствует расширению диапазона тех его способностей, развитие которых возможно только с помощью системы общего образования.
2. *Персонализированные учебные планы.* Безусловно, эта форма образования делает возможным создание индивидуализированных курсов, предоставляя учащимся возможность получать наиболее актуальные и востребованные материалы, осуществлять корректировку конкретного образовательного пути. Однако при этом создаются реальные препятствия в сфере профессиональной коммуникации для преподавателей, как в отношениях между коллегами, так и в плане учета опыта, накопленного в соответствующей области в предшествующие периоды.
3. *Автоматизация административных задач и учебного процесса* ускоряет составление расписаний и проведение операций в делопроизводстве, упрощает проверку домашних заданий и оценивание тестов. Вместе с тем автоматизированные формы управления учебным процессом полностью игнорируют личностные обстоятельства преподавателей и студентов и возможные нештатные ситуации, поэтому делопроизводство становится бездушным актом и может нанести вред конкретным

людям. Кроме того, автоматическая проверка домашних заданий (и прежде всего тестов) представляет собой в большинстве случаев не столько обучение, сколько «натаскивание», другими словами, решению педагогических задач чаще всего не способствует, а препятствует.

4. *Скоростная аналитика и прогнозирование,* с одной стороны, обеспечивают обработку больших объемов необходимых для учебного процесса данных, но, с другой стороны, при этом создаются условия для реальной угрозы конфиденциальности и безопасности данных.

Оценка инновационных виртуальных образовательных технологий

Следует отметить, что сторонники внедрения искусственного интеллекта в образование считают потенциально прогрессивными еще три инновационные образовательные формы.

1. *Тьюторинг* как виртуальное наставничество. Главная задача тьютора — помочь обучающемуся самому разобраться в изучаемом материале. Фактически это помощь в осуществлении самообразования (самообразования). С одной стороны, виртуальный тьюторинг позволяет выявлять и учитывать индивидуальные способности, склонности, потребности и возможности каждого ученика; обеспечивает оперативную обратную связь; расширяет круг общения между учащимися. Однако, с другой стороны, возникают проблемы образовательные (неоднородность аудитории общения), технические (необходимость соответствующего оборудования, угроза конфиденциальности и безопасности данных), педагогические (дефицит эмоциональной составляющей непосредственного общения с педагогом-предметником). Кроме того, при виртуальном тьюторстве основная функция учителя (педагога) как

воспитателя и морального авторитета либо вообще не реализуется, либо довольно быстро нивелируется.

2. *Развитие творческих способностей и критического мышления* у обучаемых с помощью интерактивных технологий. Утверждения, что использование подобных технологий расширяет кругозор, позволяет быстро находить достоверную информацию, делает разнообразным круг общения, способствует получению честного заработка, — пока существуют на уровне устойчивых заблуждений. Попытки в ходе научных исследований получить подтверждение данных допущений не дали ожидаемых результатов.
3. *Глобальный доступ к образованию* посредством образовательных платформ и приложений. Подобные возможности доступны сегодня далеко не всем, а идеологическая насыщенность образования строго контролируется владельцами соответствующих компаний и каналов (официальными и неофициальными центрами).

Заключение

Таким образом, сложность формулирования задачи по созданию «искусственной личности» во многом обусловлена следующими проблемными зонами: 1) вольность и несогласованность трактовок соответствующей научной терминологии, прежде всего понятий «человек» и «личность», «сознание» и «интеллект»; 2) в процессе создания искусственного интеллекта и «искусственного человека» — сведение нравственных ценностных ориентиров к моральным (вплоть до их

отождествления); 3) двойственность оценок технологий искусственного интеллекта, применяемых в образовании, в том числе и в виртуальной образовательной деятельности.

Научная терминология представляет собой динамичную систему понятий, отражающих уровень и степень познания процессов действительности. Она является результатом соответствующих, нередко междисциплинарных, исследований. Произвольность же ее использования обычно связана не с углублением и совершенствованием содержания научных понятий, а со стремлением к упрощению (до односторонности) подхода к рассматриваемым явлениям. Содержательная несогласованность в трактовках научных понятий, попадая в систему образования, наносит ощутимый ущерб мировоззрению и мировосприятию обучающихся.

Кроме того, и научная, и образовательная сферы деятельности во всех компонентах социализации (познавательном, деятельностном, поведенческом) несут ценностный отпечаток. И если моральные ценности человека (область морального сознания), в силу своего исторического авторитета, как правило, координируются деликатно и постепенно, то нравственные ценности (область нравственных поступков) могут внедряться и контролироваться со стороны, насильственным путем, даже вопреки моральным убеждениям человека. Поэтому желательно помнить слова Ф. М. Достоевского, сказанные им в романе «Униженные и оскорбленные»: «Главное в человеке не ум, а то, что им управляет: характер, сердце, добрые чувства».

Список литературы и источников / References

- Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М.: Правда, 1989. 607 с. Из истории отечественной философской мысли.
- Berdyayev N. *The Meaning of the Creative Act*. Transl. by D. A. Lowrie. Forew. by B. Jakim. Philmont, NY: Semantron Press, 2023. 358 p. Collected works of Nikolai Berdyayev.
- Гиппенрейтер Ю. Б., ред., Петухов В. В., ред. *Хрестоматия по общей психологии: психология мышления*. М.: Изд-во МГУ, 1981. 400 с.

Gippenreyter Yu. B., Petukhov V. V., eds. *A Reader on General Psychology: The Psychology of Thinking*. Moscow: Lomonosov State Up, 1981. 400 p. (In Russian).

Дрейфус Х. *Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума*. Пер. с англ. Н. Родман. 2-е изд. М.: Либроком, 2009. 333 с. Науки об искусственном.

Dreyfus Hubert L. *What Computers Can't Do: A Critique of Artificial Reason*. New York: Harper & Row, 1972. xxxvi, 260 p.

Степин В. С., предс. науч.-ред. совета, и др., Институт философии РАН. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 634 с.

Stepin V. S., head of sci.-ed. board, et al., RAS Institute of Philosophy. *New Philosophical Encyclopedia*. Vol. 2. Moscow: Mysl', 2010. 634 p. (In Russian). 4 vols.

Степин В. С., предс. науч.-ред. совета, и др., Институт философии РАН. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. 692 с.

Stepin V. S., head of sci.-ed. board, et al., RAS Institute of Philosophy. *New Philosophical Encyclopedia*. Vol. 3. Moscow: Mysl', 2010. 692 p. (In Russian). 4 vols.

Степин В. С., предс. науч.-ред. совета, и др., Институт философии РАН. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010. 734 с.

Stepin V. S., head of sci.-ed. board, et al., RAS Institute of Philosophy. *New Philosophical Encyclopedia*. Vol. 4. Moscow: Mysl', 2010. 734 p. (In Russian). 4 vols.

Информация об авторе

Мапельман Валентина Михайловна — доктор философских наук, профессор, профессор Дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1), mapelman@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8300-2065.

Information about the author

Valentina M. Mapelman — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor at the Directorate of Educational Programs, Moscow City University (Russia, 129226, Moscow, Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, 4, bldg. 1), mapelman@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8300-2065.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024, одобрена после рецензирования 06.02.2025.

The article was submitted 10.12.2024, approved after reviewing 06.02.2025.

Искусственный интеллект: о «новой этике» М. Габриэля

И. Е. Прись

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

frigpr@gmail.com

Аннотация. Критически оценивается «новая этика» искусственного интеллекта, предложенная М. Габриэлем. Утверждается, что в отличие от интеллекта человека искусственный интеллект лишен нормативного измерения или, что эквивалентно, чувствительности к контексту. Автор показывает противоречие между точкой зрения М. Габриэля и реалистическим контекстуальным подходом к этике у Ж. Бенуа, и моральным реализмом Т. Уильямсона, согласно которым первичны не принципы, а моральное восприятие в контексте, парадигматические примеры морального знания. Сравниваются подходы к пониманию искусственного интеллекта М. Габриэля, Д. Андлера, Л. Флориди, С. Рассела. Доказывается целесообразность принципа умеренности Д. Андлера. Реалистическая концепция искусственного интеллекта (ИИ) противопоставляется идеалистической концепции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика ИИ, Габриэль, моральный прогресс, автономия, контекст, нормативность, моральный реализм, принцип умеренности

Финансирование работы: работа выполнена в рамках НИР «Сознание и искусственный интеллект в условиях цифровых трансформаций: научно-методологический и социогуманитарный аспекты» Института философии НАН Беларуси.

Для цитирования: Прись И. Е. «Искусственный интеллект: о „новой этике“ М. Габриэля». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 137–145. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-137-145> EDN: QVIFKL.

Original article

Artificial Intelligence: On M. Gabriel's "New Ethics"

I. E. Pris

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

frigpr@gmail.com

Abstract. The "new ethics" of artificial intelligence proposed by M. Gabriel is critically evaluated. It is argued that, unlike human intelligence, artificial intelligence is devoid of a normative dimension, or, equivalently, context sensitivity. The author shows the contradiction between M. Gabriel's viewpoint and J. Benoist's contextual realist approach to ethics, and T. Williamson's moral realism, according to which it is not principles that are primary, but moral perception in context, paradigmatic examples of moral knowledge. The approaches to artificial intelligence by M. Gabriel, D. Andler, L. Floridi, and S. Russell are compared. The validity of D. Andler's principle of moderation is affirmed. The realist conception of artificial intelligence (AI) is opposed to its idealist conception.

Keywords: artificial intelligence, AI ethics, Gabriel, moral progress, autonomy, context, normativity, moral realism, moderation principle

Funding: the work has been carried out within the project "Consciousness and Artificial Intelligence in the conditions of digital transformations: Scientific, methodological and socio-humanitarian aspects" of Institute of Philosophy of NAS of Belarus.

For citation: Pris I. E. "Artificial Intelligence: On M. Gabriel's 'New Ethics'". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 137–145. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-137-145>

Введение

Быстрое развитие систем искусственного интеллекта (ИИ) влечет за собой возникновение новых этических проблем. Выделим три взаимосвязанных значения термина «этика искусственного интеллекта»¹. Во-первых, это исследование этических вопросов, связанных с производством и применением ИИ. Во-вторых, исследование возможностей создания ИИ этического согласно дизайну. Наиболее общие принципы здесь те же, что и в медицинской этике — благодеяние, непричинение вреда, справедливость, автономия (человека), плюс спе-

цифический для ИИ принцип объясняемости. Принципы могут незначительно варьироваться (Andler, 2023; Coeckelbergh, 2020). Так, П. Брей и Б. Дейноу упоминают шесть принципов: «свобода (они еще говорят о человеческой агентности, включающей в себя свободу, автономию и достоинство. — И. П.), неприкосновенность частной жизни (privacy), справедливость, прозрачность, подотчетность и благополучие (отдельных людей, общества и окружающей среды)» (Brey, Dainow, 2024: 4: 1267—1268). К ним можно добавить безвредность и ответственность. Эти абстрактные принципы

© Прись И. Е.

¹ Специалисты включают в трактовку понятия «искусственный интеллект» не только программы, алгоритмы, запрограммированные компьютеры и роботы (системы ИИ), но также и соответствующие лаборатории, институты, проекты. Обычно по контексту употребления термина ИИ можно понять, о чем идет речь. В будущем, возможно, этот термин будет также обозначать некоторое новое общее свойство, присущее всем системам ИИ.

дополняются более оперативными. Наконец, в-третьих, возникает вопрос об ИИ, который обладал бы способностью открывать или производить новые этические ценности.

Цель новой этики ИИ, или этики Нового Просвещения, предлагаемой немецким философом М. Габриэлем, можно понимать так: в процессе глобальной кооперации культур, обладающих различными ценностями, создать мощный этический по своему дизайну ИИ, некоего АльфаБудду, или АльфаИисуса, который бы открывал или помогал человеку открывать и социально-экономически воплощать новые моральные факты и законы (в том числе и в отношении самого ИИ), т. е. активно способствовал бы не просто радикальным изменениям общества, а рационально контролируемому, научно направляемому моральному прогрессу. Такой ИИ рассматривается Габриэлем как система универсализации морали, помогающая понять, кто мы есть как человеческие существа, кем мы хотим быть и кем мы должны стать². Этот проект вызывает некоторые оговорки и опасения — в частности, они касаются возможной потери человеком его автономии, по крайней мере частично.

ИИ vs естественный интеллект

Прежде всего оценка проекта Габриэля требует ответа на вопрос «как соотносятся ИИ и интеллект человека?». Мы трактуем отношение между ними в терминах категориального различия между идеальным (нормативным) и реальным. Это различие можно также объяснить в терминах витгенштейновской проблемы следования правилу. ИИ

следует формальным (машинным) правилам (Прись, 2024а; Прись, 2024б). Близкая точка зрения отстаивалась С. Шэнкером в его книге «Замечания Витгенштейна об основаниях ИИ» еще в 1998 г. (Shanker, 1998). Это также согласуется с тем, что ИИ, по мнению французского философа Д. Андлера, относится к человеку как тень к ковбою, а по мнению Габриэля — как карта (ИИ) к территории (человек)³ (Andler, 2023). Для Габриэля ИИ — модель мысли, так как ИИ имеет не нейробиологическое, а искусственное основание (Gabriel, 2018). Расхождение между нами и Габриэлем — в следующем: для Габриэля мысль реальна, является чем-то вроде природного шестого чувства человека⁴, в отличие от не имеющего собственной реальности информационного процесса (с этой точки зрения ИИ не мыслит), тогда как для нас она идеальна, но это подразумевает ее укорененность в реальности, в том числе и нейробиологической (согласно концептуальной грамматике понятия «мысль»).

На этапе предыдущего исследования мы утверждали, что ИИ не интеллект и в рамках существующей натуралистической парадигмы никогда им не будет, поскольку он лишен нормативного измерения, или, что эквивалентно, чувствительности к контексту. Идея трансгуманизма — миф. Так называемый момент сингулярности никогда не наступит (Прись, 2024а; Прись, 2024б)⁵. В то же время протеевский проект создания автономного ИИ по образу и подобию человека несет в себе угрозу, поэтому от него следует отказаться. Схожую позицию занимает

² Gabriel Markus, Scheu René. “The New Ethics of AI”. DLD 24. *YouTube*. 11 Jan. 2024. Web. 30 Jan. 2025. <<https://www.youtube.com/watch?v=ynBU7untOoc>>.

³ Ibid.

⁴ По этой причине для Габриэля человеческий интеллект — «искусственный интеллект» (но, разумеется, не в том смысле, в котором мы говорим об ИИ) (Gabriel, 2018).

⁵ Из современных философов этой же точки зрения придерживаются, например, М. Габриэль, Д. Андлер, Л. Флориди, М. Битболь. Противоположной точки зрения придерживается, например, Д. Чалмерс (Chalmers, 2010).

⁶ «Интеллект — это не вещь, не явление, не процесс и не функция, а норма, которая применяется к поведению: он квалифицирует отношение между человеком и его миром, причем таким образом, который никогда не является объективным и окончательным» (Andler, 2023: 12).

Д. Андлер: контекст имеет нормативное измерение, а интеллект — это нормативность⁶, тогда как ИИ лишь способен решать проблемы, что является второстепенной задачей для человеческого интеллекта (Andler, 2023; Andler, 2000). Маркус Габриэль, напротив, определяет интеллект как способность решать проблемы. В этом смысле ИИ может быть умнее, чем человек, хотя и не обладает высшей формой мышления — рефлексивной. Также в работах Габриэля можно найти высказывание, что никто не знает, что такое мышление, мысль. Если мысль есть нечто абстрактное, процесс в реальности, необязательно предполагающий нейробиологическое основание, то даже о современных системах ИИ можно сказать, что они мыслят. В этом случае, согласно Габриэлю, модель, т. е. ИИ, принадлежала бы той же «реальности», что и моделируемая система, т. е. мысль человека.

Итальянский философ Л. Флориди считает, что вопрос о том, мыслит ИИ или нет, не имеет значения (Floridi, 2023). Важно то, что ИИ делает и способен делать. Флориди считает, что ИИ не мыслит, но является агентом. ИИ — новый вид агентства. Это нечеловеческое, бездумное агентство, преобразующее окружающую среду и требующее ее преобразования (семантизации, наполнения содержанием). В противном случае ИИ не мог бы использоваться. Но если под агентством понимать способность совершать полноценные действия, нельзя назвать искусственные системы агентами. Действия, как и суждения, нормативны. К ним способны только люди.

Новый моральный реализм vs контекстуальный реализм

Согласно новому моральному реализму Габриэля, существуют универсальные, априорные, абсолютные и неизменные моральные принципы, которые сначала открываются, а затем применяются во внешнем по

отношению к ним контексте (Gabriel, 2020). Этот неоклассический подход к морали вступает в противоречие с реалистическим контекстуальным подходом французского философа Ж. Бенуа, который мы разделяем, и моральным реализмом британского философа Т. Уильямсона, критикующего моральный инференциализм (Прись, 2023; Williamson, 2022). Проблематична и более общая позиция — моральный принципиализм (различные принципы могут противоречить друг другу, по-разному интерпретироваться, их применимость зависит от контекста). На самом деле первичны не принципы, а моральное восприятие в контексте, парадигматические примеры морального знания (Прись, 2023).

Следует также принять во внимание уильямсоновскую критику интернализма и когерентизма в эпистемологии, а также витгенштейновскую критику понятия морального факта, в котором содержались бы все его применения. Этика не может обойтись без онтологии (моральных фактов), но и не может редуцироваться к онтологии. То, что есть, не может сказать о том, что должно быть. Другими словами, введение платонизирующего (идеального), но неметафизического измерения необходимо (Прись, 2023). Но это как раз то, чего ИИ лишен по определению.

Новая этика ИИ, на наш взгляд, подразумевает общий подход Габриэля к морали (Gabriel, 2020). Но если ИИ не чувствителен к контексту (в противном случае он не был бы ИИ, а был бы человеком или, быть может, неким автономным нечеловеческим интеллектом с нечеловеческой моралью), тем более контексту моральному — а суть морали заключена в такой чувствительности, — то возникает вопрос о возможности реализации предлагаемой Габриэлем программы морального прогресса при помощи ИИ и о потенциальных последствиях попыток ее реализации. Возможно, моральный проект

Габриэля «Будь прогрессивным!» следует заменить более умеренным проектом.

На пути к кантовскому и витгенштейновскому ИИ

Классический символический ИИ (1) — это программа, алгоритм, расширенная логика. Сменивший его коннекционистский ИИ (2) — искусственная нейронная сеть. Философия первого — рационализм (всё — логика!); философия второго — эмпиризм (всё — перцепция!), хотя он содержит в себе и существенные элементы символического ИИ. Так называемое глубокое обучение и большие языковые модели (ChatGPT и др.) — это современное развитие коннекционизма. Предположительно, ИИ в ближайшем будущем синтезирует оба подхода. Философию такого гибридного ИИ мы бы условно сравнили с кантовским критическим синтезом рационализма и эмпиризма⁷.

Соответственно, этика может быть встроена в ИИ сверху вниз (кажется, этот подход ближе принципиалистскому подходу Габриэля), но она может быть встроена в него и снизу вверх, путем обучения ИИ на больших массивах эмпирических данных.

Так, С. Рассел предлагает альтернативу принципиализму. Суть его подхода в том, чтобы ориентировать этику ИИ на предпочтения человека, которые бы выявлялись

из статистических данных о его поведении (Russell, 2020: ch. 7). Этот подход — индуктивизм, как отмечает Д. Андлер, — основан на иллюзиях. На самом деле невозможно чисто статистически выявить предпочтения человека, поведение определяется далеко не только предпочтениями; и, наконец, будущее не всегда должно определяться прошлым — как такое будущее, которое имеет высокую вероятность наступления (в кризисных и неразрешимых ситуациях, а также в науке и искусстве такая вероятностная рациональность непригодна) (Andler, 2023: 223).

ИИ как новый вид реальности

ИИ — новый вид реальности. Но он не существует сам по себе (абсолютно), а интегрирован в социально-экономические, культурные, политические, материальные и другие отношения, практики, т. е. имеет реальные условия своего существования. Если мы перестанем заботиться о нем, он исчезнет. ИИ — сложная технология. Как известно, когда сложная технология используется большим количеством независимых агентов, возникают ситуации, когда не агенты контролируют технологию, а технология агентов, что говорит о ее реальности.

Существует общая проблема контроля ИИ, в частности проблема согласования

⁷ Аналогичное сравнение делает Р. Эванс. Он пишет: «Нейронная сеть — интеллектуальный предок (ancestor) эмпиризма, так же как логическое (logic-based) обучение — интеллектуальный предок рационализма. Кантовское объединение эмпиризма и рационализма — когнитивная архитектура, которая пытается комбинировать лучшее из обоих миров и указывает путь к гибридной архитектуре, комбинирующей лучшее из нейронных сетей и логических подходов» (Evans, 2022: 41).

Ряд ученых считает, что кантовский категорический императив может быть формализован, алгоритмизирован и встроен в ИИ (см., напр: Evans, 2022; Powers, 2006; Lindner, Bentzen, 2019). Другие заключают, что ИИ не может быть подлинным кантовским моральным агентом, поскольку он не обладает свободой воли, автономией и рациональностью в кантовском смысле (Chakraborty, Bhuyan, 2024). С точки зрения нашего контекстуального / нормативного подхода, последнее заключение очевидно. Вместе с тем ИИ, имитирующий этического агента, возможен и имеет практическое значение. Например, в статье З. Гудмунсена утверждается, что ИИ может реагировать на рациональные, в частности моральные, основания, выносить (моральные) суждения и принимать (моральные) решения. Вместе с тем в той же статье утверждается, что ИИ не может быть аутентичным, или ответственным (моральным) агентом (Gudmunson, 2025). Соглашаясь лишь с последним, отметим, что (аутентичные) восприимчивость к рациональным основаниям, а также суждения и решения являются нормативными, тогда как у ИИ они чисто каузальны и, следовательно, представляют собой лишь имитацию.

⁸ В русскоязычной литературе употребляются еще термины «проблема сонастройки» и «проблема выравнивания».

(alignment) этики ИИ с этикой человека⁸. Мы не в состоянии полностью контролировать ИИ. Поэтому мы хотим, чтобы по крайней мере ценности, вложенные в ИИ, совпадали или согласовывались с ценностями человека. Эта проблема может оказаться неразрешимой (Ander, 2023: § 10.5)⁹. Дилемма здесь следующая: либо мы конструируем такие ИИ, которые не могут решать сложные задачи, которые мы без помощи ИИ тоже не можем решать, но хотели бы, чтобы они были решены; либо мы конструируем такие ИИ, которые способны решать сложные задачи, но в то же время оказываются, по крайней мере частично, (квази)автономными¹⁰. Проблема в том, что (квази)автономной системе невозможно навязать ценности извне по определению. Она сама выбирает ценности и выбирает, принять или нет ту или иную предлагаемую ей систему ценностей.

Аспектом проблемы согласования является проблема определения того, какие человеческие ценности должны быть приоритетными для согласования, чьи ценности должны быть закодированы в системах ИИ. Это проблема «ценностного плюрализма, при котором различные люди и культуры придерживаются разнообразных, противоречивых и несводимых друг к другу ценностей. Недемократическое согласование ценностей лишает пользователей возможности выступать в качестве полноценных эпистемиче-

ских агентов и, как следствие, полноценных моральных агентов» (Huang, Papyshev, Wong, 2025: 14). Трудно, а быть может, невозможно сделать так, чтобы ИИ одновременно принял во внимание интересы общества в целом, различных групп людей и отдельных людей¹¹. Также существуют разные нормативные этические теории. Мысленный эксперимент с автономным автомобилем как версия классического мысленного эксперимента «проблема вагонетки» иллюстрирует проблему. В зависимости от заложенной в программу ИИ системы нормативной этики — деонтологической или утилитаристской, а также от их интерпретаций, ИИ будет «поступать» так или иначе в некоторых хорошо определенных (соответствующих алгоритму ИИ) ситуациях (см. анализ проблемы, в частности в кантианской перспективе: (Huang, Papyshev, Wong, 2025; Kim, Schöneck, eds, 2022: ch. 6—8)).

Принцип умеренности

Но даже если ИИ будет относительно безопасен, мы можем попасть в зависимость от него, поскольку, живя в преобразованном под него мире, мы уже больше не сможем без него обойтись. Возникает вопрос: хотим ли мы жить в мире, созданном для машин, и не иметь возможности обойтись без них?

Андлер, например, выдвигает принцип умеренности, следование которому

⁹ В научной дискуссии обсуждается также связанная с проблемой согласования «проблема разрыва ответственности» (responsibility gap), которая поднимает вопрос о том, кто несет ответственность за непредсказуемые действия, совершаемые самообучающимся (квази)автономным ИИ. На наш взгляд, попытка переложить ответственность, хотя бы частично, на ИИ — несостоятельна.

¹⁰ Сегодня ИИ считается автономным, если его поведение не детерминировано исходным, вложенным в него знанием, а он самостоятельно способен интегрировать новую эмпирическую информацию из окружающей среды и вести себя в соответствии с ней, вообще говоря, непредсказуемым образом. (Если бы ИИ был полностью предсказуем, мы бы не нуждались в его услугах.) Таким образом, это не кантовское понимание автономии.

¹¹ Для решения проблемы согласования применяется философия позднего Витгенштейна (Perez-Escobar, Sarikaya, 2024). Предлагается принять во внимание психологический, социальный и культурный контексты, их изменчивость. Несмотря на то что такой подход действительно позволяет снизить остроту проблемы, он, как представляется, основан на имитации чувствительности к контексту. Никакого подлинного следования правилу в том смысле, в котором его понимает Витгенштейн, здесь нет. Что же касается имитации витгенштейновского ИИ, то она возможна, но сложнее, чем имитация кантовского ИИ (см. попытки использовать ресурсы философии Канта для улучшения «когнитивных» и «этических» способностей ИИ: (Evans, 2022; McDonald, 2023; Kim, Schöneck, eds, 2022; Schlicht, 2022)).

представляется наиболее целесообразным: «Используйте искусственный интеллект только тогда, когда риски снижены, а выгоды значительны; используйте системы ИИ, которые максимально просты и способны обеспечить ожидаемый сервис» (Andler, 2023: 224). Этот принцип предполагает: 1) не поручать ИИ те задачи, которые можно решить без него; 2) не придавать ИИ гуманоидное обличье; 3) не использовать ИИ там, где требуется интеллект человека (т. е. не только способность решать проблемы), — в частности, не поручать ИИ задачи, решение которых требует мудрости.

Квантовая логика в известном смысле принимает во внимание не(пред)определенность и контекстуальность, свойственные решениям и поступкам людей. Можно поэтому предположить, что основанный на ней квантовый или квантовоподобный ИИ бу-

дет человекоподобным (Прись, 2024с). Но и такой ИИ никогда не станет умным и этическим, не приблизится к человеку, так как контекст не редуцируется к логическим операциям.

Заключение

ИИ — имитация интеллекта, этики, автономии, агентства (действия)¹². Концептуальные смещения искусственного и естественного, идеального и реального имеют нежелательные последствия, как теоретические, так и практические. Одна из задач философии ИИ как раз в том и состоит, чтобы отделить одно от другого, максимально выявить различия между ИИ и человеком. Всё, что способен или будет способен делать ИИ, каким бы совершенным он ни был, не относится к природе человека. Другими словами, нам нужна реалистическая, а не идеалистическая концепция ИИ.

Список литературы и источников / References

- Прись И. Е. «Искусственный интеллект и неоекзистенциализм». *Философия в XXI веке: направления и тенденции развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, Зеленоград — Красноярск, 12 апреля 2024): в 3 ч.* Под общ. ред. Н. В. Даниелян. Ч. 2. М.: МИЭТ, 2024а. 159—169. EDN: FOARAA.
- Pris I. E. “Artificial Intelligence and Neo-Existentialism”. *Filosofiya v XXI veke: napravleniya i tendentsii razvitiya: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, Zelenograd — Krasnoyarsk, 12 aprelya 2024)*. Gen. ed. N. V. Danielyan. Moscow: MIET, 2024a. 159—169. (In Russian). 3 parts.
- Прись И. Е. «Искусственный интеллект — не интеллект и никогда им не будет». *Наука и инновации* 9 (259) (2024b): 26—29. EDN: CDNTHD.
- Pris I E. “Artificial Intelligence Is Not Intelligence and Never Will Be”. *Nauka i innovatsii = Science and Innovations* 9 (259) (2024b): 26—29. (In Russian).
- Прись И. Е. «Квантовоподобное моделирование и его философские основания». *Философия науки* 3 (102) (2024с): 109—129. <https://doi.org/10.15372/PS20240307>. EDN: VJUFIK.
- Pris I. E. “Quantum-Like Modeling and its Philosophical Foundations”. *Filosofiya nauki = Philosophy of Science* 3 (102) (2024с): 109—129. (In Russian). <https://doi.org/10.15372/PS20240307>

¹² Могут сказать: «Но ведь это очевидно!» И, с нашей точки зрения, это действительно так. Философское исследование ИИ не столько доказывает отсутствие у ИИ подлинного интеллекта, этики, сколько пытается выявить то, что к ИИ не относится, т. е. природу естественного интеллекта, человека. Вопрос «что такое человек?» Кант, как известно, считал ключевым вопросом философии.

В то же время непредсказуемость ИИ не позволяет считать, что ИИ есть только лишь имитация естественного интеллекта. Системы ИИ также можно рассматривать как новый вид реальности, для которой традиционные понятия обобщаются или приобретают другой смысл. Например, можно ввести неантропоморфное понятие ИИ, заслуживающего доверия (Simion, Kelp, 2023). Также были предложены и обоснованы такие понятия, как «искусственный агент», «искусственный эпистемический авторитет», «обобщенная (применимая к ИИ) пропозициональная установка» и др.

- Прись И. Е. «Контекстуальный моральный реализм». *Сибирский философский журнал* 21.4 (2023): 5—28. <https://doi.org/10.25295/2541-7517-2023-21-4-5-28>. EDN: MIEJMS.
- Pris I. E. “Contextual Moral Realism”. *Sibirskij filosofskij žurnal = Siberian Journal of Philosophy* 21.4 (2023): 5—28. (In Russian). <https://doi.org/10.25295/2541-7517-2023-21-4-5-28>
- Andler D. *Intelligence artificielle, intelligence humaine: la double énigme*. Paris: Gallimard, 2023. 432 p.
- Andler D. “The Normativity of Context”. *Philosophical Studies* 100.3 (2000): 273—303. <https://doi.org/10.1023/A:1018628709589>
- Brey P., Dainow B. “Ethics by Design for Artificial Intelligence”. *AI and Ethics* 4.4 (2024): 1265—1277. <https://doi.org/10.1007/s43681-023-00330-4>
- Chakraborty A., Bhuyan N. “Can Artificial Intelligence Be a Kantian Moral Agent? On Moral Autonomy of AI System”. *AI and Ethics* 4 (2024): 325—331. <https://doi.org/10.1007/s43681-023-00269-6>
- Chalmers D. “The Singularity: A Philosophical Analysis”. *Journal of Consciousness Studies* 17.9-10 (2010): 7—65.
- Coeckelbergh M. *AI Ethics*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2020. 248 p.
- Evans R. “2 The Apperception Engine”. Kim H., Schönecker D., eds. *Kant and Artificial Intelligence*. Berlin: De Gruyter, 2022. 39—103. <https://doi.org/10.1515/9783110706611-002>
- Floridi L. *The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities*. Oxford: Oxford Up, 2023. 272 p.
- Gabriel M. *Der Sinn des Denkens*. Berlin: Ullstein, 2018. 368 S.
- Gabriel M. *Moralischer Fortschritt in dunklen Zeiten: Universale Werte für das 21. Jahrhundert*. Berlin: Ullstein, 2020. 369 S.
- Gudmunsen Z. “The Moral Decision Machine: A Challenge for Artificial Moral Agency Based on Moral Deference”. *AI and Ethics* 5 (2025): 1033—1045. <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00444-3>
- Huang L. T.-L., Papyshv G., Wong J. K. “Democratizing Value Alignment: From Authoritarian to Democratic”. *AI and Ethics* 5 (2025): 11—18. <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00624-1>
- Kim H., Schönecker D., eds. *Kant and Artificial Intelligence*. Berlin: De Gruyter, 2022. v, 290 p. <https://doi.org/10.1515/9783110706611>
- Lindner F., Bentzen M. M. “A Formalization of Kant’s Second Formulation of the Categorical Imperative”. *arXiv*. Rev. 11 July 2019. Web. 15 May 2025. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1801.03160>
- McDonald F. J. “AI, Alignment, and the Categorical Imperative”. *AI and Ethics* 3 (2023): 337—344. <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00160-w>
- Perez-Escobar J. A., Sarikaya D. “Philosophical Investigations into AI Alignment: A Wittgensteinian Framework”. *Philosophy & Technology* 37.3 (2024): 80. <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00761-9>
- Powers T. M. “Prospects for a Kantian Machine”. *IEEE Intelligent System* 21.4 (2006): 46—51. <https://doi.org/10.1109/MIS.2006.77>
- Russell S. *Human Compatible. Artificial Intelligence and the Problem of Control*. New York: Penguin Books, 2020. 352 p.
- Schlicht T. “1 Minds, Brains, and Deep Learning: The Development of Cognitive Science through the Lens of Kant’s Approach to Cognition”. Kim H., Schönecker D., eds. *Kant and Artificial Intelligence*. Berlin: De Gruyter, 2022. 3—38. <https://doi.org/10.1515/9783110706611-001>
- Shanker S. G. *Wittgenstein’s Remarks on the Foundations of AI*. London: Routledge, 1998. xvi, 280 p.
- Simion M., Kelp Ch. “Trustworthy Artificial Intelligence”. *Asian Journal of Philosophy* 2 (2023): 8. <https://doi.org/10.1007/s44204-023-00063-5>
- Williamson T. “Unexceptional Moral Knowledge”. *Journal of Chinese Philosophy* 49.4 (2022): 405—415. <https://doi.org/10.1163/15406253-12340082>

Информация об авторе

Прись Игорь Евгеньевич — доктор философии (PhD), кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2), frigpr@gmail.com, SPIN-код: 2663-6744, ORCID: 0000-0003-1721-6388.

Information about the author

Igor E. Pris — Doctor in Philosophy (PhD), Cand. Sci. (Theor. Phys.), Leading Researcher, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus, 220072, Minsk, Surganova st., 1/2), frigpr@gmail.com, SPIN code: 2663-6744, ORCID: 0000-0003-1721-6388.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024, одобрена после рецензирования 06.02.2025.

The article was submitted 10.12.2024, approved after reviewing 06.02.2025.

Прагматизм как методологическая рамка: обоснование онтологического статуса искусственного интеллекта

И. К. Ставровский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

tutoriks@gmail.com

Аннотация. Автор рассматривает причину затруднений в решении вопроса об онтологическом статусе искусственного интеллекта, которая обусловлена лакунами в постановке проблемы природы человеческого сознания. Предложено ограничить обсуждение трактовки человеческого сознания методологической рамкой прагматизма, доказана целесообразность такого ограничения. Автор опирается на современный физикализм, а также на информационный подход Д. И. Дубровского, принимая их за основу минимальной теории сознания, и полагает, что прагматистская рамка позволит исключить из дефиниции онтологического статуса искусственного интеллекта ряд спекулятивных суждений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, онтологический статус, прагматизм, методология науки, философия сознания, физикализм, информационный подход

Для цитирования: Ставровский И. К. «Прагматизм как методологическая рамка: обоснование онтологического статуса искусственного интеллекта». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 146–154.

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-146-154> EDN: SKXFEEQ.

Pragmatism as a methodological framework: Justifying the ontological status of artificial intelligence

I. K. Stavrovsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

tutoriks@gmail.com

Abstract. The author considers the reason for the difficulties in solving the question of the artificial intelligence ontological status, which is caused by lacunas in the problem statement of the human consciousness nature. It is suggested to limit the discussion of the interpretation of human consciousness by the methodological framework of pragmatism, the feasibility of such a restriction has been demonstrated. The author relies on modern physicalism, as well as on the information approach of D. I. Dubrovsky, taking them as the basis of a minimal theory of consciousness, and believes that the pragmatist framework will allow excluding a number of speculative judgments from the definition of the artificial intelligence ontological status.

Keywords: artificial intelligence, ontological status, pragmatism, scientific methodology, philosophy of consciousness, physicalism, information approach

For citation: Stavrovsky I. K. "Pragmatism as a Methodological Framework: Justifying the Ontological Status of Artificial Intelligence". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 146–154. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-146-154>

Введение

Даже гипотетическая возможность создания мыслящей машины ставит перед исследователями вопрос об онтологическом статусе искусственного интеллекта (ИИ). Сама перспектива появления искусственного интеллекта заставляет переосмыслить такие понятия, как: «разум», «мышление», «сознание», «идея», «чувство» и т. п. Иными словами, всё то, что так или иначе принято относить к категории психического, ментального, когнитивного или, проще говоря, к продуктам деятельности мозга. Если мы можем всерьёз говорить о том, что машина тоже способна мыслить, то ментальное больше не может рассматриваться как исключительно человеческая способность. Более того, нам придется признать, что ментальное во

всех его проявлениях не является свойством только нервной системы биологических существ. Таким образом, в будущем нам придется создать новую психологию и философию сознания, которые будут учитывать нечеловеческую и даже не-биологическую ментальность. А для этого нам потребуется сформулировать минимальную теорию сознания. Постановка цели позволяет нам определить методологическую рамку исследования.

Методологическая рамка исследования

Проблему онтологического статуса ИИ представим как совокупность вопросов, связанных с тем, как следует относиться к тому или иному объекту. Другими словами, под «онтологическим статусом» будем понимать класс, к которому следует отнести тот или иной объект в рамках концептуальной

схемы, т. е. системы категорий, используемой для организации опыта (Дэвидсон, 1993). Имея одни и те же данные, мы можем представить их по-разному. Поэтому нас интересует, какая концептуальная схема предпочтительна при описании ИИ в контексте его сравнения с человеческим сознанием.

При решении проблемы мы будем исходить из прагматистской перспективы. Выбор именно такого подхода обусловлен тем, что вопрос об онтологическом статусе ИИ связан с вопросом об онтологическом статусе человеческого сознания. Данная проблема на данный момент не решена. Но если отказаться от попытки дать окончательный ответ на вопрос «чем является человеческое сознание на самом деле?», тогда вектор нашего интереса сместится на вопрос об успешности предлагаемой концептуальной схемы: «способна ли она описать многообразие фактов при минимуме допущений?». Таким образом, в любой ситуации будет предпочтительно использовать наиболее простую концептуальную схему, усложняя ее в случае необходимости и в той степени, в какой это требуется. Концептуальные схемы, требующие большего количества допущений, исключаются в силу того, что они усложнены более, чем это необходимо на данном этапе исследования. Вместе с тем они не «отбрасываются» раз и навсегда, в случае необходимости к ним всегда можно вернуться.

За основу нашей методологической рамки примем специфический вариант прагматизма, который предлагает У. В. О. Куайн в статье «Две догмы эмпиризма», утверждая, что выбор концептуальной схемы зависит в первую очередь от степени ее эффективности. С этой точки зрения физическая теория сущностно не отличается от мифов, но она оказывается более эффективной моделью для объяснения, систематизации и предсказания чувственного опыта (Куайн, 2010). Любое утверждение о том или ином объекте имеет лишь относительную значимость, так

как может быть пересмотрено при переработке концептуальной схемы. Более того, мы можем поменять концептуальную схему, если этого потребует теоретическая или практическая задача. Если применить данный контекст к проблеме онтологического статуса ИИ, возникает вопрос, насколько сложна должна быть наша концептуальная схема, чтобы описать его адекватно. Чтобы решить этот вопрос, обратимся к работе Д. Деннета «Насосы интуиции», где выделяются три типа установок, которые мы можем использовать для описания поведения объектов в качестве концептуальных схем (Деннет, 2021).

- **Физическая установка** — используется для описания поведения физических тел, которые при этом не являются механизмами. Обычно в рамках физической установки предполагается, что объект будет вести себя однозначно и предсказуемо. Благодаря этому можно точно предсказывать поведение объекта. Отклонение от подобного прогноза рассматривается как аномалия или следствие ошибки в расчетах.
- **Конструктивная установка** — применяется в основном для выявления закономерностей работы различных механизмов. Как и физическая установка, конструктивная позволяет делать достаточно точные прогнозы относительно того, как поведет себя объект. Чтобы предсказать поведение объекта, не обязательно знать, какие физические законы управляют его работой. Достаточно обнаружить закономерности в этой работе и на их основании предположить, как устроен объект. Однако конструктивная установка в большей степени подвержена риску ошибочных предсказаний, так как в основе концептуальной схемы лежит предположение о том, как объект сконструирован, и условие, что в его работе не будет сбоя. Чем сложнее сконструирован объект, тем выше вероятность ошибки.

— **Интенциональная установка** — реализует-ся как стратегия интерпретации поведения людей, животных и иных существей, которые можно рассматривать в качестве агента. Предсказания, сделанные в рамках интенциональной установки, имеют меньшую точность, чем предсказания, опосредованные закономерностями, выявленными в ходе применения конструктивной установки. Мы можем говорить лишь о более или менее вероятном поведении объекта. При этом мы предполагаем, что объект может повести себя неожиданным образом. Иными словами, мы предполагаем наличие свободы воли, т. е. способности выбирать альтернативу. Кроме того, интенциональная установка бесполезна при описании простых объектов. В лучшем случае она ничего не привносит в описание, в худшем — запутывает, создавая ложное впечатление, что поведение объекта сложное и непредсказуемое (усложняет то, что есть на самом деле).

Обоснуем, какие из перечисленных концептуальных схем наиболее соответствуют задаче описания искусственного интеллекта. Из вышеизложенного очевидно, что физическая установка недостаточна для адекватного описания поведения ИИ. Дело не в принципиальной невозможности описать работу машины, редуцировав каждый процесс к физическим закономерностям. Напротив, нет никаких причин сомневаться в том, что это возможно. Однако с прагматической точки зрения в большинстве случаев в подобном описании нет никакого смысла. При таком подходе для описания и прогнозирования каждого действия системы ИИ потребовались бы десятилетия, это усложняет задачу.

Вместе с тем конструктивистская установка значительно упрощает описание и предсказание поведения систем ИИ, если рассматривать сложную машину. Вполне целесообразно опираться на конструк-

тивистскую установку и в отношении простого ИИ, поскольку такой рамки вполне достаточно для описания его работы. Более того, когда необходимо создать или изменить технический объект, для описания работы системы или ее части должно прибегнуть именно к конструктивистской установке.

Интенциональная установка уместна для описания работы системы ИИ в процессах, где ИИ выступает как агент (например, игра в шахматы). При этом реконструировать программу ИИ и устройство невозможно или слишком тяжело. Сложность состоит и в том, что разные системы ИИ могут выполнять схожие или идентичные задачи. Однако если знать, какова «цель» системы, а также предположить, что она «стремится» достигнуть цели наиболее эффективным способом, то появляется возможность предсказывать ее поведение. Таким образом, мы будем говорить о машине как о мыслящей сущности, не считая ее таковой на самом деле.

Из сказанного ясно, что без интенциональной установки мы не можем полноценно описать даже искусственный интеллект, не претендующий на способность эмулировать человеческое сознание. Вопрос заключается в том, требуется ли нам интенциональная установка исключительно для упрощения описания работы ИИ в ряде случаев или же для описания работы ИИ в целом, так как мы принципиально не способны это сделать без ее использования. Кроме того, нас интересует, будет ли описание человеческого сознания иметь концептуальное отличие.

Следует оговориться, что понятия «интеллект», «мышление», «разум», «сознание» для нас являются взаимозаменяемыми. Обозначим две причины этому. Во-первых, если в научной литературе по психологии перечисленные термины разводятся, то в литературе по ИИ они используются примерно в одном и том же смысле: «когнитивные способности, аналогичные человеческим».

Во-вторых, до сих пор нет научного консенсуса по поводу природы человеческого сознания, а попытка дать однозначный ответ по данному вопросу требует отдельного исследования.

Тем не менее нам необходима минимальная теория сознания, т. е. такая концептуальная схема, которая описывала бы природу сознания, опираясь на минимальное число допущений. Необходимо сформулировать ряд посылок, которые позволили бы описать сознание так, чтобы сторонники различных теорий сознания могли принять нашу концептуальную схему за отправную точку.

В современной философии сознания преобладает физикализм, хотя и дуализм полностью не вытеснен (Деннет, 2017). Самым известным современным сторонником дуалистической теории сознания является Д. Чалмерс, с его натуралистическим дуализмом. Данная концепция сравнительно популярна и в какой-то степени влиятельна в рамках современной философии сознания. Мы не можем использовать ее в качестве отправной точки, на это есть две основные причины.

1. Несмотря на специфическую теорию сознания, взгляды Д. Чалмерса (Чалмерс, 2015) на искусственный интеллект практически не отличаются от взглядов таких философов, как Д. Деннет, П. С. Чечленд, Д. И. Дубровский и др. Поэтому рассмотрение проблемы онтологического статуса искусственного интеллекта через призму натуралистического дуализма только усложнит изложение, не добавляя ценного содержания.
2. Собственные взгляды Д. Чалмерса не имеют серьезного обоснования: утверждение, что квалиа существуют как фундаментальные элементы Вселенной, не только не имеет эмпирического подтверждения, но даже не может быть проверено методами современной науки. Иными словами, данная концепция

может быть рассмотрена исключительно как интересное предположение. Однако научные рассуждения, построенные на предположении, должны опираться на надежный теоретический фундамент.

Рассмотрим целесообразность обращения к концепции физикализма. По нашему мнению, ни один из аргументов Д. Чалмерса против физикализма не является достаточно сильным, чтобы отказаться от этой концепции. Максимум мы могли бы говорить о несовершенстве физикализма как концептуальной схемы. Однако в прагматистской перспективе это не является фундаментальной проблемой, так как перед нами не стоит задача найти теорию сознания, которая была бы истинной как таковая. Нас интересует наиболее проработанная на данный момент, непротиворечивая и простая концептуальная схема. Нет никакого смысла отказываться от нее в пользу теории, которая требует принятия большего количества допущений, не предлагая более эффективного описания фактов. Обращение к подобным теориям будет иметь смысл только при условии, если они смогут доказать свое превосходство над физикализмом.

По этой же причине нет смысла обращаться к квантовой теории сознания Р. Пенроуза (Пенроуз, 2015) или ее аналогам. Данная концепция спекулятивная, не имеет эмпирического подтверждения, т. е. является гипотезой, которая не получила научного признания.

Минимальная теория сознания

За основу минимальной теории сознания мы возьмем информационный подход Д. И. Дубровского. Такая теория достаточно проста и систематизирована, потому ее намного проще эксплицировать, а в случае необходимости оппонент сможет легко указать на пункты, с которыми он не согласен. В рамках информационного подхода информацией называется содержание сообщения

или сигнала. Опирается информационный подход на современные научные данные о биологической эволюции и процессах самоорганизации (Дубровский, 2015). Также в основе подхода лежат три базовые посылки:

- 1) информация необходимо воплощена в физическом носителе и вне его существовать не может;
- 2) одна и та же информация может кодироваться по-разному, может быть воплощена и передана с помощью разных по своим физическим свойствам носителей;
- 3) субъективная реальность может рассматриваться как информация, воплощенная в физическом носителе.

Первая посылка выглядит достаточно убедительно, так как мы не знаем примеров существования информации вне материальных носителей. То есть воплощенность в материальном носителе является свойством всей известной нам информации.

Вторая посылка подтверждается эмпирическим опытом, так как мы имеем примеры того, как одна и та же информация может быть записана по-разному. Например, стихотворение может храниться в виде текста на листе бумаги, в виде файла на компьютере, в человеке как воспоминание.

Третья посылка опирается на данные современной нейронауки, которая утверждает, что явления субъективной реальности связаны с процессами в мозговой нейродинамической системе так, что эти два феномена являются одновременными и однопричинными, т. е. находятся в отношениях взаимно-однозначного соответствия. Таким образом, субъективная реальность — кодовое воплощение процессов в мозгу. При этом если субъективная реальность дана нам непосредственно и не требует декодирования, то информация о носителе закрыта и требует расшифровки.

Важно отметить, что отношение между мозгом и субъективной реальностью является случайным, но историчным. Это значит, что нет причин считать мозг необходимо единственным возможным физическим носителем субъективной реальности, мы вправе допустить, что она может существовать и в иных формах. Однако нельзя не заметить, что достоверно известна единственная форма физического носителя субъективной реальности — это мозг, достаточно развитый. Существование субъективной реальности, воплощенной в иных носителях информации, пока не подтверждено. Для нас это значит, что наиболее правдоподобным индикатором наличия субъективной реальности у объекта будет наличие системы, функционально аналогичной человеческому мозгу. Это не является необходимым условием, но всё же дает основание для ожидания: наиболее вероятно, что субъективная реальность должна быть представлена на подобном физическом носителе.

Уже на этом этапе обсуждения очевидно, что наша минимальная теория сознания признает как минимум гипотетическую возможность появления машины как носителя субъективной реальности. Это не только соответствует доминирующим в науке и философии сознания представлениям, но также делает вопрос об онтологическом статусе искусственного интеллекта осмысленным. Если наша минимальная теория сознания исключала бы возможность создания машин с субъективной реальностью, то на данном этапе наше исследование было бы завершено.

На этапе исследования гипотетической возможности создания сильного ИИ требуется ввести важное ограничение, которое позволит в будущем избежать двусмысленности. Часто, когда делается то или иное заявление об искусственном интеллекте, оно оказывается общим; такое характерно для научно-популярных работ (подобные

заявления также нередки в СМИ). Ученые утверждают, что ИИ никогда не сравнится с человеком, в то время как другой ряд ученых уверены, что машины превзойдут своих создателей в самое ближайшее время. Столь общие заявления только актуализируют вопрос. Поэтому мы ограничим дальнейшее обсуждение жесткой рамкой: если машина способна выполнять конкретную задачу на определенном уровне, то мы не вправе предполагать, что она может выполнять эту задачу на более высоком уровне. Данное ограничение является исключительно методологическим и призвано избавить обсуждение от чрезмерного оптимизма в отношении технического прогресса.

Однако мы не отрицаем возможность дальнейшего развития технологии. В работе «Чего не могут вычислительные машины» Х. Дрейфус отмечает, что многие проблемы в области ИИ решаются с помощью приема *ad hoc*¹: машину учат решать только частные задачи, вместо того чтобы давать ей комплексный навык. Например, компьютер можно научить распознавать слово «кошка» при условии, что надпись сделана прописью, а изображение достаточно четкое. Такой «навык» сам по себе практически бесполезен и не кажется чем-то впечатляющим. Однако он подается как первый шаг на пути создания системы, которая безошибочно сможет распознавать любой текст при любом написании. И первое время прогресс в области распознавания новых слов будет быстрым, при обучении системы «вручную».

Проблема в том, что со временем подобный подход становится неэффективным, так как человек должен обучать систему практически бесконечному количеству возможных частных примеров (Дрейфус, 2010). Важно добавить, что даже сегодня задача распознавания текста компьютером все еще строится на *ad hoc* приемах, но гораздо боль-

шей сложности. Например, для разгадывания капчи, т. е. искаженного текста, который позволяет отличить человека от машины по способности разгадывания, потребовалось создать специальную и достаточно сложную систему искусственного интеллекта. При этом ряд исследований показывают, что это не единичный случай в области разработок ИИ. Современные разработчики зачастую даже не пытаются выйти за пределы подобного подхода, потому значительная часть проблем до сих пор решается по принципу выработки всё новых *ad hoc* приемов (Hutson, 2018). Однако разработчики ИИ заинтересованы в том, чтобы их достижения воспринимались как революционные или перспективные. Так создаются условия, в которых выгодно преувеличивать значимость разработок ИИ.

Заключение

Кратко сформулируем подход, по нашему мнению, оптимальный для любого дальнейшего исследования проблемы онтологического статуса ИИ. Мы предлагаем исходить из прагматистской перспективы, подбирая концептуальную схему, которая поможет описать факты, используя минимальное число допущений. В частности, нас будет интересовать, насколько необходима интенциональная установка для описания искусственного интеллекта и обнаружим ли мы концептуальное отличие при описании человеческого сознания. За основу минимальной теории сознания мы предлагаем принять информационный подход Д. И. Дубровского, рассматривающий сознание (субъективную реальность) как информацию, воплощенную в физическом носителе. Для того чтобы избежать необоснованно громких выводов, мы полагаем, что любая разработка в области ИИ является доказательством, что машина может выполнять конкретную задачу

¹ Специально для данного случая.

на определенном уровне. Любые суждения о перспективах технологии в лучшем случае спекулятивны. И хотя предложенный подход имеет методологическое ограничение, он поможет нам не покидать твердую почву фактов.

Список литературы и источников / References

- Деннет Д. К. *Насосы интуиции и другие инструменты мышления*. М.: АСТ; Corpus, 2021. 576 с.
Dennett Daniel C. *Intuition Pumps and Other Tools for Thinking*. New York: W. W. Norton & Co., 2014. 512 p.
- Деннет Д. *Сладкие грезы: Чем философия мешает науке о сознании*. М.: URSS; Ленанд, 2017. 304 с.
Dennett Daniel C. *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness*. London: Bradford Books; Cambridge, MA: MIT Press, 2006. 216 p. Jean Nicod Lectures.
- Дрейфус Х. *Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума*. Пер. с англ. Н. Родман. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 336 с.
Dreyfus Hubert L. *What Computers Can't Do: A Critique of Artificial Reason*. New York: Harper & Row; Toronto: Fitzhenry & Whiteside, 1972. xxxvi, 260 p.
- Дубровский Д. И. *Проблема «сознание и мозг»: теоретическое решение*. М.: Канон+, 2015. 207 с.
Dubrovskiy D. I. *Problem of "Consciousness and Brain": Theoretical Solution*. Moscow: Kanon+, 2015. 207 p. (In Russian).
- Дэвидсон Д. «Об идее концептуальной схемы». Грязнов А. Ф., сост. *Аналитическая философия: Избранные тексты*. М.: Изд-во МГУ, 1993. 144—159.
Davidson Donald. "On the Very Idea of a Conceptual Scheme". *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association* 47 (1973—1974): 5—20. <https://doi.org/10.2307/3129898>
- Куайн У. В. О. *С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков* = *From a logical point of view: 9 logico-philosophical essays*. Пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. М.: Канон+, 2010. 272 с. Б-ка аналитической философии.
Quine Willard Van Orman. *From a Logical Point of View: Nine Logico-Philosophical Essays*. 2nd ed., rev. Cambridge, MA: Harvard Up, 1980. 200 p.
- Пенроуз Р. *Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики*. Пер. с англ. под общ. ред. В. О. Малышенко. 5-е изд. М.: URSS; Ленанд, 2015. 398 с. Синергетика: от прошлого к будущему.
Penrose Roger. *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and the Laws of Physics*. Forew. by M. Gardner. Oxford: Oxford Up, 1999. 602 p.
- Чалмерс Д. *Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории*. Пер. с англ. В. В. Васильева. 2-е изд. М.: URSS; Либроком, 2015. 509 с. Философия сознания.
Chalmers David J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Rev. ed. Oxford: Oxford Up, 1997. 432 p. Philosophy of Mind.
- Hutson Matthew. "Artificial Intelligence Faces Reproducibility Crisis". *Science* 359.6377 (2018): 725—726. <https://doi.org/10.1126/science.359.6377.725>

Информация об авторе

Ставровский Игорь Константинович — младший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2), tutoriks@gmail.com, SPIN-код: 8095-8273.

Information about the author

Igor K. Stavrovsky — Junior Research Fellow, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (Republic of Belarus, 220072, Minsk, Surganova, 1/2), tutoriks@gmail.com, SPIN code: 8095-8273.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024, одобрена после рецензирования 06.02.2025.

The article was submitted 10.12.2024, approved after reviewing 06.02.2025.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM: EDUCATION, UPBRINGING, HUMAN DEVELOPMENT

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 155–164.

Economic and Social Research. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 155–164.

Научная статья

УДК 37.01:001.4

DOI: 10.24151/2409-1073-2025-12-2-155-164

EDN: OSOHCU

Понятийно-категориальный аппарат науки и его значение в педагогической деятельности

М. А. Аракелян¹✉, Е. А. Попова², А. Н. Малинка³

*^{1, 2, 3} Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта
Д. И. Михайлика, г. Химки, Московская область, Россия*

✉ m.arakelyan@agz.50.mchs.gov.ru

Аннотация. Раскрыто качественное своеобразие науки как сложного социокультурного образования, показан закономерный и объективный характер современной науки, при всех имеющихся сложностях и противоречиях научного познания. Проведен содержательный анализ понятийно-категориального аппарата науки как средства активного приращения объективного и достоверного знания, обозначены его структура и связь с методами познания. Обоснованы познавательные функции философских, общенаучных и частнонаучных категорий. Особое внимание уделено значению понятийно-категориального аппарата в педагогической работе. Выделены преимущества ориентированности исследовательской деятельности педагога на творческий подход. Сделан вывод, что глубокое теоретическое освоение и практическое использование понятийно-категориального аппарата науки существенно повышает качество и эффективность учебного процесса. Рекомендовано обращать внимание на грамотность изложения научного и учебного материала в подготовке квалифицированных специалистов.

Ключевые слова: современная наука, научное знание, интеграция понятий, методы познания, понятийно-категориальный аппарат, мировоззрение, научная картина мира, педагогическая деятельность, творческий подход, теоретическое освоение, научное изложение, профессионализм

Для цитирования: Аракелян М. А., Попова Е. А., Малинка А. Н. «Понятийно-категориальный аппарат науки и его значение в педагогической деятельности». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 155–164.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-155-164> EDN: OSOHCU.

© Аракелян М. А., Попова Е. А., Малинка А. Н.

Original article

Conceptual and categorical apparatus of science and its significance in pedagogical activity

M. A. Arakelyan¹✉, E. A. Popova², A. N. Malinka³

^{1, 2, 3} The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia, Khimki, Moscow oblast, Russia

✉ m.arakelyan@agz.50.mchs.gov.ru

Abstract. The qualitative uniqueness of science as a complex socio-cultural formation is revealed, the natural and objective character of modern science is shown, despite all the existing complexities and contradictions of scientific knowledge. A substantive analysis of the conceptual and categorical apparatus of science as a means of active increase in objective and reliable knowledge was carried out, its structure and connection with the methods of cognition were outlined. The cognitive functions of philosophical, general scientific and specific scientific categories are substantiated. Particular attention is paid to the importance of the conceptual and categorical apparatus in pedagogical work. The advantages of focusing the teacher's research activities on a creative approach are highlighted. It has been concluded that deep theoretical mastery and practical use of the conceptual and categorical apparatus of science significantly improves the quality and effectiveness of the teaching/learning process. It is recommended to pay consideration to literacy in the presentation of scientific and educational material in the training of qualified specialists.

Keywords: modern science, scientific knowledge, integration of concepts, methods of cognition, conceptual and categorical apparatus, world outlook, scientific worldview, pedagogical activity, creative approach, theoretical development, scientific presentation, professionalism

For citation: Arakelyan M. A., Popova E. A., Malinka A. N. "Conceptual and Categorical Apparatus of Science and Its Significance in Pedagogical Activity". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 155–164. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-155-164>

Введение.

Особенности развития понятийно-категориального аппарата науки

Содержательной основой современной науки как сложной, динамично развивающейся системы истинных знаний являются принципы, законы, категории и методы познавательной деятельности. Многолетние итоги и результаты познавательной деятельности фокусирует понятийно-категориальный аппарат науки. Потребность в системном, теоретико-методологическом анализе места и роли понятийно-категориального аппарата науки в познавательном процессе обуславливается актуальностью следую-

щих образовательных задач: приращение нового объективно-истинного знания; глубокое освоение и использование понятийно-категориального аппарата науки представителями педагогического сообщества в целях повышения качества преподавания общественных и гуманитарных дисциплин, в интересах подготовки высокопрофессиональных, образованных и культурных специалистов.

Процесс становления и развития науки объективно связан с введением в оборот необходимой совокупности понятий и категорий, отражающих наиболее существенные связи и отношения материального

© Аракелян М. А., Попова Е. А., Малинка А. Н.

и духовного бытия. Понятийно-категориальный аппарат науки — это логично выстроенная система специальных терминов, позволяющая единообразно понимать и объяснять причины и закономерности развития материальных и духовных явлений. Обогащение и усложнение понятийно-категориального аппарата является следствием углубления взаимодействия общественных и гуманитарных, естественных и технических наук. Новые понятия и категории возникают как в рамках одной отрасли знания, так и на стыках разных наук, в так называемых пограничных областях: экологическая этика, космическое право, космическая медицина, техническая эстетика, математическая лингвистика. Такого рода интеграция способствует качественному развитию понятийного аппарата. Современные общественные, гуманитарные, естественные и технические науки в большей степени ориентированы не столько на значимые дисциплинарные проблемы, сколько на проблемы, имеющие комплексный, междисциплинарный характер. Это наглядно свидетельствует о синтезе познавательных задач и возможности вырабатывать общие познавательные средства для решения довольно сложных научных задач при взаимодействии наук. Конечно, интеграция научных дисциплин (в составе современной науки их более 15 тысяч) не означает их действительного слияния или утраты ими специфики объектной и предметной областей исследования. Безусловно, для каждой науки характерным является не только активное использование философского и общенаучного понятийного арсенала, но и активное создание нового междисциплинарного понятийно-категориального аппарата и его использование всеми представителями научного сообщества в интересах не только более глубокого исследования сложных проблем, но и повышения научно-теоретического уровня подготовки педагогического состава вузов.

Понятийно-категориальный аппарат современной науки можно рассматривать как форму мышления, средство и результат познания. Содержание понятий не есть нечто неизменное и застывшее, так как в ходе научного познания открываются новые существенные свойства и признаки предметов, явлений и процессов. В рамках познавательного процесса понятийно-категориальный аппарат непрерывно обогащается новым знанием, активно переосмысливается содержание тех понятий, которые уже вошли (или только входят) в научный оборот, например, таких понятий философии науки, как этос науки, научная революция, парадигма, неявное знание, синергетика, либо понятий междисциплинарных предметных областей: интернет-зависимость, духовная безопасность, искусственный интеллект.

Важнейшим и обязательным условием научного исследования, как пишет В. В. Кафтан, являются: «однозначное понимание вводимых в оборот терминов, понятийная ясность и адекватность отображения описываемой картины реальности, которые выступают следствием коллективной работы всего сообщества ученых» (Кафтан, 2009: 77). В разработку понятийно-категориального аппарата неклассической и постнеклассической науки внесли огромный вклад российские ученые: П. П. Гайденок, В. С. Готт, Э. В. Ильенков, В. И. Купцов, В. С. Степин, Э. П. Семенюк, А. Д. Урсул, а также представители зарубежной научной мысли Т. Кун, Р. Мертон, М. Полани, К. Поппер и П. Фейерабенд.

Структура понятийно-категориального аппарата науки и связь с методами познания

Системный анализ характера понятийно-категориального аппарата науки позволяет говорить о таких его свойствах, как относительная открытость, незамкнутость. Как отмечают В. С. Готт с соавторами, понятия, формулируемые в ходе научного познания, являются «неравноценными по своей

значимости в масштабе всей науки или ее отдельных отраслей, по степени общности отражаемого в них знания, а также по своим возможностям использования для углубления познания материальных и духовных явлений и процессов» (Готт, Семенюк, Урсул, 1984: 87). В связи с этим одни понятия имеют ограниченный характер использования (применения) для объяснения тех или иных явлений и процессов (физических, генетических) в рамках той или иной области научного исследования (природа, социум, техника и др.), а другие получают статус научных *категорий* в силу своей всеобщности и универсальной применимости в разных областях знания (например, такие категории, как *бытие, материя, пространство, время* — в философии, а *система, развитие, метод* — в педагогике).

Науке всегда было объективно присуще стремление к строгости и однозначности употребляемых понятий. Так как *категории науки* — это наиболее общие, фундаментальные понятия, определяющие специфику той или иной отрасли научного знания и отражающие наиболее существенные свойства и признаки познаваемых предметов, явлений и процессов, их познавательная роль определяется необходимостью приращения научных знаний в соответствующей отрасли и дальнейшим развитием теории и практики. Обратим внимание на признак категориальности, присущий понятиям не только философии, но также ряда наук, имеющим общенаучный и частнонаучный статус. В систематизированном и обобщенном виде понятийно-категориальный аппарат современной науки представляет собой достаточно обособленную совокупность философских, общенаучных и частнонаучных понятий, каждую из частей которой условно можно рассматривать в качестве относительно самостоятельной подсистемы знаний. При всей неравноценности основных групп категорий современной науки между ними нет

жесткой конкуренции: их познавательные функции не исключают и не подменяют друг друга. Во многом этот признак накладывает отпечаток на характер взаимодействия и взаимосвязей понятий не только внутри отдельной подсистемы, но и в системе в целом.

Следует особо отметить содержательную связь понятийно-категориального аппарата науки с научными методами, «наличие которой — пишет П. С. Копнин, — свидетельствует о способности возникшей системы знания к саморазвитию, обогащению новыми положениями» (Копнин, 1974: 492), о зрелости современной науки. В научном исследовании методы направляют, упорядочивают и дисциплинируют мышление, способствуя приращению и систематизации нового знания. В системе методов, активно используемых в научном познании, выделяют общепедагогические методы-подходы, общенаучные и частнонаучные методы-приемы. Использование общепедагогических методов (диалектического, структурно-функционального и герменевтического) позволяет определить наиболее верные подходы, выработать общую стратегию научного познания. Общенаучные и частнонаучные методы представляют собой совокупность способов, приемов и операций, выполняющих функции инструмента решения той или иной познавательной задачи. Методы теоретического познания, такие как анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование и др., несколько не умаляют роли и значения методов эмпирического познания — наблюдения, эксперимента, моделирования, опроса, спектрального анализа и др.

Познавательные задачи основных подсистем понятийно-категориального аппарата науки

Философские категории. В системе научного знания философские категории — как предельно широкие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существен-

ные свойства, связи и отношения материального и духовного бытия, — являются результатом обобщений, имеющих всеобщее значение, используемых в теоретических концепциях, так как философия не ограничивается изучением какого-либо отдельного фрагмента действительности, ее познавательный интерес обусловлен разработкой предельно общих подходов к решению проблем развития объективного мира.

Философии принадлежит первостепенная роль во взаимосвязи и взаимодействии современных общественных, гуманитарных, естественных и технических наук, в исследовании философских проблем данных наук. Многие известные ученые XX в. обращали внимание на философские вопросы развития естествознания. Так, лауреат Нобелевской премии по физике А. Эйнштейн вполне справедливо отмечал: «В наше время физик вынужден заниматься философскими проблемами в гораздо большей степени, чем это приходилось делать физикам предыдущих поколений» (Эйнштейн, 1967: 4: 248).

Философские категории обладают большей устойчивостью в познании по сравнению с категориями частных наук, поскольку их познавательные возможности определяются (порождаются) качественным состоянием всей науки. Содержание таких общеполитических категорий, как материя, сознание, развитие, движение, диалектика, противоречие, пространство и время, причина и следствие, количество и качество, возможность и действительность, имеет мировоззренческое наполнение. Универсальные категории принципиально не подвержены устареванию, без них в познавательной деятельности невозможно обойтись. Данная совокупность категорий является необходимой основой для формулирования принципов и законов философии. Однако категориальный статус не присущ многим философским понятиям (дуализм, апория, рефлексия, категорический императив, отражение,

истина, практика, общественный прогресс и регресс, социальное бытие, социальное познание, экзистенциализм), которые распространяют свое влияние лишь на отдельные области и разделы философского знания и имеют в силу этого ограниченные познавательные функции.

Знание, выраженное в основополагающих философских категориях, дает целостное системное понимание и объяснение существенных свойств и связей объективного мира, позволяет выработать основы мировоззрения (позиции) по наиболее общим фундаментальным проблемам бытия. В истории формирования научного знания всегда существовала и есть сегодня острая потребность в обобщении и осмыслении результатов частных наук с целью синтезировать их знание в единую целостную картину мира. Качественное усвоение педагогами и обучаемыми философских категорий позволяет им системно осмысливать наиболее сложные проблемы бытия природы, общества, человека, техники, способствует формированию научного мировоззрения.

Общенаучные категории. Качественное своеобразие общенаучных категорий обусловливается их переходным характером: в концептуальной структуре научного знания они выполняют функцию связующего звена между философским и частнонаучным знанием. Они не достигают того предельного уровня общности и универсальности, какой имеют философские категории, — ни по характеру, ни по степени общности, ни по применимости к анализу различных областей научного знания. Основное предназначение общенаучных категорий состоит в систематизации и обобщении теоретических положений и практических данных частных наук. Это своего рода опорные пункты в научном познании, или база для формирования новых понятий в отдельных частных науках. Обладая широкими познавательными функциями, они составляют

методологические ориентиры в масштабе отраслей науки. Общенаучный уровень объединяет категории по степени общности, что способствует их продуктивному применению в пределах ряда наук при изучении объектов разного уровня сложности (глобализация, социальное управление, информация, прогнозирование).

Опыт истории развития науки свидетельствует о том, что прежде чем браться за решение частных проблем и вопросов, необходимо предварительно уяснить для себя содержание общего знания. Известный русский ученый И. П. Павлов обращал внимание на то, что в науке во всякий момент требуется известное общее представление о предмете. Основатель Советского государства В. И. Ленин в одной из своих работ отмечал, что тот, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „наткаться“ на эти общие вопросы» (Ленин, 1972: 15: 368).

В научно-образовательной деятельности такие понятия, как система, парадигма, научная революция, структура, элемент, функция, метод, модель, безопасность, информация, управление, приобрели общенаучное значение, так как давно вышли за рамки отдельных частных наук об обществе и человеке и их роль в дальнейшем углублении научных знаний неуклонно возрастает. Подавляющее большинство ученых, отмечая высокую степень абстрактности понятий социально-гуманитарных наук, выделяют их особый общенаучный статус, широкую применимость к важным областям социальной действительности (экономика, право, политика, культура, социальное управление, военное управление). На базе общенаучных категорий, которые выступают как родовые понятия, формируется большая группа видовых понятий: системный анализ, духовная безопасность общества, информационная безопасность, социальное управление, структурно-функциональный метод и мно-

гие другие. Так, современный анализ проблем социального управления невозможен без всестороннего изучения исторических, антропологических, экономических, психологических, аксиологических, организационных и других важных аспектов данного сложного социокультурного явления, без глубокого учета в них человеческого фактора.

Частнонаучные категории. Вполне объективно, что по мере развития науки, усложнения ее познавательных задач всё более актуализируется потребность в частнонаучном (специальном) исследовании фундаментальных проблем природы, общества, человека и техники. Частнонаучное знание издавна понимается как нефилософское, в силу его применимости лишь к сфере отдельных научных дисциплин. Оставаясь важным инструментом познания, частнонаучные категории формируются в результате обобщения знаний о локальной и специфичной области познания. По объему данные категории обладают незначительной степенью общности и объединены предметной областью сферы познания (категории психологии, истории, экономики, права, этики). Их методологическое значение ограничено рамками отрасли науки, а категориальный статус приобретают лишь те понятия частных наук, которые становятся необходимыми для развития соответствующих отраслей знания в целом как особых научных дисциплин (экономическая сфера жизни, социальная группа, правовое государство). Следует отметить ведущую роль общенаучного понятийно-категориального аппарата в развитии частной науки, которое, как утверждают В. И. Купцов с соавторами, «осуществляется не только за счет выработанных в ней приемов, методов и средств познания, но и за счет постоянного заимствования научного арсенала из других наук» (Купцов и др., 2020: 22).

Подавляющее большинство частнонаучных понятий имеют сугубо специальное содержание (экономический кризис,

педагогический эксперимент, социологический опрос), особые термины за пределами специальной области знания употребляются весьма редко. По своей познавательной роли и значению они имеют весьма ограниченный характер в масштабах всей науки. Наибольшей сферой продуктивного применения обладают, бесспорно, категории интегративных наук (юридическая психология, социальная экология, политическая география), наименьшей — категории узких, специфических дисциплин. Так, например, категория «жизнь» не используется в металлургии; при всей важности для механики категорий скорости и ускорения они неприменимы к изучению искусствоведения.

Проблемы использования понятийно-категориального аппарата в учебном процессе

Сегодня наиболее значимые проблемы современного российского образования всё более приобретают общекультурную и мировоззренческую направленность, и познавательные задачи, с ними связанные, требуют существенного повышения качества преподавания общественных и гуманитарных наук, грамотного и обоснованного употребления научных понятий, содержание которых должно быть хорошо усвоено самим педагогом. Без этого невозможен процесс передачи знания ни в одной научной области. Как правило, методика преподавания новой темы учебной программы начинается с приобщения обучаемых к содержанию новых понятий и категорий, для уяснения которых требуется пройти все этапы овладения учебным материалом.

Познавательные возможности усвоения понятийно-категориального аппарата науки во многом определяются творческим характером деятельности педагога, выбором методики формулирования новых знаний, смыслов и ценностей, а также активностью в приобщении к ним обучаемых. Обширные научные знания выступают в качестве своего

рода программы будущих профессиональных действий выпускников, которая формируется в период обучения в вузе. При успешном усвоении материала данной программы обучаемым должно быть понятно, что именно им предстоит делать, как делать и, самое главное, зачем они будут это делать.

Примем во внимание понятийно-категориальный аппарат общественных и гуманитарных наук. Значительная часть его имеет определенную степень сложности и новизны, осмысление его содержания требует интеллектуальных усилий, последующее использование в интересах успешного ведения образовательной деятельности — нравственных, организационных и других затрат со стороны педагога. Известный русский мыслитель А. И. Герцен вполне справедливо отмечал: «Наука не достигается без труда — правда; в науке нет другого способа приобретения, как в поте лица; ни порывы, ни фантазии, ни стремление всем сердцем не заменяют труда» (Герцен, 1954: 3: 12).

В рамках учебного процесса педагогу приходится переосмысливать философский и общенаучный понятийно-категориальный аппарат сквозь призму преподаваемой научной дисциплины. Например, в обучении основам экономической науки пространство и время осмысливаются с учетом всей совокупности экономических отношений; в исторических дисциплинах в рамках анализа конкретного исторического процесса изучаются события и явления особой значимости и актуальности. Соответственно историческая наука оперирует такими категориями, как исторический факт, историческая закономерность, исторический метод исследования. основополагающими понятиями культурологии являются: материальная и духовная культура, культура общества и личности, национальная культура, культурные ценности.

Освоение богатого содержания понятийно-категориального аппарата в рамках той

или иной отрасли научного знания связано со строгим соблюдением основных требований, предъявляемых к построению логически правильного и обоснованного мышления педагога. Не допускается: искажение смысла научных понятий, сознательная или несознательная их подмена, а также вольная трактовка смысла и значения. Одно из важных требований к образовательной деятельности — точное и ясное выражение педагогом своих мыслей. От содержательной определенности употребляемых понятий зависит качество формулируемых на их базе суждений и умозаключений. Английский философ Ф. Бэкон справедливо отмечал, что научное познание мира изощряет ум и наводит в нем порядок.

Ориентированность педагога на творческое использование понятийно-категориального аппарата науки дает преимущества не только в практике, где пример педагога служит формированию личностной позиции учеников, но и в исследовательской педагогической деятельности, а именно позволяет:

- более четко выстроить логику учебно-воспитательного процесса и научно-педагогической деятельности в целом;
- грамотно использовать различные источники информации для написания научных работ, учебно-методических пособий;
- обоснованно и аргументированно осуществлять всесторонний и объективный анализ многочисленных проблем в сфере современного образования.

Творческий подход дает возможность не замыкаться в рамках преподаваемой научной дисциплины, так как это ведет к сужению кругозора, снижению уровня общей научной культуры педагога, утрате ориентаций в других смежных областях научного знания. Творческий синтез научного знания из различных отраслей науки способствует поиску ответов на самые острые вопросы современной науки и образования. Великий русский

историк В. О. Ключевский вполне справедливо отмечал, что наука есть не только знание, но и умение пользоваться знанием как следует.

Заключение

На основе разрозненных, фрагментарных знаний невозможно выстроить собственную относительно целостную научную картину видения, понимания и объяснения мира. Наука не приемлет дилетантизма, фрагментарной поверхностности знаний, субъективизма, метафизичности мышления, схоластической оторванности от реальных проблем жизни. Чтобы объем научного знания, содержащийся в понятийно-категориальном аппарате, стал достоянием педагога и обучаемого, должна быть внутренняя потребность в постоянном обновлении своих научных знаний, основательная продуманность их использования. Этому во многом способствует высокий уровень мотивации и ответственности, обоюдная заинтересованность педагога и обучающихся в приближении к истине, готовность вести равноправный диалог, уметь слушать друг друга и учиться друг у друга. По мнению В. С. Степина, ориентированность науки на объективное и всестороннее познание действительности «конечно, не означает, что личностные моменты и ценностные ориентации ученого не играют роли в научном творчестве и не влияют на его результаты» (Степин, 2006: 109). Глубокое усвоение (освоение) содержания философского, общенаучного и частнонаучного понятийно-категориального аппарата, его активное использование в учебном процессе должно стать особым приоритетом в деле дальнейшего повышения уровня профессионализма педагога. Грамотность изложения научного и учебного материала в рамках преподаваемой учебной дисциплины дает представление об общей и профессиональной культуре современного педагога. Сегодня высокий уровень

интеллектуальных способностей, внутренней культуры и позитивно ориентированных духовно-нравственных качеств педагога всё более рассматривается как важнейший социокультурный ресурс, максимальное воздействие которого способно обеспечить высокие результаты в образовании.

Список литературы и источников / References

- Герцен А. И. «Дилетантизм в науке. Статья первая». Т. 3: *Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы, 1842—1846*. А. И. Герцен. М.: Наука, 1954. 7—23. *Собрание сочинений в тридцати томах*. Herzen A. I. “Dilettantism in Science. Article One”. *Dilettantism in Science. Letters on the Study of Nature, 1842 to 1846*. By Herzen. Moscow: Nauka, 1954. 7—23. (In Russian). Vol. 3 of *Collected Works*. 30 vols.
- Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. *Категории современной науки (становление и развитие)*. М.: Мысль, 1984. 268 с.
Gott V. S., Semenyuk E. P., Ursul A. D. *Categories of Modern Science (Formation and Development)*. Moscow: Mysl', 1984. 268 p. (In Russian).
- Кафтан В. В. *Введение в террологию: логико-эпистемологические основания институционализации*: монография. М.: Воен. ун-т, 2009. 256 с. EDN: XFEXNL.
Kaftan V. V. *Introduction to Terrology: Logical and Epistemological Foundations of Institutionalization*: monograph. Moscow: Military U, 2009. 256 p. (In Russian).
- Копнин П. В. *Гносеологические и логические основы науки*. М.: Мысль, 1974. 568 с.
Kopnin P. V. *Gnosiological and Logical Foundations of Science*. Moscow: Mysl', 1974. 568 p. (In Russian).
- Купцов В. И. (авт., ред.), Девятова С. В., Кузнецова Н. И. и др. *Философия и методология науки*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 394 с. EDN: NFJLXZ.
Kuptsov V. I. (auth., ed.), Devyatova S. V., Kuznetsova N. I. et al. *Philosophy and Methodology of Science*. 2nd ed., rev. and upd. Moscow: Yurait, 2020. 394 p. (In Russian).
- Ленин В. И. «Отношение к буржуазным партиям». Т. 15: *Февраль — июнь 1907*. В. И. Ленин. М.: Изд-во полит. л-ры, 1972. 368—388. *Полное собрание сочинений*: в 56 т. Изд. 5-е.
Lenin V. I. “The Attitude towards Bourgeois Parties”. *February to June 1907*. By Lenin. Moscow: Izd-vo polit. l-ry, 1972. 368—388. (In Russian). Vol. 15 of *Complete Collected Works*. 5th ed. 56 vols.
- Степин В. С. *Философия науки. Общие проблемы*. М.: Гардарики, 2006. 384 с. EDN: QWMYVV.
Stepin V. S. *Philosophy of Science. Points of Concern*. Moscow: Gardariki, 2006. 384 p. (In Russian).
- Эйнштейн А. «Замечания о теории познания Бертрانا Рассела». Т. 4: *Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики*. А. Эйнштейн. М.: Наука, 1967. 248—252. *Собрание научных трудов*.
Einstein A. “Remarks on Bertrand Russell’s Theory of Knowledge”. *The Philosophy of Bertrand Russell*. Ed. by P. A. Schlipp. Chicago: Northwestern U, 1944. 278—291.

Информация об авторах

Аракелян Марина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика (Россия, 141435, Московская обл., г.о. Химки, г. Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А), m.arakelyan@agz.50.mchs.gov.ru, SPIN-код: 6546-6360, ORCID: 0009-0005-9006-9806.

Попова Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика (Россия, 141435, Московская обл., г.о. Химки, г. Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А), e.popova@agz.50.mchs.gov.ru, ORCID: 0000-0001-7449-0290.

Малинка Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика (Россия, 141435, Московская обл., г.о. Химки, г. Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А), 29ma22@gmail.com, ORCID: 0009-0007-4901-4015.

Авторский вклад

Аракелян М. А. — разработка концепции; критический анализ и доработка текста.

Попова Е. А. — сбор данных и анализ результатов исследования.

Малинка А. Н. — сбор данных, визуализация и представление данных в тексте.

Information about the authors

Marina A. Arakelyan — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Head of the Department of Philosophy, History and Culturology, The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia (Russia, 141435, Moscow oblast, Khimki, Novogorsk micro-district, Sokolovskaya st., 1A), m.arakelyan@agz.50.mchs.gov.ru, SPIN code: 6546-6360, ORCID: 0009-0005-9006-9806

Elena A. Popova — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Professor at the Department of Philosophy, History and Culturology, The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia (Russia, 141435, Moscow oblast, Khimki, Novogorsk micro-district, Sokolovskaya st., 1A), e.popova@agz.50.mchs.gov.ru, ORCID: 0000-0001-7449-0290.

Alexey N. Malinka — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Professor at the Department of Philosophy, History and Culturology, The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia (Russia, 141435, Moscow oblast, Khimki, Novogorsk micro-district, Sokolovskaya st., 1A), 29ma22@gmail.com, ORCID: 0009-0007-4901-4015.

Author Contributions

M. A. Arakelyan — conceptualization; writing — review & editing

E. A. Popova — data collection and study results analysis.

A. N. Malinka — data collection; visualization and presentation of work.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024, одобрена после рецензирования 13.05.2025.

The article was submitted 16.09.2024, approved after reviewing 13.05.2025.

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ YOUNG SCIENTIST

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 165–177.

Economic and Social Research. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 165–177.

Научная статья

УДК 334.02 + 364 + 376 + 37.061

DOI: 10.24151/2409-1073-2025-12-2-165-177

EDN: GJBYQG

Новые управленческие практики социального сопровождения студентов в сложной жизненной ситуации: оценка эффективности (на примере НИУ МИЭТ)

С. Е. Юдицкая[✉], А. О. Огурешина, И. А. Алкаев

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

[✉] yudickayasss@yandex.ru

Аннотация. Студенты первого года очной формы обучения, на время учебы сменившие место жительства, по совокупности жизненных обстоятельств переживают стресс и нуждаются в поддержке. *Цель:* выявление наиболее релевантных среди практик, которые реализуются в Национальном исследовательском университете «МИЭТ» для социальной поддержки молодежи, а также оценка их социальной эффективности (на основе опросных методов). *Материалы и методы:* теоретический обзор предметного поля, классификация мер социальной поддержки, анкетирование, экспертный опрос. *Результаты:* выполнено исследование мер и практик социальной поддержки студентов, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах, сделан вывод об эффективности предпринимаемых службами поддержки действий, о возможности и необходимости расширения спектра мер. Высказаны предложения в отношении введения новых мероприятий.

Ключевые слова: молодежная политика, социальная поддержка студентов в сложной жизненной ситуации, практики социального сопровождения студентов, молодежный сектор человеческого капитала, трудоустройство молодежи

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Центра развития карьеры Национального исследовательского университета «МИЭТ».

Благодарности: авторы выражают благодарность проректору МИЭТ по молодежной политике и воспитательной работе М. В. Добрыниной за помощь в организации исследования и руководителю психологической службы МИЭТ Ю. В. Алкаевой за участие в экспертной части исследования.

Для цитирования: Юдицкая С. Е., Огурешина А. О., Алкаев И. А. «Новые управленческие практики социального сопровождения студентов в сложной жизненной ситуации: оценка эффективности (на примере НИУ МИЭТ)». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 165–177. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-165-177> EDN: GJBYQG.

© Юдицкая С. Е., Огурешина А. О., Алкаев И. А.

Original article

New management practices of social support for students in difficult life situations: Effectiveness assessment (evidence from MIET)

S. E. Yudickaya[✉], A. O. Ogureshina, I. A. Alkaev

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

[✉] yudickayasss@yandex.ru

Abstract. First-year university students who have moved to other city to study full-time, experience stress caused by a sum of life circumstances and need support. *Purpose:* to single out the most relevant among practices that are implemented at the National Research University of Electronic Technology for social support of young people, as well as to evaluate their social effectiveness (based on survey methods). *Materials and methods:* theoretical review of the subject field, classification of social support measures, questionnaire, expert survey. *Results:* a study of measures and practices of social support for students in difficult life circumstances was carried out, and a conclusion has been made about the effectiveness of the actions taken by support services, about the possibility and necessity of expanding the range of measures. Suggestions were made regarding the introduction of new measures.

Keywords: youth policy, social support for students in difficult life situations, social support practices for students, youth sector of human capital, youth employment

Funding: the work has been supported by Career Development Center of the National Research University of Electronic Technology.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to M. V. Dobrynina, Vice Rector of MIET for Youth Policy and Social Affairs, for help in organizing the study, and Yu. V. Alkaeva, Head of Psychological Service of MIET, for participation in expert part of study.

For citation: Yudickaya S. E., Ogureshina A. O., Alkaev I. A. “New Management Practices of Social Support for Students in Difficult Life Situations: Effectiveness Assessment (Evidence from MIET)”. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 12.2 (2025): 165–177. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-165-177>

Введение

Национальный исследовательский университет «МИЭТ» с первых дней основания имел уникальный статус: он был и остается не просто флагманом отрасли, но и *единственным* вузом в России и на всем постсоветском пространстве, специализирующимся на подготовке специалистов в области электроники и нанoeлектроники. При этом МИЭТ — самый маленький (исходя из критерия величины обучающегося в нем контин-

гента) среди ведущих вузов России. В 2025 г. университету исполняется 60 лет, и более 50 лет (с 1969 г.) занятия для большей части контингента обучающихся проходят в трех учебных корпусах архитектурного комплекса МИЭТ. Относительно небольшой размер учебных площадей и рост требований к качеству образования в инновационных отраслях экономики делают почти невозможным увеличение контрольных цифр приема на обучение: большее число студентов (при

© Юдиккая С. Е., Огурешина А. О., Алкаев И. А.

значительном возрастании их числа) просто не могло бы получить качественного доступа к образовательному процессу (например, к лабораторному оборудованию для практических и лабораторных занятий) в знаменитом зеленоградском вузе¹. В то же время престиж и популярность инженерного образования и НИУ «МИЭТ» (отличающегося ввиду перечисленных факторов высоким качеством приема² и расположенного в единственном в своем роде наукограде Европы) растут.

Эти и некоторые другие обстоятельства в своей совокупности определяют специфику контингента обучающихся в вузе: в МИЭТ приезжают самые подготовленные и мотивированные студенты из самых разных регионов страны — от Камчатки и Сахалина до Чечни и Донецкой области, а также из государств постсоветского пространства. Важно подчеркнуть, что студенты, поступившие на бюджетные места, приложили огромные усилия к подготовке к государственной аттестации (ЕГЭ). Нередко их семьи оплатили дополнительные курсы подготовки к ЕГЭ (стоимость качественных курсов такой подготовки в различных регионах России доходила в 2025 г. до 200 тыс. руб. за один курс)³.

Социально-экономический и психологический портрет студента первого курса бакалавриата МИЭТ презентует довольно сложную картину: обычно это юноша (на большинстве инженерных направлений подготовки число юношей в 5—7 раз превышает число девушек), нередко из неполной

или малообеспеченной семьи. Материальные проблемы, которые сами по себе могут стать причиной социальной и психологической депривации, усугубляются для первокурсников стрессом от переезда на новое место жительства, необходимостью адаптироваться к новому физическому и социальному времени, пространству (см., напр.: Бараш, Тюрина, 2024). Кроме того, в новые социально-экономические и социокультурные условия студенты нередко экспортируют проблемы социальных групп и общностей, которые сопровождали их взросление (перегруженность кредитными обязательствами, бедность, бытовое насилие, злоупотребление психоактивными веществами и пр.) (Ахмедова и др., 2024). Эти обстоятельства обуславливают актуальность изучения практик социальной поддержки и сопровождения студентов в целях выявления наиболее релевантных и эффективных. Наше исследование основано на эмпирических данных и является практико-ориентированным.

Материалы и методы

Признание значимости и изучение практик социальной поддержки молодежи в теоретическом плане базируется на признании уязвимости этой сравнительно небольшой демографической страты по отношению к более взрослому населению. Так, в странах Европы, где молодежь на 20—30 % беднее основной массы работоспособного населения, молодые люди чаще попадают в ситуацию социальной уязвимости.

¹ «МИЭТ в рейтингах вузов». Национальный исследовательский университет «МИЭТ». 19.06.2025. <<https://www.miet.ru/page/79233>>.

² Так, проходные баллы (минимальные баллы поступившего на бюджет) на направление подготовки «Прикладная информатика» из года в год колеблются в диапазоне 230—240 баллов, «Информационная безопасность» — 250—270 баллов, «Управление в технических системах» — более 240 баллов (см.: «Проходные баллы прошлых лет». Абитуриент. НИУ МИЭТ — Московский институт электронной техники. 02.02.2025. <<https://www.abiturient.ru/page/14373>>).

³ Вместе с тем большинство семей и родителей считают эти траты обоснованными, поскольку стоимость обучения в престижных вузах составляет порядка 300 тыс. руб. в год. Так, стоимость обучения на местах с оплатой обучения на первом курсе бакалавриата в 2025/26 уч. г. в НИУ «МИЭТ» будет составлять от 157 до 313 тыс. руб. за один семестр (см.: «О стоимости обучения: приказ и. о. ректора от 21 мая 2025 г. № 575». Национальный исследовательский университет «МИЭТ». 19.06.2025. <https://www.miet.ru/upload/content/abiturient_ru/PriemKom/2025/MIET_PK-2025_Prikaz_o_stoimosti_1sem_2025-2026.pdf>).

В России, согласно данным Росстата, существует аналогичная зависимость бедности и возраста: «В 2022 году низкий доход был единственной характеристикой 67,7 % малоимущих (в 2020-м — 63,9 %), причем среди более молодых россиян их доля была выше, чем среди пожилых (71,4 % в возрастной категории 26—40 лет и 41,3 % в категории 76 лет и выше). По мере увеличения возраста низкий доход чаще сочетается с другими характеристиками бедности»⁴. В среднем по России 18 % 18—25-летних живут в относительной бедности, по сравнению с 9,8 % среди взрослого населения (26—65 лет)⁴. В России поколенческая уязвимость к бедности усиливается региональным аспектом (неравенством) (см., напр.: Мохнаткина, 2023), имеют место и феномен «догоняющей бедности» (Щека, Красильникова, 2011), и «карманы бедности» (Van Kempen, 1997).

Бедность и неравенство, в свою очередь, приводят к появлению страты молодых людей, которые не обучаются и не работают, поэтому не имеют постоянного источника дохода и исключены из всех сетей социальной поддержки (Касьянов, Самыгина, Манучарян, 2022; Rahmani, Groot, 2023; Росса, Neagu, Tosun, 2022). В обзорном исследовании ИНИОН РАН «Благополучие молодежи и проблемы безработицы» А. А. Раренко отмечает: «Вопрос о благополучии молодежи — сегодня один из актуальных для разных стран мира. Об этом свидетельствует не только число социологических и статистических исследований на данную тему, но и появление особого термина — NEET (Not in employment, education, or training, в пер. с англ. „не работает, не учится и не проходит профессиональную подготовку“) для описания не вовлеченной в социальную жизнь молодежи в возрасте примерно от 15 до 34 лет» (Раренко, 2023: 126).

Учащаяся молодежь России находится в особенной зоне риска. Многие исследователи изучают проблему, наличие которой мы лишь упомянули во введении: *поступление в вуз не снижает, а увеличивает социальную уязвимость*. Первокурсник, будучи оторванным от родных и сетей социальной поддержки, первые годы обучения в вузе не может работать и даже подрабатывать, не подвергнув себя риску академической неуспеваемости и исключения. Минимальная стипендия, которую получает первокурсник в первом семестре, в МИЭТ не превышает 2300 руб. — студент из малообеспеченной семьи почти неизбежно подвергается материальной депривации. Вуз в этом отношении — не только и не столько социальный лифт, сколько барьер, который молодому человеку необходимо преодолеть (или скала, на которую необходимо вскарабкаться), для того чтобы встать на социально-экономический трек экономической независимости и карьерного роста. Материальные проблемы, в свою очередь, усиливают психологическую и социальную уязвимость (Певная и др., 2022; Воронина, 2023; Дидковская, Вишневский, Зырянова, 2022). Таким образом, современные исследования социальных проблем молодежи в России и Европе составляют теоретико-методологический базис исследования. Важно отметить, что они, как правило, носят трансдисциплинарный характер.

В то же время наши исследовательские задачи лежат преимущественно в эмпирической плоскости — изучения степени эффективности различных мер социальной поддержки студентов, применяемых в вузах России. Инструментарий молодежной политики России сегодня претерпевает существенные трансформации, в том числе расширяясь за счет реализации рекомендаций Организации экономического сотрудничества

⁴ Виноградова Е. «Росстат впервые оценил бедность „во всех ее проявлениях“: Как новый показатель повлияет на социальную политику». 28.12.2024. РБК: онлайн-медиа. 19.06.2025. <<https://www.rbc.ru/economics/28/12/2024/676fba119a794701ae55d64b?ysclid=mbyxa4xjt8877962609>>.

и развития по созданию лучших возможностей для молодых людей (свод рекомендаций был принят в июне 2022 г. всеми странами — участницами ОЭСР). Рекомендации нацелены на определение приоритетов правительств в создании стратегии по улучшению жизни молодежи и также стали частью методологического базиса исследования⁵. В частности, важным императивом рекомендаций является требование комплексности и системности: молодежная политика должна иметь комплексный характер и быть нацелена на улучшение позиций молодежи в сферах занятости и трудоустройства, бизнеса и предпринимательства, образования, социальной поддержки, медицинской помощи, гражданской партиципации, доступа к государственному управлению.

В комплексе все направления и инструменты политики должны быть ориентированы на конечную цель — разворачивание глобальной (даже интернациональной) сети поддержки «Лучшее будущее для молодых людей в стареющих обществах». Так, первыми и основными направлениями молодежных политик являются: политика в области образования и развитие социальных и экономических навыков; поддержка трудоустройства и развития карьеры; социальная поддержка. По своей сути все направления сводятся к *концепции* «инвестирования в молодежь», которая индоктринирует идею построения для каждого молодого человека сети мер поддержки, призванной смягчить для него нелегкий переход к взрослой — экономически и социально активной — жизни. Причем эти меры должны быть релевантны индивидуальной ситуации молодого человека, но опираться на передовой опыт и наиболее эффективные практики других сообществ, вузов, стран.

Первый столп политики связан с улучшением качества образовательных программ,

позволяющих молодым людям получить соответствующие навыки и компетенции. В этой части политики особо важны меры поддержки трудоустройства и развития карьеры для содействия переходу молодых людей через образование и обучение к работе. Второй столп нацелен на поддержку инициатив молодых людей в области предпринимательства и раскрытия потенциала бизнес- и социальных предприятий, возглавляемых молодежью, и стартапов, организованных и реализуемых молодыми людьми. Третий — собственно содействие трудоустройству молодежи и ее поддержка на рынке труда. Четвертый и пятый столпы набора инструментов государственного управления тесно связаны с развитием доверия молодых людей к конвенциональным социальным институтам, в первую очередь государству, и укреплением демократии (см.: Добрынина, Растимешина, 2023а; Добрынина, Растимешина, 2023b).

Степень, в которой молодые люди охвачены системами социальной помощи, различается в разных регионах Российской Федерации и зависит от базовых и дополнительных параметров систем страхования жизни и здоровья, субсидированного кредитования, размеров гарантированных минимальных пособий по нуждаемости и бедности и пр. Важно отметить, что теоретические (основанные на математическом моделировании) и эмпирические (основанные преимущественно на статистическом анализе) исследования показывают: «Основную часть малоимущего населения России составляют семьи с детьми», и в такой ситуации «действующая система социальных выплат ведет к снижению глубины и масштабов бедности этой категории населения, и предоставление комплекса пособий и компенсационных выплат на детей оказывает ощутимый сдерживающий эффект на распространение масштабов

⁵ «OECD Youth Policy Toolkit». OECD. 26 Nov. 2024. Web. 19 June 2025. <<https://doi.org/10.1787/74b68f3-en>>.

бедности в России. Непредоставление всей совокупности пособий и социальных выплат на детей в 2020 г. привело бы к увеличению численности малоимущего населения страны в 1,3 раза» (Разумов, Селиванова, 2023: 1: 91).

Вместе с тем исследователи признают, что даже самые эффективные программы замещения дохода оставляют значительную часть молодых людей в бедности (Бобков и др., 2021; Разумов, Селиванова, 2021). Дополнительные меры, включая жилищные пособия, программы дополнительного страхования здоровья, поддержку трудоустройства и пр., необходимы для того, чтобы выравнивались индексы социальной справедливости, а индексы неравенства по возрасту, напротив, снижались (Димиржиева, 2021).

Международный и российский опыт релевантно свидетельствует, что органы социальной поддержки молодежи должны мыслить, организовывать свою деятельность и администрировать ее, ориентируясь на цель создания лучших возможностей для молодежи (содействие социальной интеграции и благополучию), выходя за рамки экономических показателей и индикаторов эффективности. Иными словами, экономическими показателями трудно, а иногда невозможно измерить то, насколько положение молодых людей стало благоприятнее, чем до получения соответствующей помощи. С учетом этого мы использовали для измерения социальной эффективности принимаемых в МИЭТ мер социальной поддержки инструментарий анкетного опроса и экспертные интервью.

Социальная поддержка как значимое направление молодежной политики в НИУ МИЭТ

Опрошенные нами эксперты в ходе интервью отмечали наличие трех основных точек разрастания рисков, в которых студенты нуждаются в помощи и поддержке. Во-

первых, адаптация к поступлению в институт. Специалисты психологической службы отмечают, что с каждым годом всё больше студентов обращаются за психологической помощью. На этой точке наиболее эффективными институциональными механизмами являются институты кураторов и наставников в сочетании со службой психологической помощи.

Во-вторых, время первых сессий, когда обостряются все накопившиеся проблемы студента: адаптации, академической неуспеваемости, материальные и трудности в коммуникации.

Третьим отрезком времени, когда студенты особенно нуждаются в конкретной помощи, является период поиска места практики и освоение перспектив трудоустройства.

Соответственно, помощь и поддержка студентов осуществляется по ряду направлений.

1. Материальная помощь. Цель этого направления — обеспечить адекватную материальную поддержку молодым людям с недостаточными средствами, при условии соблюдения требования социальной ответственности со стороны получателя помощи и в сочетании с оказанием помощи в адаптации. МИЭТ в лице Департамента молодежной политики стремится гарантировать, что доступ к помощи основан на индивидуальных обстоятельствах молодых людей, а не только на доходе родителей, поскольку важнейшая задача такой помощи — способствовать переходу студента к самостоятельной жизни и получению собственных доходов.

Студенты МИЭТ, как правило, сталкиваются со значительной волатильностью (нестабильностью) доходов в период обучения и перехода от образования к работе (поиска работы) (см., напр.: Мисько, Цыганкова, Самотуга, 2025). Часто студенты прибегают к подработкам в учреждениях общественного питания, к самозанятости (Иванова, 2023). При заключении срочных трудовых

контрактов студентам, чтобы совмещать работу и обучение на старших курсах, нередко приходится соглашаться на заведомо несправедливые условия оплаты труда, мириться с низкими стандартами условий труда при высоких рисках увольнения (Колегаева и др., 2024). Периоды занятости чередуются с периодами безработицы или бездеятельности, в которые студенты испытывают депривацию, тревогу, апатию. Волатильность доходов является особенно острой проблемой для молодых людей из малообеспеченных семей: они не могут рассчитывать на финансовую поддержку родных и, как правило, не имеют сбережений и доступа к кредитам. Бедность на этом жизненном этапе может иметь долгосрочные пагубные последствия для перспектив трудоустройства и заработка на протяжении всей жизни, поскольку она загоняет молодых людей в ловушку низкооплачиваемой и некачественной работы, безработицы, неполной занятости, без возможности вернуться к образованию, продолжить обучение и разорвать порочный круг.

В МИЭТ действует комплексная система материальной поддержки студентов в трудных жизненных обстоятельствах. В пределах средств стипендиального фонда университет также оказывает социальную поддержку студентам — гражданам РФ, обучающимся очно за счет бюджетных средств. Варианты могут быть различны: получение государственной академической стипендии, повышенной государственной академической стипендии, социальной стипендии, единовременной материальной поддержки в случае непредвиденных или сложных жизненных ситуаций. Для студентов, которые относятся к категориям, нуждающимся в дополнительной помощи, предусмотрены государственные социальные стипендии — обычная (от 4500 руб., в зависимости от категории) и повышенная (15 000 руб.). Если студент оказался в сложной жизненной ситуации или относится к особой социальной катего-

рии, ему может быть оказана единовременная материальная помощь (до 60 000 руб.). Сегодня этот вид поддержки получают студенты, относящиеся к 16 социальным категориям.

С 2022 г. в университете предусмотрены дополнительные меры материальной поддержки для студентов из семей участников специальной военной операции, а также для студентов, прибывших с новых и приграничных территорий. Размер материальной поддержки для них составляет до 40 000 руб. В 2024 г. одному студенту, обучающемуся на платной основе, была оказана такая материальная помощь. Поскольку средства на эти цели выделяются из стипендиального фонда, предназначенного только для студентов бюджетной формы обучения, университет нашел иной источник финансирования для выплат. Кроме того, в 2024 г. студентам, прибывшим с новых и приграничных территорий, предоставили право заселяться в общежитие раньше установленных сроков.

2. Интеграция и адаптация. На базе Управления внеучебной деятельности МИЭТ действует Молодежный центр — единое окно обращений студентов по всем внеучебным вопросам: социальная поддержка, психологические консультации, предоставление места в общежитии, организация досуговой и культурно-массовой активности и другие. Специалисты центра помогают разрешить сложные ситуации или направить студента в нужное подразделение для решения той проблемы, с которой он обратился.

В составе Молодежного центра функционируют следующие рабочие группы: молодежный исследовательский центр, ситуационный центр МИЭТ, университетский штаб «Мы вместе». Молодежный центр работает в тесном сотрудничестве с профкомом вуза. Основные задачи профкома — защита социально-экономических прав и интересов, приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества, совместное

решение студенческих проблем. Студент, вступая в профсоюз, получает не только социальную, но и юридическую защиту. Это дает гарантию того, что на протяжении всей учебы права членов профсоюза не будут нарушены.

Для успешной интеграции студентов в университетскую среду реализуются программы социальной адаптации. Первокурсники получают поддержку через вводные лекции от кафедр и институтов, а также благодаря школе наставников, которая каждый год обучает примерно 110 квалифицированных наставников из числа студентов. Наставники — это студенты старших курсов, которые оказывают первокурсникам содействие в учебе, отслеживают посещаемость, организуют для них мероприятия (формирование команды, знакомство с городом и т. п.). Деятельность кураторов и наставников курирует Студенческий совет МИЭТ. Орган студенческого самоуправления в университете представляет интересы студентов перед администрацией вуза, проводит опросы, развивает досуг МИЭТ.

Одним из важных аспектов поддержки является психологическая помощь, которая доступна как очно, так и онлайн. Студенты могут получить консультацию у профессиональных психологов, записавшись на прием через специальную платформу⁶.

С 2019 г. для студентов с ограниченными возможностями здоровья предусмотрена программа «Доступная среда». В рамках этой программы им предоставляется медицинская и материальная помощь, а также технические средства и индивидуальная поддержка.

Университет с 2024 г. активно развивает программы помощи молодым семьям, открыв на базе Молодежного центра «Единое окно». Студентам предоставляются матери-

альная помощь, семейные комнаты в студенческом городке МИЭТ; кроме того, с декабря 2024 г. студенческие семьи могут пользоваться возможностями комнаты матери и ребенка с сертифицированным специалистом по работе с детьми.

3. Поддержка трудоустройства. Социальные трансферты важны для предотвращения бедности среди молодых людей, когда они переходят на рынок труда, но необходимы дополнительные меры, чтобы направить их на путь самодостаточности.

Сама по себе социальная защита в форме материальных субсидий может стать демотивирующим фактором для поиска работы и трудоустройства. Поэтому важнейшей частью политики МИЭТ является активация и партиципация — помощь студентам в начале карьерного пути и в обретении надежной и стабильной занятости. Существуют убедительные доказательства того, что социальная защита, обусловленная усилиями по поиску работы и участием в политике активации, повышает уровень занятости молодых людей⁷ (Blundell et al., 2004; Kluve et al., 2019; Hernæs, 2020) и снижает неактивность среди них, чем способствует накоплению человеческого капитала (Bratsberg et al., 2019).

В МИЭТ на постоянной основе функционирует Центр развития карьеры. Основные его задачи:

- проведение аналитической работы по выявлению текущих и перспективных потребностей рынка труда, анализ соответствия основных и дополнительных образовательных программ требованиям работодателей, предъявляемым к качеству подготовки специалистов;
- установление и поддержание партнерских отношений с целевой группой предприятий-работодателей, с местными органами власти, в том числе

⁶ Психологическая служба МИЭТ. Соп. 2025. <<https://миэт.записьонлайн.рф>>.

⁷ Dahlberg M., Johansson K., Mörk E. “On Mandatory Activation of Welfare Recipients: IZA discussion paper No. 3947”. *IZA Institute of Labor Economics*. Jan. 2009. Web. 25 June 2025. <<https://docs.iza.org/dp3947.pdf>>.

- с территориальными органами государственной службы занятости населения, общественными организациями и т. п.;
- содействие трудоустройству студентов и выпускников путем создания базы вакансий и резюме соискателей из числа студентов и выпускников;
- проведение профориентационной работы, разработка карьерных карт и возможных карьерных траекторий, консультирование студентов и выпускников по вопросам трудоустройства;
- разработка методических и информационных материалов, проведение мероприятий, способствующих трудоустройству выпускников и повышающих их конкурентоспособность на рынке труда (ярмарки вакансий, дни карьеры, тренинги, семинары и т. д.).

В Центре развития карьеры постоянно работают карьерные консультанты, обладающие навыками и опытом для поддержки студентов, находящихся в процессе трудоустройства или поиска работы. Эксперты центра проводят для студентов и выпускников индивидуальные консультации по вопросам трудоустройства. На консультациях эксперты рассказывают о текущих тенденциях и карьерных возможностях (по конкретной специальности), помогают составить или отредактировать резюме, готовят к прохождению собеседования, подсказывают, как быстрее адаптироваться на работе. Центр развития карьеры МИЭТ и эксперты помогают в трудоустройстве всем студентам и молодым ученым, в том числе с ограниченными возможностями здоровья.

В НИУ МИЭТ запущена цифровая карьерная среда на базе межуниверситетской платформы «Факультетус». Возможности, которые она открывает: получить доступ к множеству вакансий от ведущих компаний и в дальнейшем — приглашения от работодателей, участвовать в карьерных мероприятиях МИЭТ, создавать проекты, искать

единомышленников. В системе доступны размещение вакансий и стажировок, подбор соискателей, предложение мероприятий, проведение тестирований и многое другое. Данная система используется в НИУ МИЭТ как учетная.

Мы проанализировали эффективность действующей системы социальной поддержки на основе устного анкетирования 320 человек — получателей социальной поддержки. Более 72 % пользователей оценили систему как эффективную и полезную, отметив, что полученная поддержка была важна им лично и необходима для выхода из сложной жизненной ситуации.

Обсуждение и выводы

Наш анализ показал, что комплексная система социальной поддержки, включающая совокупность мер по поддержке перехода студента из состояния учащегося к статусу работающего, является важным направлением молодежной политики, конечная цель которой — снижение социального неравенства по возрасту и улучшение благосостояния молодых людей. Полученные нами результаты в полной мере соотносятся с результатами других исследований, в которых показано и доказано:

- проблема экономического неравенства по возрасту актуальна, активно рефлексირуема на различных уровнях, ее осознают и переживают сами студенты;
- проблемы «входа» студента во взрослую жизнь не следует недооценивать, поскольку та помощь, которая может и должна быть оказана молодому человеку в преодолении жизненных препятствий, сопровождающих обучение в вузе, выступает ключевой частью институционального механизма развития человеческого капитала и снижения индексов бедности и неравенства.

Относительно неожиданным для нас стало выявление важности того направления

социальной поддержки, которое связано с практиками и трудоустройством студентов: эксперты отметили, что, несмотря на уникальное расположение и статус МИЭТ, помощь в профессионализации и профессиональной адаптации запрашивают более 70 % всего контингента старшекурсников и выпускников всех уровней обучения.

Значимым результатом также стало выявление корреляции между получением помощи и поддержки и лояльностью вузу. Вклады психологической, материальной и других видов помощи в лояльность предварительно оцениваются нами как равнозначные, хотя этот вывод требует уточнения и проверки.

Список литературы и источников / References

- Ахмедова А. Р., Желдакова А. В., Маслов В. С., Коллегаева Е. А., Перин С. А., Климова А. А. «Социальное неблагополучие как фактор конфликтности в молодежной среде (по материалам междисциплинарного исследования в г. Барнауле)». *Социодинамика* 11 (2024): 14—31. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.11.72563>. EDN: SOIGLT.
- Akhmedova A. R., Zheldakova A. V., Maslov V. S., Kolegaeva E. A., Perin S. A., Klimova A. A. “Social Disruption as a Factor of Conflict Among Young People (Based on the Materials of an Interdisciplinary Study in Barnaul, Russia)”. *Sotsiodinamika = Sociodynamics* 11 (2024): 14—31. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.11.72563>
- Бараш Р. Э., Тюрина И. О. «Студенческая молодежь: психоэмоциональный и социальный автопортрет (по результатам фокус-групп)». *Вестник РУДН сер. Социология* 24.2 (2024): 430—444. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444>. EDN: QZYNLW.
- Barash R. E., Tyurina I. O. “Student Youth: Psycho-Emotional and Social Self-Portrait (Based on the Results of Focus Groups)”. *Vestnik RUDN ser. Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology* 24.2 (2024): 430—444. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444>
- Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Колмаков И. Б., Одинцова Е. В., Черных Е. А. *Мониторинг доходов и уровня жизни населения России: [монография]. Т. 4 (200). 2020 год.* М.: Фабрика офсетной печати, 2021. 116 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021>. EDN: POOVUI.
- Bobkov V. N., Gulyugina A. A., Kolmakov I. B., Odintsova E. V., Chernykh E. A. *Monitoring of Incomes and Living Standards of the Population of Russia: monograph. Vol. 4 (200). 2020.* Moscow: Fabrika ofsetnoy pechati, 2021. 116 p. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021>
- Воронина Н. С. «Социальная справедливость в оценках российской молодежи (на основе данных RLMS за 2019 г.)». *Общественные науки и современность* 2 (2022): 95—108. <https://doi.org/10.31857/S0869049922020071>. EDN: EVXLVA.
- Voronina N. S. “Social Justice in the Assessments of Russian Youth (Based on 2019 RLMS Data)”. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World* 2 (2022): 95—108. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869049922020071>
- Дидковская Я. В., Вишневецкий Ю. Р., Зырянова О. Б. «Социальная безопасность студенческой молодежи как субъективное восприятие рисков». *Научный результат. Социология и управление* 8.4 (2022): 57—70. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6>. EDN: NVBYMM.
- Didkovskaya Ya. V., Vishnevskiy Yu. R., Zyrjanova O. B. “Social Security of Student Youth as a Subjective Perception of Risks”. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye = Research Result. Sociology and Management* 8.4 (2022): 57—70. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6>

- Димиржиева Г. В. «Актуальные проблемы оценки эффективности социальной поддержки в России: федеральный и региональный аспекты». *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал* 2 (66) (2021): 18. 24 июня 2025. <<https://eee-region.ru/article/6618/>>. EDN: YUICRZ.
- Dimirzhieva G. V. "Actual Problems of Evaluating the Effectiveness of Social Support in Russia: Federal and Regional Aspects". *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal = Regional Economy and Management: electronic scientific journal* 2 (66) (2021): 18. (In Russian). Web. 24 June 2025. <<https://eee-region.ru/article/6618/>>. <https://doi.org/10.24412/1999-2645-2021-266-18>
- Добрынина М. В., Растимешина Т. В. «Деинституционализация политического участия молодежи как вызов демократии». *Вопросы политологии* 13.9-2 (97-2) (2023a): 4687—4696. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.97-2.9-2.003>. EDN: ZTVBIR.
- Dobrynina M. V., Rastimeshina T. V. "Non-Participation of Young People in Elections and Referendums as a Challenge to Democracy". *Voprosy politologii* 13.9-2 (97-2) (2023a): 4687—4696. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.97-2.9-2.003>
- Добрынина М. В., Растимешина Т. В. «Политическая активность молодежи: тенденции, проблемы, противоречия». *Российский социально-гуманитарный журнал* 4 (2023b): 2. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-4-1356>. EDN: TYBVZC.
- Dobrynina M. V., Rastimeshina T. V. "Political Activity of Young People: Trends, Problems, Contradictions". *Rossiyskiy sotsial'no-gumanitarnyy zhurnal = Russian Social and Humanitarian Journal* 4 (2023b): 2. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-4-1356>
- Иванова Н. Л. «Особенности вторичной занятости студентов». *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта* 1 (215) (2023): 200—205. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.01.p200-2051>. EDN: ZBVLXW.
- Ivanova N. L. "Peculiarities of Secondary Student Employment". *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta = Scientific Notes of P. F. Lesgaft University* 1 (215) (2023): 200—205. (In Russian). <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.01.p200-2051>
- Касьянов В. В., Самыгина Л. В., Манучарян А. К. «Социальная апатия современной российской молодежи: факторы формирования и перспективные способы преодоления». *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки* 11-1 (2022): 54—59. EDN: GDSMEJ.
- Kasyanov V. V., Samygina L. V., Manucharyan A. K. "Social Apathy of Modern Russian Youth: Factors of Formation and Promising Ways to Overcome". *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences* 11-1 (2022): 54—59. (In Russian).
- Колегаева Е. А., Желдакова А. В., Климова А. А., Маслов В. С., Перин С. А., Ахмедова А. Р. «Конфликтотенность вторичной занятости студентов (по материалам междисциплинарного исследования студентов г. Барнаула)». *Социодинамика* 11 (2024): 58—76. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.11.72564>. EDN: SUYMYF.
- Kolegaeva E. A., Zheldakova A. V., Klimova A. A., Maslov V. S., Perin S. A., Ahmedova A. R. "Conflictogenicity of Secondary Employment of Students (Based on the Materials of an Interdisciplinary Study of Students in Barnaul)". *Sotsiodinamika = Sociodynamics* 11 (2024): 58—76. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.11.72564>
- Мисько О. Н., Цыганкова И. В., Самотуга В. Н. «Самозанятость студентов: вынужденная необходимость или стремление к реализации предпринимательских идей?». *Экономика и управление* 31.2 (2025): 149—159. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-2-149-159>. EDN: TEPNSA.
- Misko O. N., Tsygankova I. V., Samotuga V. N. "Self-Employment of Students: Factual Constraint or Striving for Implementing Business Ideas?". *Ekonomika i upravleniye = Economics and Management* 31.2 (2025): 149—159. (In Russian). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-2-149-159>

- Мохнаткина К. В. «Региональная бедность: поколенческий аспект». *Известия Саратовского университета* нов. сер. Сер. Социология. Политология 23.4 (2023): 386—397. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-386-397>. EDN: YKYUEW.
- Mohnatkina K. V. “The Regional Poverty: Generation Aspect”. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya = *Izvestia of Saratov University* ns ser. Sociology. Politology 23.4 (2023): 386—397. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-386-397>
- Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С., Тарасова А. Н., Андрианова Т. В., Худякова М. В., Шаповалова И. С. «Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года)». *Научный результат. Социология и управление* 8.3 (2022): 116—136. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>. EDN: VYDKQJ.
- Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Kienko T. S., Tarasova A. N., Andrianova E. V., Khudyakova M. V., Shapovalova I. S. “Fears of Russian Students in a Situation of Social Uncertainty (Spring 2022)”. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye* = *Research Result. Sociology and Management* 8.3 (2022): 116—136. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>
- Разумов А. А., Селиванова О. В. «Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения ее уровня». *Социально-трудовые исследования* 4 (45) (2021): 75—88. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88>. EDN: SNUWCF.
- Razumov A. A., Selivanova O. V. “Poverty in Russia: Regional Features and Prospects for Poverty Reduction Instruments”. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya* = *Social & Labor Research* 4 (45) (2021): 75—88. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88>
- Разумов А. А., Селиванова О. В. «Влияние детских пособий и компенсационных выплат на снижение уровня бедности в регионах РФ». *Социально-трудовые исследования* 1 (50) (2023): 83—93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-83-93>. EDN: LAOWFK.
- Razumov A. A., Selivanova O. V. “The Impact of Child Benefits and Compensation Payments on Poverty Reduction in the Regions of Russia”. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya* = *Social & Labor Research* 1 (50) (2023): 83—93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-83-93>
- Раренко А. А. «Благополучие молодежи и проблемы безработицы (обзор)». *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература* сер. 11 Социология 4 (2023): 125—136. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2023.04.07>. EDN: RHBCKD.
- Rarenko A. A. “Youth’s Well-Being and Unemployment (Review)”. *Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura* ser. 11 Sotsiologiya = *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature* ser. 11 Sociology 4 (2023): 125—136. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/rsoc/2023.04.07>
- Щека Н. Ю., Красильникова О. В. «Догоняющая бедность» студентов вузов как современная социальная проблема (на примере АмГУ)». *Вестник Амурского государственного университета* сер. Гуманитарные науки 54 (2011): 45—50. EDN: PZJLTZ.
- Shcheka N. Yu., Krasil'nikova O. V. “‘Overtaking’ Poverty of University Students as Contemporary Social Problem (Using the Example of AmGU)”. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* ser. *Gumanitarnyye nauki* 54 (2011): 45—50. (In Russian).
- Blundell R., Costa Dias M., Meghir C., Reenen J. van. “Evaluating the Employment Impact of a Mandatory Job Search Program”. *Journal of the European Economic Association* 2.4 (2004): 569—606. <https://doi.org/10.1162/1542476041423368>
- Bratsberg B., Hernæs Ø., Markussen S. et al. “Welfare Activation and Youth Crime”. *The Review of Economics and Statistics* 101.4 (2019): 561—574. https://doi.org/10.1162/rest_a_00787
- Hernæs Ø. M. “Distributional Effects of Welfare Reform for Young Adults: An Unconditional Quantile Regression Approach”. *Labour Economics* 65 (2020): 101818. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101818>

- Kluge J., Puerto S., Robalino D. et al. "Do Youth Employment Programs Improve Labour Market Outcomes? A Quantitative Review". *World Development*. 114 (2019): 237—253. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.10.004>
- Rahmani H., Groot W. "Risk Factors of Being a Youth Not in education, Employment or Training (NEET): a Scoping Review". *International Journal of Educational Research* 120 (2023): 102198. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2023.102198>
- Rocca A., Neagu G., Tosun J. "School-Work-Transition of NEETS: a Comparative Analysis Of European Countries". *Youth & Society* 54.2suppl (2022): 130—152. <https://doi.org/10.1177/0044118X211051761>
- Van Kempen E. V. A. T. "Poverty Pockets and Life Chances". *American Behavioral Scientist* 41 (1997): 430—449. <https://doi.org/10.1177/0002764297041003010>

Информация об авторах

Юдицкая Светлана Евгеньевна — ассистент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), yudickayasss@yandex.ru.

Огурешина Анастасия Олеговна — начальник Отдела социального сопровождения обучающихся Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), nastia.ogureshina@yandex.ru.

Алкаев Игнатий Александрович — студент Института микроприборов и систем управления им. Л. Н. Преснухина Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), raider.ignat@gmail.com.

Information about the authors

Svetlana E. Yudickaya — Teaching Assistant at the Department Economics, Management and Finance, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), yudickayasss@yandex.ru.

Anastasiya O. Ogureshina — Head of the Office for Social Support of Students, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), nastia.ogureshina@yandex.ru.

Ignatiy A. Alkaev — Student at the Institute of Microdevices and Control Systems n. a. L. N. Presnukhin, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), raider.ignat@gmail.com.

Авторский вклад

Юдицкая С. Е. — администрирование и моделирование исследовательского проекта; изучение концепций; развитие методологии; критический анализ и доработка текста.

Огурешина А. О. — изучение концепций; курирование данных; сбор и анализ данных; подготовка начального варианта текста.

Алкаев И. А. — сбор и обработка данных эмпирического исследования (анкетирования).

Author Contributions

S. E. Yudickaya — research project administration and moderation; concepts studying; methodology development; writing — review & editing.

A. O. Ogureshina — conceptualization; data curation; data collection and analysis; writing — original draft.

I. A. Alkaev — empirical study (questionnaire) data collection and processing.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024, одобрена после рецензирования 05.02.2025.

The article was submitted 10.12.2024, approved after reviewing 05.02.2025.

ИНФОРМАЦИЯ

INFORMATION

Памятные и знаменательные даты

Memorable and remarkable dates

List of landmarks and significant dates in world and Russian history.

В апреле — июне 2025 г.

8 апреля 1870 г. (155 лет назад) родился *Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский* — советский географ, геолог и статистик, профессор Педагогического института при Петроградском университете (1918—1922), автор первого геоморфологического районирования Европейской России и Кавказа и первого гидрологического районирования Северной Евразии¹. Для трудов В. П. Семёнова-Тян-Шанского характерны междисциплинарность и полимасштабность. В труде 1928 г. «Район и страна» ученый описал антропогеографические взаимоотношения в экономической и политической географии, технику районирования, классификацию районирования, вывел теорию района: «географический район есть произведение, с одной стороны, пространства, а с другой — движения, как внутреннего в этом пространстве, так и проникающего в это пространство извне, а также и выходящего из этого пространства в другие»². Отталкиваясь от тезиса софистов о человеке как мере всех вещей, Семёнов-Тян-Шанский выдвинул понятие географического синтеза, понимая его как слияние экономической географии (уже охватившей природные условия — и органические, и неорганические — в качестве естественных производительных сил) с этнополитической географией и рассматривая,

таким образом, два аспекта человеческой деятельности: взаимодействие людей с вещами и людей с людьми.

21 мая 1265 г. (760 лет назад) родился *Данте Алигьери* — итальянский поэт и мыслитель, создатель итальянского литературного языка. Философские и политические трактаты Данте «Пир», «О народной речи» (1307), «Послания» (1316) стали первыми образцами философской прозы на народном итальянском языке. В них были изложены вопросы морали, богословия, родства романских языков и итальянских диалектов, учения о свойствах души и интеллекта. В трактате «Монархия» (1313) Данте впервые провозгласил принцип разделения духовной и светской власти, настаивая на полном суверенитете последней. Вершина творчества Данте — поэма «Комедия» (1307—1321), позднее названная «Божественной», своего рода поэтическая энциклопедия средних веков. Творчество Данте оказало неоспоримое влияние на развитие итальянской литературы и европейской культуры в целом. В 1966 г. при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР была создана постоянно действующая Дантовская комиссия, труды которой регулярно (по 2005 г. включительно) издавались в сборнике «Дантовские чтения».

26 июня 1905 г. (120 лет назад) родился *Жан-Поль Сартр* — французский писатель,

¹ «Апрель». Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской: [сайт]. <<https://orenlib.ru/article/god-nauki-i-tehnologii-znamenatelnye-daty/aprel.html>>.

² Семёнов-Тян-Шанский В. П. *Район и страна*. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1928. 11.

философ и публицист, представитель французского атеистического экзистенциализма. Среди главных его работ — «Воображаемое» (1940), «Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии» (1943), «Критика диалектического разума» (1960—1985, 2-й том не был завершен). Категориальный каркас философского наследия Сартра составляют такие универсальные концепты, как свобода и ответственность. Один из важнейших тезисов: существование человека предшествует его сущности; поставленный в ситуацию выбора, человек должен сам определить себя как нечто, выбрать свою сущность, и только от его собственного выбора зависит, кем он будет.

В 2025 г. отмечается 800 лет со времени рождения *Фома Аквинского* (ок. 1225—1274), средневекового философа и теолога, создателя философского учения томизма. Рецепция его многогранного наследия в истории философской культуры продолжается по сей день. В глубоко духовной жизни св. *Фомы Аквинского* богословский «рационализм» не умалял значения благодати Божией. В основе философской и богословской систем *Фомы Аквинского* лежит тезис о принципиальном согласии веры и рационального познания: «Основной задачей мыслителя было примирение веры со знанием на базе осмысления с христианских позиций наследия Аристотеля <...> Теоретическая позиция *Фомы Аквинского* достаточно гибка. Религиозные догматы и принципы разума не зависят друг от друга. Наука и философия выводят истины из опыта и разума, а религия их находит в откровении. При этом вера превосходит знание, поскольку носит сверхразумный характер <...> Все виды власти на Земле — от Бога. Государство должно содействовать общему благу, заботиться о сохранении мира и справедливости в обществе»³.

Даты, отмечаемые ежегодно

2 апреля — *День единения народов России и Беларуси*. В этот день в 1996 г. президенты России и Беларуси Б. Н. Ельцин и А. Г. Лукашенко подписали Договор об образовании Сообщества России и Беларуси. 8 декабря 1999 г. создано Союзное государство. Ежегодно за счет его бюджета реализуются проекты в области безопасности, медицины, научно-технических исследований и др. Важная составляющая российско-белорусских отношений — межрегиональное сотрудничество, которое способствует развитию торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей между странами.

15 апреля — *День экологических знаний*. Необходимость экологического образования заявлена в 1992 г. на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро. В России этот праздник отмечается с 1996 г. по инициативе общественных природоохранных организаций. Сегодня реализуется Всероссийская акция «Неделя экологических знаний» — эколого-просветительские мероприятия в регионах, а также Национальный проект «Экология», в рамках которого действуют Всероссийское экологическое общественное движение «Экосистема» и Общероссийское общегосударственное движение детей и молодежи «Движение Первых», при поддержке Федерального агентства по делам молодежи, публично-правовой компании «Российский экологический оператор». Воспитательная задача проекта — подготовка гражданина, умеющего мыслить экологически.

23 апреля — *Всемирный день книги и авторского права*. Ежегодно в этот день в целях сотрудничества между основными партнерами в книгоиздательском деле отборочный комитет присваивает одному из городов звание Мировой столицы книги. В комитет входят представители ЮНЕСКО и трех международных профессиональных книгоиздатель-

³ *Философия: учеб. пособие*. Под общ. ред. А. И. Пирогова. 2-е изд., доп. М.: Проспект, 2024. 98—99.

ских организаций — Международного союза издателей, Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений и Международной федерации книготорговцев.

26 апреля — *Международный день интеллектуальной собственности* (англ. World Intellectual Property Day). Инновации — патенты, товарные знаки, авторское право и смежные права — содействуют экономическому и культурному развитию. Специализированное учреждение ООН по вопросам творчества и интеллектуальной собственности WIPO содействует охране и развитию интеллектуальной собственности в мире.

27 апреля — *День российского парламентаризма*, учрежден в 2012 г. В Парламентском центре (СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ) — Таврическом дворце — прошло несколько выездных заседаний Государственной думы и Совета Федерации. В здании Таврического дворца располагается Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ). 17 июня в Таврическом дворце прошло первое заседание Экспертного совета по культуре при Межпарламентской Ассамблее Содружества Независимых Государств. Первоочередные задачи Экспертного совета по культуре — сохранение национального библиотечного фонда и непрерывность работы национальных библиотек, решение задач, связанных с институтом интеллектуальной собственности в цифровой среде (включая оцифровку библиотечных фондов, спектаклей и музыкальных произведений), а также вопросов искусственного интеллекта — возможностей и рисков его использования.

24 мая — *День славянской письменности и культуры*. В честь праздника проводится Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» и церемония награждения лауреатов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учрежденной решением Священного синода Русской православной церкви.

6 июня — *День русского языка*. Особая роль в продвижении русского языка отводится фонду «Русский мир», учрежденному Министерством иностранных дел России. Среди мероприятий фонда — программа «Профессор Русского мира», а также поддержка профессиональных организаций русистов, Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Согласно исследованию экспертов Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина «Индекс русского языка в современном мире» (2024), в представительствах международных организаций русский язык занимает твердое четвертое место, уступая только английскому, испанскому и французскому.

30 июня — *Международный день парламентаризма*. Одним из инициаторов Международного дня парламентаризма является Россия. В октябре 2017 г. на очередной сессии Межпарламентского союза, проходившей в Санкт-Петербурге, была одобрена инициатива спикера Верхней палаты Парламента РФ В. И. Матвиенко и составлено обращение в Генеральную Ассамблею ООН, которая приняла соответствующую резолюцию 23 мая 2018 г. Соавторами резолюции выступили более ста государств.

Книжные новинки

New books

Books on philosophy, tax management and pedagogy edited recently by leading publishing houses of Moscow, Krasnodar and Izhevsk.

Горохов П. А. Философские идеи в мировой литературе: историко-философские очерки : монография / П. А. Горохов. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 353 с. — (Научная мысль. Философия). — <https://doi.org/10.12737/2180376>. — ISBN: 978-5-16-020532-8. — EDN KCRQYX.

В книге рассматриваются актуальные аспекты творчества великих философов, писателей и поэтов — мыслителей, наиболее убедительно показавших генетическую связь философии и литературы как форм смыслообразующей деятельности в человеческой культуре. Издание предназначено для философов, филологов, политологов, специалистов в области мировой и отечественной культуры.

Лешкевич Т. Г. Где заканчиваются технологии и начинается человек: социально-гуманитарное понимание искусственного интеллекта : монография / Т. Г. Лешкевич. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 221 с. — (Научная мысль). — <https://doi.org/10.12737/2189092>. — ISBN: 978-5-16-020726-1 (print), 978-5-16-113386-6 (online). — EDN TTLXIC.

В монографии рассматриваются проблемы искусственного интеллекта (ИИ), анализируется симбиоз современного человека и технологий с учетом позитивных и негативных последствий. Демонстрируются фундаментальные ограничения компьютерной теории сознания и новые конфигурации субъективности цифровой эпохи. Раскрываются барьеры алгоритмизации и обсуждается проблема субъектности нейронных сетей. Обосновывается необходимость создания теории сознания, основанной на субъективном опыте человека. Книга адресована широкому кругу читателей: исследователям, студентам, аспирантам, преподавателям и всем, кто интересуется развитием ИИ.

Полинская М. В. Налоговое администрирование: организация, тенденции и направления совершенствования : монография / М. В. Полинская, О. А. Левшукова. — Краснодар : КубГАУ, 2025. — 191 с. — ISBN: 978-5-00179-608-4. — EDN YRRBYQ.

Монография посвящена тенденциям развития налогового администрирования в РФ. Раскрыта сущность и даны методические аспекты налогового администрирования, представлены тенденции цифровизации налогового администрирования на современном этапе, проведена оценка его эффективности и предложены направления совершенствования. Книга будет полезна экономистам, финансистам и другим лицам, занимающимся проблемами налогов и налогообложения, налогового администрирования, а также обучающимся экономических направлений.

Соловьев Г. Е. Конфронтационная педагогика: теория и практика : монография / Г. Е. Соловьев, Д. С. Тиунова. — Ижевск : Удмуртский университет, 2025. — 134 с. — <https://doi.org/10.35634/978-5-4312-1249-9-2025-1-134>. — ISBN 978-5-4312-1249-9. — EDN OHJWZU.

В монографии раскрыта специфика конфронтационного подхода в педагогике, который направлен на изменение поведения девиантных детей и молодежи. Представлена информация об основных методах конфронтационной педагогики, а также практический опыт использования конфронтационного метода в работе с молодежью. При-

водятся результаты эмпирического исследования, направленного на выявление эффективности программы профилактики девиантного поведения студентов на основе конфронтационного социального тренинга. Книга предназначена для психологов, педагогов, социальных работников.

К сведению авторов

For the Authors

Правила оформления рукописей (действуют с 1 марта 2025 г.)

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 номера журнала. Онлайн-подписка оформляется по каталогу «Пресса России». Подписной индекс: **80114**. Ссылка на каталог: https://www.akc.ru/itm/y_ekonomicheskije_i_sotsialno-gumanitarnye_issledovaniya

Научный журнал «Экономические и социально-гуманитарные исследования» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Основные рубрики:

- экономика инновационного развития: теория и практика;
- философия: мир в человеке и человек в мире;
- педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи (подписанный всеми авторами, допускается электронная подпись в формате pdf), включая список авторов, название, аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список;
- 2) анкеты авторов (образец анкеты можно получить в редакции);
- 3) рекомендации кафедры; сопроводительное письмо на официальном бланке (для аспирантов из сторонних организаций).

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 8—10 страниц текста (от 20 000 до 40 000 знаков); материалы объемом менее 6 страниц текста (12 000 знаков) рассматриваются как краткие сообщения. Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Внимание! Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат». Оригинальность текста: не менее 78%; самоцитирование не более 10%; цитирование не более 20%.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; аннотация на русском и английском языках; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Авторам настоятельно рекомендуется структурировать текст статьи: выделить вводную часть, описание материалов и методов исследования (изложение теоретических основ, обзор основных теорий), результаты и их обсуждение, сделать выводы.

Аннотация (описательная) предоставляется на русском и английском языках, должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов: предмет, основные гипотезы, результаты и выводы. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др. Объем аннотации — до 150 слов.

Ключевые слова или словосочетания должны отвечать тематике исследования, соответствовать тематике статьи. Приводятся на русском и английском языках, отделяются друг от друга запятой, в конце точка не ставится.

Рисунки дополнительно предоставляют-ся в отдельных файлах; они должны быть черно-белыми или в градациях серого. Векторные рисунки предоставляются в любом из форматов pdf; eps; ai. Растровые рисунки (фотографии) — в любом из форматов jpeg; tiff; png; psd. Разрешение 300 точек на дюйм, ширина рисунка ≤ 160 мм.

При выборе единиц измерения следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в круглых скобках по образцу: (Автор, год: страницы), например: (Kotler, 2023: 41—58). Список литературы и источников не нумерованный, оформляется в порядке алфавита фамилий авторов и (или) первых слов названий (слово за словом). Источники на иностранных языках располагаются в конце списка и выстраиваются в соответствии с латинским алфавитом. Рекомендуются использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников для оригинальной статьи, не менее 30 источников для обзорной статьи. При необходимости число ссылок в конкретной рукописи может быть скорректировано по согласованию с редакцией.

Библиографическое описание оформляется по 7-му изданию стандарта MLA (<https://libguides.heidelberg.edu/mla7/home>) при помощи любого удобного библиоменеджера или функционала, встроенного в Microsoft Office (вкладка «Ссылки» — кнопка «Вставить ссылку»). Необходимо указать:

- для книг: фамилию и инициалы авторов (всех или 6—7 первых), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;
- для периодических изданий: фамилию и инициалы авторов (всех или 6—7 первых), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;
- для материалов конференций, школ, семинаров: фамилию и инициалы докладчиков, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;
- для электронных ресурсов: сведения об

авторстве (если есть), название, год, номер (если есть), URL, дату обращения. Список авторов и сведений о них должен содержать:

- информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, идентификаторы (SPIN, ORCID и т. п.), если есть;
- e-mail для публикации в интернете. Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты.

В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя. Все сведения должны соответствовать указанным в авторской анкете.

Требования к оформлению текста: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный, выравнивание по ширине, поля 2 см, отступ 1,25. Для форматирования текста не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (−) и тире (—). Нумерация рисунков и таблиц сквозная. Единственная таблица, единственный рисунок не нумеруются. Мелкие формулы выполняются в текстовом редакторе, а крупные в редакторе формул. Использование аббревиатур предполагает расшифровку.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: **124498, Москва, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».**
E-mail: esgi.miet@yandex.ru
Веб-сайт: <https://esgi-journal.ru>